

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	
Глава I. Символика власти в политической культуре средневековья.....	
Глава II. Влияние сопредельных стран на формирование и развитие атрибутов власти Древней Руси.....	
Глава III. Повседневный и церемониальный наряд русского князя IX-XIII вв.: становление, функционирование и развитие.....	
Глава IV. Эволюция древнерусской княжеской титулатуры, политического ритуала и воинской символики.....	
Заключение.....	
Библиография.....	
Приложение 1. Словарь терминов.....	
Приложение 2. Великие князья Киевские, Галицкие и Владимирские.....	
Приложение 3. Псевдо-Каллисфен. Александрия (отрывок).....	
Приложение 4. Иллюстрации.....	
Приложение 5. Список иллюстраций.....	
Список сокращений.....	

Введение

«Человек есть животное создающее символы»¹ – эти слова немецкого философа Э. Кассирера уже давно стали афоризмом. Вся человеческая деятельность носит символический характер. Способность создавать символы является сущностной особенностью человека. Культурный символ играет большую роль в социальной интеграции людей. Таким интегрирующим культурным символом является атрибутика власти древности и появившаяся на ее основе национальная и государственная символика.

Разрушение советской системы символов власти произошло без замены ее другой четкой и понятной системой, способной обеспечить целенаправленное воздействие на все слои и поколения российских граждан, привитие им в современных условиях любви и гордости за свою Родину. В 90-е годы прошлого века это привело к извращенному пониманию роли политической символики, следствием чего стало часто безграмотное и необоснованное использование властью тех или иных символов прошлого. Это в свою очередь вызвало резкое и справедливое неприятие новых символов у большинства общества, особенно у старшего поколения. В результате резко понизился престиж государственной и военной символики. Поэтому необходимо на основе использования исторического опыта создавать современную систему символов и атрибутов власти, активно влияющую на формирование общественного сознания гражданина, способствующую возрождению и сохранению чувства любви и преданности Отечеству.

События, происходящие в России в последние годы, подтвердили значимость символа в государственной и общественной жизни, его огромное влияние на массовое политическое сознание, поведение и культуру народа. Страна возвращается к ценностям и традициям, накопленным за всю ее многовековую историю. В такой обстановке необходимо глубокое изучение и осмысление опыта формирования, функционирования и развития атрибутов и символов власти начальных периодов существования нашего государства.

Происходящие в государстве процессы, свидетельствуют о недооценке роли политической символики и атрибутов власти как мощного средства формирования исторического сознания и исторической памяти, которые уже сами по себе являются важным условием воспитания патриотизма. Нужно более активно включать символику в жизнь государства и общества, объяснять гражданам значение символики, пропагандировать и воспитывать на исторических примерах уважение и гордость к символам своей Родины.

¹ Кассирер Э. Философия символических форм // Культурология. XX век.– М., 1995. – С. 185.

В связи с этим необходимо творческое изучение, обобщение и использование незаслуженно забытых древнейших символов власти России. Это послужит сохранению и приумножению отечественных традиций, соединению через исторические знания героического прошлого Родины с настоящим.

В проблеме развития потестарных и политических отношений, а также генезиса Древнерусского государства существует аспект, которому исследователи зачастую не уделяют внимания, считая второстепенным. Этим аспектом в истории древних и средневековых обществ являются – властная атрибутика и политический ритуал, которые, с одной стороны создают внешний антураж власти, с другой стороны выражают определенные религиозные, идеологические установки, маркирующие статус носителей власти. С этой стороны атрибуты власти можно считать предметно-действенным проявлением определенных сакральных, обыденных, идеологически закрепленных представлений о власти и ее носителях, выражающееся в комплексе регалий власти, геральдике, политическом ритуале, статусных элементах наряда, титулатуре и т.п., и даже, в какой-то мере, формирующее эти представления начало. Это то, что делало власть властью в глазах средневекового человека.

К атрибутам власти мы относим личные эмблемы, знамена, статусные элементы одежды, инсигнии власти, титулатуру, отдельные виды вооружения, политический ритуал.

- Атрибуты власти были важнейшей частью средневековой государственности и политической культуры,
- атрибуты власти Древней Руси формировались на основе праславянской, а также соседних этнокультурных традиций,
- они развивались в русле восточно-христианской европейской культуры,
- в них нашли отражение социально-политические процессы и явления,
- сущность и значение атрибутов власти следует рассматривать применительно к конкретно-исторической эпохе, учитывая политические, религиозные, международные факторы,

В данной работе представлены сравнительно-историческое исследование и историческая реконструкция атрибутов, ритуалов и символов власти в средневековых социумах и государствах, по следующей историко-географической схеме – Древняя Русь и ее соседи, на фоне возникновения и генезиса государства, в хронологических рамках вторая половина IX – середина XIII в. Древняя Русь (Русь, Русская земля) в период единого государства (до начала XII в.) и раздробленности – территория русских княжеств и земель (кроме Новгорода). Под соседями Древней Руси подразумеваются достаточно

локальные в социокультурном и политическом плане регионы: Скандинавия эпохи викингов, западные славяне и католический мир, восточно-христианская ойкумена с центром в Византии, а также кочевые социумы степей Евразии. Так или иначе, Древнерусское государство возникло и развивалось в непосредственном контакте с вышеназванными регионами, очень разными в культурном, религиозном, языковом и этническом отношении. И именно это многоплановое разнообразие Древней Руси и ее соседей стало источником той уникальной картины, сложившейся на территории Восточной Европы в изучаемый период.

История древнерусской атрибутики власти не может ограничиваться изучением традиционных геральдических источников: печатей, монет и знамен. Эти памятники представляют собой «вершину» материального воплощения национально-государственной идеи, выраженной в эмблематической форме. Особый пласт составляют, часто игнорируемые исследователями политический ритуал, статусные элементы одежды и оружия, титулатура, которые являются непосредственными атрибутами власти в эпоху средневековья. Мифологическая и религиозная основа, а также их семантика изучена довольно слабо, что не дает полной картины времени, положения власти в государстве, отношений между человеком и властью.

Сравнительное изучение атрибутов власти на фоне возникновения и генезиса Древнерусского государства с привлечением всего комплекса известных источников, методами исторической науки и смежных наук (в частности политологии, культурологии и этнографии) позволит более полно и достоверно реконструировать и составить представление о власти древнерусского князя, семантике ритуалов и символов, возникших в процессе формирования и развития политических отношений в Древней Руси.

Исследование связано с рядом объективных трудностей. В первую очередь это разобщенность источников, которая породила историографическую разобщенность, а, следовательно, и значительные источниковедческие затраты. В отечественной историографии отсутствуют обобщающие работы, содержащие теоретические разработки проблемы. В XIX веке в работах Лакиера А.Б., Кондакова Н.П. атрибуты власти рассматриваются как любопытный политико-религиозный орнамент государственности, а не как самостоятельный предмет для всестороннего изучения. А.Б. Лакиер по праву считается одним из основателей отечественной геральдической науки, но, к сожалению, он лишь эпизодично и крайне поверхностно касается древнерусского периода. Бельгийский ученый А. Ван Геннен в начале XX века стал автором термина «rites de passage» – «ритуал перехода» из одного социального статуса в другой. Французский

медиевист Ж. Ле Гофф особо подчеркивал характер коронационных церемоний как «ритуалов перехода», выделив в них три последовательные фазы.

В сравнительном аспекте тема атрибутов власти в ранних обществах и протогосударствах рассматривалась в конце XIX века в фундаментальном, но очень спорном исследовании Дж. Фрэзера «Золотая ветвь». В своей работе автор представил огромный этнографический материал, но в некоторых случаях давая ему весьма сомнительную интерпретацию. Заслуживают внимания его выводы о статусе «священных царей», результаты сравнительного анализа этнографических данных, выяснение природы табу в отношении носителей власти, теория сакрального происхождения власти.

Советская историография представлена лишь сюжетными исследованиями, не выходящими за пределы вспомогательных исторических дисциплин. Это работы Г.Н. Бочарова, Б.А. Рыбакова, В.Н. Кулакова, А.П. Новосельцева, Р.С. Орлова, М.Г. Рабиновича, М.Б. Свердлова, А.П. Толочко, П.П. Толочко и ряда других исследователей. в фундаментальных исторических работах советского периода тема атрибутов власти не затрагивалась даже попутно. Необходимо отметить, что отечественная историография если и уделяет внимание атрибутам власти, то в основном периода Московского царства и Российской империи, обходя эпоху древней Руси. В последнее время на фоне изменений в государстве и формировании новой системы символов в свет выходят работы, авторами которых являются непрофессиональные историки. В их книгах зачастую фальсифицируются факты и ссылки делаются на заведомо фальшивые источники. Так, например А.Г. Силаев использует Велесову книгу и Боянов гимн в первой главе своей книги «Истоки русской геральдики». – М., 2003.

В 80-х – 90-х годах прошлого века под влиянием французской исторической школы «Анналов» в европейской и американской исторической науке оформилось направление, занимающееся изучением идеологии и символики древних обществ. Символы власти рассматриваются не просто как инструменты организации власти, но как знаковые формы социальной коммуникации. В 1981 г. в Риме основан Международный семинар «От Рима к Третьему Риму», основным содержанием которого стал анализ языка политической идеологии и атрибутики. В 1985 году в Торонто начала работу Международная междисциплинарная комиссия по изучению институтов, идей и символов древних обществ. В настоящее время, доминирующее положение в изучении средневекового политического ритуала занимает американская школа (Р. Джексон, С. Хэнли). Спецификой этой школы является то, что атрибуты власти рассматриваются в свете глобальной проблемы генезиса государства с широким использованием компаративистских методик и этнографического материала.

Источниковую базу данной работы можно разделить на несколько групп разных по объему и значению: 1) письменные источники – летописи, хроники, жизнеописания, актовые памятники, литературно-публицистические памятники, эпиграфика, граффити; 2) лингвистические источники; 3) памятники сфрагистики и нумизматики; 4) археологические источники; 5) иконография – фрески, мозаики, книжные миниатюры; 6) этнографические источники.

Степень достоверности письменных источников достаточно высока по отношению к нашей теме. Древние авторы достаточно точно описывали политический ритуал и атрибуты власти своих правителей, излишние комплименты могут встречаться лишь в титулатуре, но это всегда бросается в глаза исследователю. В большинстве письменных источников описание атрибутов власти не было самоцелью авторов, чаще всего это происходило походя и только в немногих случаях встречается подробный рассказ. Поэтому даже незначительный пассаж в источнике часто имеет важное значение. В письменных источниках содержится описание ритуалов и титулатуры и практически не слова об инсигниях власти. В работе использованы древнерусские летописи Повесть временных лет, Ипатьевская, Лаврентьевская, Троицкая, Новгородская Первая старшего и младшего изводов, Радзивилловская; актовые памятники Новгорода и Пскова; княжеские уставы; публицистика – Иакова Мниха, митрополита Илариона, Даниила Заточника; западноевропейские хроники Видукинда Корвейского, Генриха латвийского, Эйнгарда; эпические произведения – исландские саги, Старшая Эдда, Слово о полку Игореве, «Круг Земной» Снорри Стурлусона; путевые заметки арабских ученых – Ибн Фадлана, Ибн Хордадбега, Ибн Русте, Гардизи; сочинения византийского императора Константина VII Багрянородного «О церемониях» и «об управлении империей» и ряд других.

Более содержательной, в нашем случае является группа археологических артефактов. За последние два века было найдено довольно большое число отдельных предметов и кладов (Сахновский, Киевский, Суздальский, клады из Старой Рязани), исследованы княжеские захоронения Руси и Скандинавии (Черная могила, некрополь Владимирского Успенского собора, Еллинг, Уппсала, Конунгахелла). Значительную информацию по титулатуре и регалиям дают актовые печати и пломбы, а также нумизматика – златники и сребреники Владимира Святого, Ярослава Мудрого и Святополка Окаянного, арабские дирхемы IX-X вв. обращавшиеся на Руси, монеты-подвески. Особую группу источников составляют граффити на предметах и стенах зданий. Неоценимую по части информативности, но, к сожалению, очень небольшую группу составляет иконография – ктиторские фрески в храмах, книжные миниатюры. К лингвистическим источникам относится информация словарей, позволяющая разобраться

с этимологией, как самого понятия, так и происхождением предмета, который оно обозначает. Это «Этимологический словарь» М.Фасмера, «Словарь древнерусского языка» И.И. Срезневского, «Словарь русского языка XI-XVII вв.». в ряде случаев используется этнографический материал, данные словаря «Славянские древности», а также информация этнографических экспедиций.

Мир символов и атрибутов власти Древней Руси домонгольского периода до сих пор остается «белым пятном» отечественной истории. Только привлечение всего комплекса источников в свете сравнительно-исторического подхода и синхростадиальности позволит решить данную проблему.

Глава I

Символика власти в политической культуре средневековья

Слово «символ» греческого происхождения (symbolon), близкое ему слово в латинском языке «attribuere» – придавать, наделять. Это знак, примета, признак, пароль, сигнал, предзнаменование², неотъемлемое свойство предмета, без которого он не может существовать, ни мыслиться³. Символ передает смысл вещи, события, является его смысловым отражением и обобщением, выражает его закон, его упорядоченность, но по своему первоначальному содержанию не имеет непосредственной связи с обозначаемым объектом. В целом можно повторить за русским философом А.Ф. Лосевым: символ есть концентрированное зримое выражение главной идеи явления или понятия, основанное на структурном сходстве символа и элементов символизируемого содержания. «Символ вещи, – писал А.Ф. Лосев, – есть ее отражение, однако не пассивное, не мертвое, а такое, которое несет в себе силу и мощь самой же действительности, поскольку однажды полученное отражение перерабатывается в сознании, анализируется в мысли, очищается от всего случайного и несущественного и доходит до отражения уже не просто чувственной поверхности вещей, но их внутренней закономерности»⁴.

Частным случаем символов являются эмблемы. Обратимся еще раз к выдающемуся соотечественнику. «Эмблема, – по его словам, – есть символ специального назначения и поэтому обладающий характером условности или конвенционности», «точно фиксированный, конвенциональный, но, несмотря на свою условность, вполне обще-

² Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М., 1976. – С.18.

³ Философский словарь. Под ред. М.М. Розенталя. – М., 1975. – С.31.

⁴ Лосев А.Ф. Указ. соч. – С.65.

признанный знак как самого широкого, так и самого узкого значения»⁵. По мнению А.Ф. Лосева, «эмблемы государства являются в смысле соотношения в них общего и частного не чем иным, как именно символами, но только – более специального назначения».

Символика есть внешняя, предельно лаконичная форма выражения сущности данного политического образования, государства, его «идей», черт, его отличий от других государств или, напротив, сходства с ними. Основными идеями символа государства и атрибута власти нужно считать идеи государственного могущества и религиозную. Для формирования государственной символики должны быть, по крайней мере, две предпосылки – наличие самого государства как объективная предпосылка и осознание жителями этого государства собственной принадлежности к особому политическому единству (то есть этническая, политическая и культурная самоидентификация) и их желание найти для выражения этого соответствующую внешнюю форму (субъективную). Одного только становления той или иной формы государственности недостаточно; нужно, чтобы общество хотя бы в лице его идеологов было готово к осмыслению соответствующего политического процесса и отражению его в знаковой системе. Конечно, обе эти предпосылки появляются далеко не одновременно. Как правило, значительно отстает субъективный фактор. В древности и средневековье государство идентифицировалось по преимуществу с личностью его главы, будь то император, король или князь.

Формирование государственной символики происходило первоначально как формирование символики верховной власти, использовались ее внешние признаки – корона и скипетр, трон и держава, сопряженные с личностью и особой государя. Суверенитет государства воплощался в суверене – монархе.

Неотъемлемой частью формирования, фиксации и воспроизводства идентичности любой нации и государства как социокультурной и политической общности являются национальные символы и атрибуты власти. Они выступают своеобразными связующими элементами политической культуры. Для того чтобы постичь заложенную в символе идею, требуется активная работа ума воспринимающего субъекта. А если этот символ существовал сотни лет назад, то необходимы еще и серьезные источниковедческие затраты, серьезная историософская подготовка.

⁵ Лосев А.Ф. Указ. соч.– С.185,148 – 149.

Символ одновременно является специфическим средством общения между людьми, помогает им узнать их принадлежность к конкретной социальной общности⁶, усвоить пронизывающую эту общность центральную идею.

Как отмечал О. Шпенглер, единство всякой культуры зиждется на общем языке ее символики. Каждый народ создает и почитает собственные символы, которые строятся на длительной традиции. Одна часть символики и атрибутики формируется спонтанно в процессе жизнедеятельности всех или большинства членов общества, а другая создается и целенаправленно внедряется элитами, что особенно характерно для Нового и Новейшего времени. Касательно нашего периода, то для него характерна первая тенденция.

Каждый символ – дитя своей эпохи, он расцветает и умирает вместе с ней, оставляя после себя массу загадок, которые не всегда может решить человек другого поколения, другой духовной ориентации и других представлений⁷. Далеким потомкам трудно разобраться в символах и эмблемах, в которых доходит до его времени знаковая система ушедшего времени.

Среди этих предметов особое место занимают так называемые регалии, или инсигнии. Оба эти слова латинского происхождения **rex** – царь, отсюда **regalis** – царский. Собственно **regalia** первоначально обозначала царскую резиденцию, а затем приобрела новый оттенок – обязательные аксессуары царской власти. Второе слово происходит от глагола **insignere** – отмечать, обозначать, выделять, украшать. Символами верховной власти становились те предметы, которые отличали государя от всех простых смертных⁸.

Атрибуты верховной власти воспроизводились на самых различных предметах, печатях, монетах, щитах, знаменах, кирпичях, даже предметах быта. Регалии русской верховной власти менялись вместе с изменением самой власти, с одной стороны, и процедурой ее оформления в качестве таковой – с другой. Нашей задачей является изучение эволюции политического строя, в той мере насколько это поможет изучению атрибутов и символов политической власти. Изучать историю русских регалий возможно лишь синхронно с историей и эволюцией внешних признаков власти и обрядов, связанных с передачей или утверждением этой власти. Несомненна также теснейшая связь эволюции символики с эволюцией регалий. Возникали новые способы передачи или вручения верховной власти, приобретали новую форму старые и вместе с тем появлялись новые

⁶ «Изяслав...постави стягы галичские и поидоша галичане под свои стягы». – ПСРЛ. – Т.1.1149 г.

⁷ Meunier Y.G. Du Symbole et d'ideologie // Problems d'analyse symbolique.- Quebec, 1976.– P.19–31.

⁸ Schramm P.E.Herrschaftszeichen und Staatsymbolik. Bd. I–IV.–Stuttgart, 1954–1956.

атрибуты власти, которые либо переводили прежние на задний план, либо заставляли их видоизменяться или вовсе исчезать.

Говоря о верховной власти у славян, мы, прежде всего, имеем в виду княжескую власть. Именно князь, по словам Нестора «владеет и судит». При этом должность его была, судя по всему, выборной. Уже в архаической древности у славян существовали обряды, сопровождавшие восприятие власти. Важное назначение политических ритуалов в том, что они поддерживают организованность и дисциплину в социуме. «Посаждение на стол» это древний праславянский ритуал, включающий элементы ритуализированного конфликта (садиться на стол большой грех). Вполне вероятно, что первоначально это и был стол, который помещался на холме или, что, скорее всего, на княжеском захоронении – кургане. В славянской народной космогонии гора, возвышенность это локус, соединяющий небо, землю и «тот свет»⁹. Связь горы с небом отражена и в лексике, сравните с церковно-славянским «горний» – «небесный». Возвышенность традиционное место обрядов. Русские летописи сообщают о поклонении славян языческим божествам «на горах», позже там воздвигнут церкви. Идолы ставились именно на возвышенности «Владимир...постави кумиры на горе...». У скандинавов престол конунга находился на кургане – захоронении предка (см. ниже), скорее всего так было и в языческой Руси. Историческая память надолго после Крещения сохранила информацию о «Игоревых» и «Олеговых» могилах – местах особой сакральности.¹⁰ Косвенно в подтверждение нашей гипотезы можно привести следующий летописный пассаж. Галичане в 1206 г. обратились за помощью против венгров, бесчинствовавших в городе, к князю Мстиславу, но тому ничего не удалось сделать. Тогда его привели на *галицкий холм* и сказали, издеваясь: «Княже, уже оси на *галицини могиле* (курсив мой – Р.Н.) поседел, тако и в Галиче княжил еси»¹¹, – и прогнали его. Это вполне соотносится с древнескандинавским ритуалом возведения низложения конунга (см. ниже).

Вторым ярусом власти была дружина – вооруженный отряд, сопровождающий приглашенного князя и помогающий ему выполнять свои новые обязанности. Дружина подразделялась на старшую и младшую. К старшей относились бояре, мужи и гриди, к младшей отроки и детские. Дружинники являлись и представителями княжеской администрации, а также были купцами. Они носили на одежде особые отличительные знаки – подвески с изображением знака Рюриковичей, которые упомянуты и летописцем:

⁹ Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под ред. Н.И. Толстого. Т.1, М.,1995.– С.520.

¹⁰ Например «Олегова могила» – монументальная сопка в Старой Ладогге.

¹¹ ПСРЛ. Т.2. 1206 г.

«...а русские купцы с печатями от наместников в Болгары с торгом ездили без опасения».¹² (Рис.26)

Некоторую информацию об этих властных институтах мы можем получить, исходя из их названий. Кроме того, в иное время или у других народов действовали аналогичные институты, наблюдения над которыми также могут быть использованы.

Князь являлся предводителем вооруженного отряда, олицетворявшего собой государство, и выполнял функции верховного правителя, причем первоначально не только светского, но и духовного. Об этом говорят некоторые косвенные данные, связанные с правом князя на проведение религиозных преобразований, а также с погребением умерших князей-язычников в курганных насыпях, приобретающих сакральный характер. Скорее всего, князь руководил войском и был верховным жрецом. Это и обеспечивало его положение в обществе.

Дружина – буквально значит, «отряд воинов» и происходит от слова «друг», которое первоначально было очень близко по значению словам «товарищ», «соратник». Она состояла из профессиональных воинов. Часть из них переходила к князю от отца («старшая», или «большая», дружина). Младшие дружинники росли и воспитывались вместе с княжичем с 13 – 14-летнего возраста. Вместе со своими дружинниками князь ходил в первые походы. Их, видимо, связывали дружеские узы, которые подкреплялись взаимными личными обязательствами. Это были так называемые отношения реципрокности, которые заключаются во взаимной эксплуатации, в обмене услугами с целью получения наибольшей выгоды.¹³ Сплоченность дружины достигалась, в том числе и ритуалами, выражавшими общезначимые интересы. Сотрудничество, сплоченность, способность образовывать дружеские узы – важнейшее качество, необходимое для функционирования общества на любой ступени его развития. Борьба за высокие места в иерархической системе стала приобретать более ритуализованный характер, лидеров в группах начали выбирать не только за их силу, агрессивность (как у животных), но и в соответствии с социальными способностями, такими как умение установить мир, организовать деятельность¹⁴.

«Служебная организация» (слуги) князя кормила, поила, одевала и вооружала его дружинников, расходуя на это те средства, которые он вместе с дружиной получал в качестве дани. В свою очередь, дружина обязывалась поддерживать и защищать своего

¹² Татищев В.Н. История Российская. – Т. 1. – М., 1962.

¹³ Шинаков Е.А. Образование древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. – Брянск, 2002. – С.275.

¹⁴ Эйбл-Эйбесфельдт. Этология человека// Цит. по: Белик А.А., Резник Ю.М. Социокультурная антропология (историко-теоретическое введение). – М., 1998. – С.137.

князя. Нарушение одной из сторон условий такого «договора» (неизвестно, заключался ли он формально; скорее, на Руси все основывалось на нормах обычного права, традиции) влекло за собой его расторжение, князь снимал с себя обязательства защищать своего бывшего дружинника, а тот, в свою очередь, прекращал служить прежнему государю. Дружина являлась гарантом реализации решений князя и соблюдения достигнутых при его участии договоренностей. Она могла выполнять как полицейские (внутренние), так и «внешнеполитические» функции по защите племен, пригласивших данного князя, от насилия со стороны соседей. Кроме того, князь при ее поддержке мог осуществлять контроль над важнейшими путями транзитной международной торговли (взимать налоги и защищать купцов на подвластной ему территории).

Дружина находилась вне общинной структуры общества. Она была оторвана от нее социально и территориально. Дружинники жили обособленно, на княжеском «дворе» (в княжеской резиденции). Вместе с тем их отношения с князем в какой-то степени воспроизводили общинные порядки в своем внутреннем устройстве.¹⁵ В частности, князь считался в дружинной среде первым среди равных. В дружинной среде, обреченной на постоянное пребывание в экстремальных условиях органично сочетались особый дух внешняя форма. Своего максимума тенденция к декоративной ритуализации и атрибутике достигала у предводителей, «сакральных лидеров» дружинной среды, в нашем случае это князя Рюриковичи.

Главным атрибутом княжеской власти, символом, эмблемой – декларацией со времени Владимира Святого стал так называемый в историографии «знак Рюриковичей». Ни какой другой символ не вызывал столько споров вот уже на протяжении двух веков¹⁶. Княжескими знаками был помечен весь живой и мертвый инвентарь княжеского хозяйства – кони, борти, межевые знаки, оружие, посуда, строительный кирпич и многое другое. Было выдвинуто масса трактовок «знаков Рюриковичей» – от символа государственной власти, церковно-христианской, светско-воинской эмблемы до геральдическо-нумизматического знака, геометрического орнамента и монограммы. Прообразы искали у скандинавов и скифов, в Византии и в еще не существовавшей тогда Украине.¹⁷

Впервые знак встречается на печати Святослава Игоревича. Его печать, найденная при раскопках древнейшей в Киеве Десятинной церкви, она имела изображение грубого двузубца, направленного высоко вверх, с коротким отростком к низу. В

¹⁵ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. – М., 1970. – С. 99.

¹⁶ См. например: Рыбаков Б.А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. // СА. Т. 6. М–Л., 1940.; Молчанов А.А. Знаки княжеской собственности в политико-административной жизни Древней Руси. АКД. – М., 1976. и др.

¹⁷ Герб и флаг России X–XX века. – М., 1997. – С. 38.

круговой надписи – удлиненный крест, заставляющий предполагать какую-то связь язычника (по летописи) Святослава с христианством. Печатей его сына – знаменитого Владимира Красное Солнышко, Владимира Святого, «апостола среди князей» (так назвал его митрополит Илларион), – пока не найдено. Но на его монетах с надписями-декларациями «Владимир на столе», «Владимир а се его злато (сребро)», помещался и знак Рюриковичей, то на лицевой, то на оборотной стороне, который сменил изображение Иисуса Христа. Русские монеты, созданные по типу византийских золотых монет и имевшие некоторое сходство со скандинавскими: облик усатого, как норвежские и немецкие короли, князя; надпись – декларация, должны были закрепить принадлежность Руси к христианскому миру – ведь они появились после крещения Владимира и его женитьбы на византийской принцессе Анне. Кстати, синхронность начала русского чекана с введением христианства на Руси, равно как и в соседних странах – Дании, Норвегии, Швеции, Польше, Венгрии, уже подчеркивал И.П. Шаскольский¹⁸. На некоторых монетах Владимира изображали с нимбом. Это вводило византийскую имперскую символику «в архаический дружинный мир славянизирующихся варягов»¹⁹, утверждало его самого в титуле царя, ведь в Византии, на которую ориентировался Владимир, нимб служил неременным признаком императорского достоинства.

«Родовой знак Рюриковичей» на монетах Владимира сходен с аналогичными на монетах английских королей от Беортрика (786 – 802 гг.) до Этельреда II (978 – 1016 гг.), франкских Меровингов VI – VII вв., французских королей от Роберта II (996 – 1031 гг.) до Людовика VI (1108 – 1137 гг.), чешских от Болеслава I (935 – 967 гг.) до Олджиха (1012 – 1037 гг.), немецких кайзеров от Отгона I Великого (936 – 973 гг.) до Генриха III (1039 – 1056 гг.), польского Болеслава I (992 – 1025 гг.)²⁰.

Употребление этого знака не ограничивалось только Западной и Центральной Европой. Он был известен и в восточной Европе задолго до Владимира. Боспорские цари II – III вв., в особенности Савромат II, помещали их на своих монетах. В пределах Боспорского царства и южного Приднепровья находим этот знак на конском уборе, флягах, пряжках, плитках и саркофагах²¹.

¹⁸ Шаскольский И.П. Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства)// ДГ.– М., 1986.

¹⁹ Свердлов М.Б. Изображение княжеских регалий на монетах Владимира Святославича// ВИД. IV.– М.-Л., 1972.– С.155.

²⁰ Olyanchin D. Die Symbolik des Zeichens auf den Münzen Vladimirs des Großen und seiner Nachkommen// *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – München, 1956. .S.1–17.

²¹ Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья.– Киев, 1959.; Алексеев В.П. К вопросу о семантике сложных царских знаков Боспора// СА.1991.№2.– С.68.

Вид и место этого знака на монетах печатях, конечно, различались. На английских и французских монетах он имел иную ориентацию – «вверх ногами». По преимуществу его располагали на обороте монет, но на французских монетах начиная с Генриха I (1031 – 1060 гг.) его переместили на лицевую сторону. Стиль изображения знака тоже варьировался. Крымские образцы прямоугольны, а в славянских древностях догосударственного периода VII – VIII вв. знак (на подвесках, найденных у села Смела, на берегу Днепра южнее от Киева и в кладе на Мощинском Городце на Верхней Волге) имел форму двузубца с загнутыми наружу концами и раздвоенным отрогом. На чешских денариях он дополнялся изображением креста²².

При истолковании знака исследователи обратили внимание на сходство его с соединением двух букв греческого алфавита: первой – альфы (Α) и последней – омеги (Ω). В христианской философии их сочетание имеет мистическое значение. В Откровении Иоанна Богослова устами Христа провозглашено: «Аз есмь Альфа и Омега... начало и конец». Таким образом, «родовой знак Рюриковичей» представляет собой обычный символ христианства, такой же, как крест, но менее распространенный, хотя обоснованием его занимались многие христианские теологи, апологеты и писатели II – III вв. (Клемент Александрийский, Тертуллиан, Амброзий). Между тем в Византии в период правления императоров от Константина Великого (306 – 337 гг.) до Тиберия II (574 – 582 гг.) вместо этого знака на монетах употреблялся иной абстрактный символ Христа – христограмма: **Χ** (Христос) – **Τ** (Теос, Бог), что означает: Христос – Бог, альфа – омега. На монетах императоров от Маврикия II (582 – 602 гг.) до Юстиниана (685 – 695 гг., 705 – 710 гг.), который был последним, чеканившим монеты с христограммой, она была помещена на обороте и дополнялась большим крестом.

Соединение альфы и омеги – символ крещения. Слова Откровения Иоанна Богослова, приведенные выше, непосредственно касаются обряда крещения. Естественно поэтому, что все новообращенные в христианство, будь то государи любого ранга или их подданные, ремесленники или иконописцы, стремились удостоверить свою принадлежность к христианству этой монограммой. Знак ставили не только на иконах и фресках, изображавших Христа, обычно у его ног или на нимбе справа и слева от головы, но и на различных памятниках прикладного искусства. Если посмотреть, кому из государей принадлежали монеты с такой монограммой, то выяснится, что все государи, имевшие их, были в числе первых, кто принимал крещение в той или и стране²³. Теория

²² Герб и флаг России X-XX века. – М., 1997. – С. 41–42.

²³ Olyanchin D. Die Symbolik des Zeichens auf den Münzen Vladimirs des Großen und seiner Nachkommen // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – München, 1956. Bd. 4, Hf. 1.

Д.Оляничина о «знаках Рюриковичей» как христограмме – лигатуре альфы и омеги, изложенная выше, в русской и советской историографии не принята. Однако следует принять во внимание мнение специалиста по древнерусской культуре: «Религиозно-историческое самоопределение Древней Руси осуществлялось в символах, восходивших или возводимых к Византии. «Древнерусская христианская государственность, равно как и государственность православных южных славян, мыслилась как производное от Византии как результат перемещения оттуда ценностей, силы и власти»²⁴. В связи с этим понятен и украинский обычай на Крещение ставить «знак Рюриковичей» на дверях дома²⁵. Подобному истолкованию данного знака, на наш взгляд, не противоречит сходство его графического облика с древнейшими индоевропейскими знаками, сохранившимися, в частности, в государственной символике Индии. Христианство активно вбирало в себя древнейшие традиции, чтобы, переплавив их, явить миру новое всеобъемлющее учение. Символы христианства, в частности, рыба, виноградная гроздь и якорь раннего христианства, кресты, кружки в более позднее время²⁶ и были наиболее существенными при формировании государственной символики, опиравшейся на христианскую традицию, особенно в период средневековья, когда «самосознание и общение народов и поколений», равно как и «осознание и тем самым создание своей государственности», «осуществлялось вообще и, прежде всего посредством символов»²⁷.

Владимир, как и его современники или предшественники на тронах соседних государств, стремился объявить всем, что и его страна принадлежит к христианскому миру, что и он христианский, а не языческий правитель. А это в глазах тогдашнего общества было очень важным фактором. Недаром, в житии Феодосия Печерского – князя по образцу чешского жителя святого князя Вячеслава, уже в XI веке известного на Руси, называются «благочестивыми и христороумными».

Принятие христианства дало новое идеологическое обоснование княжеской власти, и Владимир поспешил им воспользоваться. То же сделал и Святополк Окаянный. На его монограмме левый зубец заменен крестом, над двузубцем еще один крест. Таким образом, здесь упорно подчеркиваются детали, связанные с христианской символикой, что должно было доказать приверженность Святополка христианству. Третьим, кто чеканил монеты с монограммой Христа, был князь Ярослав Мудрый. На их аверсе – св. Георгий с непокрытой головой, копьем и щитом, с надписью «о агиос Георгиос» –

²⁴ Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства.– СПб., 1995.–С.24.

²⁵ Таубе М.А. Загадочный родовой знак семьи Владимира Святого// Сборник статей посвященных П.Н. Милюкову.– Прага, 1929.– С.132.

²⁶ Шрейдер Ю.А. Логика знаковых систем (элементы семиотики). – М., 1974.–С.16–17.

²⁷ Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства.– СПб., 1995.–С.11, 12, 24.

«Святой Георгий» (по-гречески), четырьмя крестиками во внешнем круге, а на оборотной – монограмма в двух кругах, где написано «Ярославле серебро» и «амин». И изображение Георгия, и слово «амин» на обороте полностью соответствовали византийским печатям VII – XI веков²⁸. Заметим, что в Откровении Иоанна Богослова слово «амин» один раз обозначало самого Христа, но на монетах оно встречалось крайне редко, за исключением немецких монет. Так, на лицевой стороне монет Генриха I (919 – 936 гг.) изображена церковь, а на обороте — крест рядом со словом «амин»; аналогично изображение на обороте монет Оттона III (983 – 1002 гг.). Это слово встречается и на обороте монет саксонского герцога Бернарда I (973 – 1011 гг.) и Генриха Доброго, графа фон Штаде (976 – 1016 гг.) в формуле «In Domine pomini amen». Образцом для монет Ярослава Мудрого могли послужить монеты Оттона III, широко распространенные в кладах X – XI веков на Руси, в Польше, Венгрии, Чехии²⁹.

Сребреники Владимира, Святополка и Ярослава превратились в украшения. Возможно, потому, что монеты использовались, как опознавательные знаки для администрации князя, о чем говорилось выше. В X – XI веках они играли ту же роль, что и золотые при дворе Ивана Грозного.

Наряду с представительскими функциями монеты выполняли и свое прямое предназначение – поступали в денежное обращение. Поэтому их находят и в Польском Поморье, и в районах Калиша и Познани, и под Ростком в герцогстве Мекленбург-Шверин, и в Норвегии, разных местах в Швеции, не говоря уже о Руси. Эти монеты распространялись как вестники нового христианского государства в Восточной Европе, свидетельствуя, что семья христианских государей пополнилась русскими.

Последние, однако, недолго сохраняли христограмму только на монетах (чеканка которых была кратковременной), но и на печатях (таких было только две). Христограммы нет даже на древнейшей печати Ярослава Владимировича. На лицевой стороне изображен св. Георгий, помещена греческая надпись, а на обороте – сам князь в шлеме. На лицевой стороне другой печати христограмма изображена в окружении греческой надписи: «Господи, помози рабу своему Димитрию», на обороте – стоящий во весь рост св. Димитрий. Омега получила на среднем зубце вогнутую чашу, над которой между началом и концом надписи стоит крест. Альфа, как всегда находящаяся на русских монетах и печатях внизу, превратилась также в вогнутую чашу. Печать принадлежала

²⁸ Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X-XI вв. – Л., 1983. – С.97.

²⁹ Потин В.М. Древняя Русь и европейские государства в X – XIII вв. Историко-нумизматические очерки. – Л., 1968. – С.170.

Изяславу Ярославичу, крестильное имя которого было Димитрий. В.Л.Янин относит эту печать ко времени возможного новгородского княжения Изяслава в 1052 – 1054 гг.

Еще раньше была создана печать Изяслава Владимировича (ум. в 1001 г.). На обеих ее сторонах находилась христограмма, прекрасно видимая на лицевой стороне в окружении букв «Изас(лав)ос» и почти не сохранившаяся на обороте. Христограмма на левом от зрителя зубце дополнена кружком – символом Христа, на центральном, несколько сдвинутом влево, – крестом; альфа представлена как бы лежащей внутри омеги. В целом же конструкция повторяет схему христограммы Владимира, отца Изяслава.

Утверждение христианства, когда князьям уже не требовалось доказывать свою принадлежность к нему (впрочем, они долго сохраняли два имени – языческое и христианское), с одной стороны, и упрочение княжеской власти – с другой, привели к исчезновению христограммы на их печатях. Место христограммы – абстрактного символа Христа – прочно и уверенно занял святой покровитель князя, носящий с ним одно имя. Показательна эволюция печатей Изяслава Ярославича. На лицевой стороне – розетка (еще один символ христианства), а на обороте – либо поясное, либо в полный рост изображение св. Димитрия Солунского, да еще в короне с царскими регалиями или с копьём и щитом. Позднее на княжеских печатях стали изображать святых покровителей самого князя и его отца³⁰.

По мере распространения христианства и утверждения крещения как обязательного акта христограмма становилась доступной для самых различных новообращенных. Она появляется на перстнях князей, на серебряных слитках, на мечях, на литых бляхах из поясного набора, на арабских дирхемах (где она была процарапана поверх надписи), на боевых гириях, на матрицах для отливки ювелирных украшений. (Рис.17). Христограмму изображали весьма старательно. Особенно усердствовали в этом строители. Сооружения, при строительстве которых использовались кирпичи с христограммами следующие: дворец князя Владимира в Киеве около Десятинной церкви, черниговский Спасо-Преображенский собор начала XI века, Михайловская церковь в Остерском Городце, построенная Юрием Долгоруким в XII веке, Борисоглебская церковь в Смядыни около Смоленска, белокаменная кладка Золотых ворот во Владимире 1164 года, пьедестал белокаменного кивория (навеса) в Боголюбове и др.³¹

Не менее распространен «знак Рюриковичей» и на донышках глиняных изделий – в Киеве, Каневе, Белгороде, Изяславле, Чернигове, Брянске, Смоленске, Вышгороде.

³⁰ См. обзор сфрагистических памятников в кн.: Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. – М., 1970.

³¹ Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв.: каталог памятников. – Л., 1982.

К «знакам Рюриковичей» исследователи относили двузубцы, изображенные на так называемых дрогичинских пломбах. Они впервые были найдены у г.Дрогичина в начале 60-х годов позапрошлого века, теперь их находят и в Киеве, и в Рязани, и в Пскове, и в Новгороде³². Это небрежно изготовленные маленькие кусочки свинца с неровными краями диаметром 10–12 мм, на обеих сторонах которых оттиснуты разнообразные знаки. Здесь и двузубцы самой разнообразной формы – прямоугольные, полукриволинейные и колоколообразные, с простыми или перечеркнутыми отрогами, в виде треугольников; и кресты (мальтийские, т.е. равноконечные, и процветшие четырехконечные, и помещенные в окружности); и знаки в виде личины; и многочисленные буквы, в прямом и зеркальном изображении. Пломбы известны на Руси в XII – XIII веках: отдельные знаки сходны со знаками на камне Золотых ворот во Владимире, на новгородской печати, найденной при раскопках в слое 1224 – 1228 годов. Некоторые новгородские пломбы могли служить актовыми печатями, т.е. скреплять документы. Кресты и «знаки Рюриковичей» в сочетании с другими знаками, обозначавшими владельцев или число товаров, могли служить, в том числе и «оберегами» того имущества, к которому прикреплялись³³.

Как новообращенные, русские князья, а вслед за ними и их дружинники и рядовое, в том числе ремесленное, население Русской земли объявляли о своей принадлежности к христианству. Князья утверждали свою власть в княжествах, просвещенных учением Христа, равных всем другим христианским государствам Европы. «Как монетный чекан, так и христианство, бесспорно, служили идеологическими орудиями утверждения молодых феодальных государств»³⁴. Победная поступь христианства, охватывавшего все более широкие массы населения, запечатлена и на подвесках и бляхах³⁵ княжеской дружины и боевых гирих воинства, сражавшегося во имя нового Бога с язычниками.

Потеря «знаками Рюриковичей» их светского и родового характера не только принесла новые доказательства позднего развития феодальной, в том числе и княжеской, собственности (это последнее весьма убедительно доказывают Я.Н. Щапов и В.Л. Янин), но и заставила пересмотреть вопрос о степени зрелости государственной идеи. Вместе с тем она подтвердила факт прочности международных связей Руси с остальными странами

³² Ершевский Б.Д. Дрогичинские пломбы. Классификация, типология, хронология// ВИД. Т.17.– Л.,1981.– С.282–296.

³³ Молчанов А.А. Знаки княжеской собственности в политико-административной жизни Древней Руси. АКД. М.,1976.

³⁴ Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X-XI вв.– Л., 1983.– С.110.

³⁵ Крыласова Н.Б. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника// РА. 1995. №2.– С.192–197.

Европы, еще раз продемонстрировала неразрывность духовного и политического развития Русской и других христианских земель Европы.

Русь проделала тот же путь к христианству, который до нее прошли другие страны Европы или вместе с ней проходили Скандинавские и западнославянские государства. Русь использовала опыт раннего христианства всех соседних стран. Стоит отметить, однако, что у нее опыт использования христорогмы занял всего-навсего три четверти столетия, тогда как в других странах он затянулся на века.

Русь на протяжении второй половины XI – XII веков стремительно меняла свое лицо. Быстро формировались отдельные государственные образования со своими местными центрами. Набирал темп процесс феодализации, вместо одного или двух главных центров в каждом регионе возникало несколько их. Смоленская, Черниговская и Волынская земли поставляли претендентов на Великое Киевское княжество. Границы княжеств кроились и перекраивались в бесконечных междоусобицах.

Пути развития государственности в разных регионах Русской земли начали расходиться. На юге по-прежнему процветало самодержавие; владими́ро-суздальские князья, Юрий Долгорукий и его потомки, ориентировались на пример Киева. На северо-западе постепенно формировалась боярская республика – Господин Великий Новгород. Главы новых государственных образований искали атрибуты власти и эмблемы, которые могли соответствовать их статусу, а также отличать их от соседей.

На обломках Киевской Руси возникли довольно крупные самостоятельные государственные образования. Каждое из них вполне сопоставимо по своим формам и размерам с западноевропейскими раннефеодальными государствами. При всех различиях им всем присущи некоторые общие черты. Везде мы видим в качестве основных политических институтов три силы: князя, дружину, городское вече. Кроме того, на втором плане присутствует (хотя по большей части и незаметно) «служебная организация». Она обслуживает первые две силы и постепенно приобретает все большее и большее политическое влияние.

В то же время условно все эти государства можно разделить на три типа: раннефеодальная монархия, феодальная республика и деспотическая монархия. Они различаются тем, какие из перечисленных политических органов играют в них решающую роль. При этом прочие властные структуры могут продолжать существовать, хотя в повседневной жизни они сплошь и рядом остаются за рамками внимания современников. Лишь в экстремальных ситуациях общество «вспоминает» о таких традиционных государственных институтах.

Ситуация в Киеве изменилась с приходом к власти великого князя Андрея Юрьевича Боголюбского (1157 – 1174 гг.). Если его отец Юрий Владимирович Долгорукий всю жизнь добивался киевского престола (1149 – 1152 гг., 1155 – 1157 гг.), то Андрей дважды уходил из киевского пригорода, куда его сажал великий князь, на Северо-восток Руси. Там он, в конце концов, и обосновался. Став великим князем, Андрей перенес свой стол в бывший пригород Суздаля – Владимир-на-Клязьме. В 1169 г. объединенные войска русских земель под предводительством Андрея напали на Киев, который попытался выйти из-под его влияния, и разграбил его. После этого значение южной столицы Русской земли начинает быстро падать. Несмотря на то, что второй общерусский поход на Киев 1173 г. обернулся неудачей, прежняя столица уже никогда не оправилась от удара. В 1203 г. Киев был вновь разграблен в совместном походе Рюрика Ростиславича, Ольговичей и половцев. Нашествие монгольских отрядов в 1240 г. лишь завершило начатое русскими князьями.

Своеобразный тип государства складывается на Северо-востоке Руси. Этот край, заселение которого славянами завершается только в XI – XII вв., очевидно, не имел глубоких вечевых традиций. Тем не менее, до определенного момента и здесь политическое управление строилось на взаимодействии городского веча (ведущую роль играли вечевые собрания Ростова и Суздаля) и князей, назначавшихся из Киева. В 1157 г. великим князем киевским стал Андрей Боголюбский. В Киев он, однако, вопреки традиции, не поехал. В том же году жители Ростова Великого, Суздаля и Владимира-на-Клязьме избрали Андрея Юрьевича князем ростовским, суздальским и владимирским. В 1162 г. Андрей Боголюбский изгнал из Ростово-Суздальской земли трех своих братьев, двух племянников и мачеху, а также отцовскую дружину. Тем самым были заложены основы неограниченной деспотической власти («самовластья», по выражению летописца) владимирского князя. Тогда же столица была перенесена в бывший пригород Суздальского княжества – город Владимир.

Социальной базой, на которую опирался Андрей Боголюбский, проводя свои преобразования, стали «милостники», то есть люди, зависящие от милости князя. Речь идет об уже упоминавшейся «служебной организации», дворовых холопах (лично зависимых людях) князя. Основы изменения статуса княжеских слуг можно наблюдать еще в Правде Ярославичей. Права, прежде принадлежавшие только княжеским дружинникам, начинают распространяться здесь и на верхушку «служебной организации». Так, за убийство «тивуна огнищного» (управляющего княжеским двором, дворецкого) и «конюха старого у стада» теперь положено было выплачивать – как и за «княжего мужа» (дружинника) – двойную виру (штраф) в 80 гривен. Тем не менее, в

отличие от дружинников, дворня, или как их стали называть с конца XII в., дворяне не могли считаться равней князю. Он был их господином, а не товарищем (от слова «товар» – палатка, шатер), то есть соратником своих дружинников, с которыми он делил все тяготы походной жизни, как было пару веков назад. Если отношения князя и дружины можно сопоставить с западноевропейской системой вассалитета, то служба князю «милостников» строилась на основаниях, близких к понятию подданства – министералитета (служба, в которой отсутствует договорная сторона; от лат. minister «слуга, подручный»). Слуга – в отличие от вассала – находился в прямой и безусловной зависимости от господина, был его собственностью, хотя мог занимать высокие посты и иметь большие владения.

Развивая новую систему прямого подчинения, Андрей Боголюбский подчинил своей власти Киев и Новгород. На княжение туда он посадил своих «подручников», зависимых князей. Когда же те пытались освободиться от его влияния, организовывал против них грандиозные общерусские походы (1169, 1170, 1173). Так, в последнем (неудачном) походе на Киев принимали участие отряды ростовцев, суздальцев, владимирцев, переяславцев, белозерцев, муромцев, новгородцев, рязанцев, а также дружины туровского, полоцкого, пинского, городеньского, черниговского, новгород-северского, путивльского, курского, переяславль-южного, торческого и смоленского князей.

Идеологи княжеской власти во Владимире в первую очередь опирались на опыт соседей, где уже сложились атрибуты власти и государственные эмблемы, а также на памятники общехристианской культуры – Ветхий и Новый Заветы. На Руси, как и в других странах Европы, политическая мысль обращалась к этим настольным книгам средневековья, которые для характеристики различных христианских добродетелей часто использовали образы животного мира. Особенно популярны были львы; они олицетворяли и силу, и добродетель, и праведность. В средневековых толкованиях на Евангелие лев отождествлялся с Христом, разорвавшим узы смерти («смертию смерть поправ»). Льва считали символом евангелиста Марка (в Евангелии которого, голос вопиющего в пустыне сравнивается с устрашающим рыком льва, пугающим фарисеев, саддукеев и мытарей). Именно поэтому в «Физиологе» – произведении II – III веков, проникшем на Русь в X – XI веках, лев, спящий с открытыми глазами, символизирует Христа. Льва чаще всего использовали в качестве своих эмблем западноевропейские и североευропейские государи. «Мода» на львов в качестве символов власти не обошла и Русь. Во всяком случае, можно говорить о внимании к ним в этом качестве в двух регионах – во Владимиро-Суздальской Руси и в Галицком княжестве. Тамошних

самодержцев привлекал «лев, гордый и грозный... страшный и нестерпимый и единым рыканьем вся потрясающий»³⁶.

Каждого, кто посещал Владимир и Суздаль и осматривал его храмы, должно было поразить изобилие львов в резном уборе соборов. На фасадах Успенского собора г. Владимира (1158 – 1160 гг.) находятся головы (маски) львов, в его интерьере у основания подпружных арок – парные фигуры лежащих львов. Такие же фигуры помещены и в интерьере церкви Покрова-на-Нерли (около 1165 года) и Дмитровского собора во Владимире (1194 – 1197 гг.). Бегущие львы и грифы вплетены в орнамент суздальских врат XIII века. Фасады владимирских соборов тоже изобилуют львами. Так, на барельефах Дмитровского собора торжественно шествующие львы расположены у ног Соломона, по сторонам от него и около оконных проемов. Позднее, в 1222 – 1225 годах, изображения львов украсили фасад Суздальского собора, в 1227 году – собора Архангела Михаила в Нижнем Новгороде, наконец, Георгиевского собора в Юрьеве-Польском³⁷.

Св. Георгий (скульптура 1234 года в правление князя Святослава Всеволодовича) стоит лицом к зрителю с копьем в правой и щитом в левой руке. А на щите – снова лев, вытянувшийся кверху на задних лапах³⁸. Повтор этой композиции видим на миниатюре Федоровского Евангелия конца XIII – начала XIV веков. Его создание связывается с князем Федором Ростиславичем Черным. В Смоленске же в 1322 – 1327 годах княжеский мастер из Ярославля и нарисовал эту миниатюру³⁹.

Львы встречаются и в других композициях, главным героем которых был, в частности, Александр Македонский – средневековый идеал политического деятеля. Размах его завоеваний настолько захватил воображение людей, что появилось даже специальное сочинение – Александрия, получившее большую известность в Европе. На южном фасаде Дмитровского собора, обращенном к Нерли, высечено «Вознесение Александра Македонского на небо». Его вздымают вверх два льва, за которых Александр держится поднятыми руками. В этой композиции львы заменяют знаки власти – булавы, которыми художники обычно снабжали Александра⁴⁰. Такая же композиция изображена на княжеском венце XII века. Львы окружают и библейского царя Давида – идеального государя Иудеи, по популярности в средневековье не уступавшего Александру

³⁶ Псалтирь. Псалмы – 7, 3, 9, 30; 16, 12; 21; 44.

³⁷ Вагнер Г.К. К вопросу о владими́ро-суздальской эмблематике.// Историко-архивный сборник.– М.,1962.– С.255., см. также: Воронин Н.Н. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской.– М.,1958.

³⁸ Некрасов А.И. Возникновение русского искусства.– М.,1929.– С.144 – 147.

³⁹ Там же.– С.154.

⁴⁰ Вагнер Г.К. Указ. раб.– С.259 – 260.

Македонскому⁴¹. Два столетия позднее похожий хищный зверь изображался на монетах великих князей владимирских и московских, рубежа XIV – XV столетий⁴². Этого льва-леопарда-барса, к которому владими́ро-суздальское искусство испытывало столь постоянное пристрастие, толковали по-разному. Его изображение считали то родовым знаком суздальско-ростовских князей, то эмблемой владимирской княжеской династии. Считали его и зачатком герба, и просто владимирским гербом.

Более осторожно к трактовке этого животного подходил Н.П. Лихачев: «Эмблемы в смысле родовых знаков устанавливались и в Западной Европе постепенно, – писал он. – Очень затруднительно думать, чтобы у Рюриковичей XII в., хотя бы с Андрея Боголюбского, образовался родовой герб в виде изображения льва или леопарда. К теории о гербе Андрея Боголюбского и его потомков мы должны отнестись как к предположению...»⁴³.

На одной из миниатюр Радзивилловской летописи к тексту о поражении Юрия Владимировича Долгорукого, которого его собственный брат Ярополк изгнал из Переславля-Залесского, приложена миниатюра со сценой въезда князя (судя по его шапке), возможно, Ярополка с дружиной в город, представленный крепостной башней. Последний из всадников смотрит назад и бьет палицей льва, присевшего на задние лапы и поднявшего передние⁴⁴. Таким образом, войско Долгорукого заменено геральдическим символом – изображением льва. Этот факт (равно как и изображения на монетах XV в.) ставит под сомнение утверждение Н.П. Лихачева об исчезновении герба владими́ро-суздальских князей. В период иноземного ига развитие владими́ро-суздальской государственной символики прекратилось. Но традиции ее подспудно существовали, чтобы в XV – XVI веках дать толчок ее возрождению уже на совершенно новой основе.

Образ льва как олицетворения властной силы и в XII – XIII, и в XV – XVI столетиях соответствовал основным тенденциям развития государственности. Владимиро-суздальские князья-самовластцы (калька греческого титула «автократор») – и сыновья Юрия Долгорукого Андрей Боголюбский, Всеволод III Большое Гнездо, и его внуки Юрий Всеволодович и Святослав Всеволодович – пытались противостоять процессу феодального дробления, обрушившегося, подобно лавине, на политическую жизнь Руси. Их далекие наследники князья из рода Калиты приняли эстафету «собирания» осколков

⁴¹ Воронин Н.Н. Указ. раб. – С.149.

⁴² Федоров-Давыдов Г.А. Монеты Московской Руси. – М., 1981. – С.133 –134, 190-220.

⁴³ Лихачев Н.П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып.2. Л., 1930. – С.269.

⁴⁴ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. – М., 1944. – С.33–34.

разбитой еще в домонгольское время Руси. Не случайно в титуле московских князей в дальнейшем на первом месте стояло определение «владимирский» и лишь за ним следовало – «московский».

Воин, стоящий с копьем, самым благородным оружием средневекового рыцаря и придерживающий находящийся на земле щит, – любимая тема на многих польских, чешских и других центральноевропейских печатях. Даже сама композиция, в пределах которой помещена геральдическая эмблема, заставляет думать о знакомстве владимиро-суздальских мастеров и художников с общеевропейскими традициями трактовки льва.

Таким образом, атрибуты верховной власти Древней Руси формировались и развивались вместе с политическими отношениями и устройством государства. Древняя Русь шла тем же путем, которым шли другие страны Европы. На символику власти, в первую очередь, влияли традиции праславянской древности, именно туда своими корнями уходит ритуал восприятия власти – «посаждение на отнем и деднем столе». Любой атрибут власти сопровождал определенный политический ритуал. Менялся ритуал, менялись и символы власти.

Огромное влияние на древнерусскую государственность оказало христианство. С конца X века Русь прочно входит в сообщество христианских народов. Христианская теология становится источником для новой государственной идеологии и соответственно новых символов власти. Как неопиты христианства русские князья стремятся продемонстрировать свою принадлежность к новой вере. На монетах, печатях, а позже и на других предметах появляется отвлеченный символ Иисуса Христа – соединение альфы и омеги. В эпоху раздробленности лев (барс – «пардус», леопард) занимает важное место в символике Владимирской Руси (а также Галицко – Волынского княжества). Он также является продуктом христианского богословия. Лев сохранится и в московской символике XIV – XV вв.

Глава II

Влияние сопредельных стран на формирование и развитие атрибутов власти Древней Руси

Для полноты исторической картины нам нельзя не показать Русь в окружении ее непосредственных соседей, иначе взгляд на проблему будет взглядом «из мышиной норы», «мелочеведением», по меткому слову Л.Н. Гумилева. За основу мы возьмем следующую историко-географическую схему: север – Скандинавия эпохи викингов, юг – восточно-христианская ойкумена (Византийская империя, Болгария), восток – кочевые

социумы степей Евразии, запад – католический мир (в том числе и западно-славянские государства).

Только такой сравнительный анализ с учетом синхронности событий, пространственно-временных характеристик, политических и культурных особенностей и традиций, представленных регионов даст нам возможность достичь максимальной исторической достоверности в реконструкции и выявить глубинные причины тех или иных исторических событий и явлений.

Скандинавский конунг в эпоху викингов.

Древняя Скандинавия (Швеция, Норвегия, Дания и Исландия) влияла на Русь как этнокультурный регион в конкретный исторический период – эпоху викингов, охватывающую IX-сер.XI вв. Викинги, так или иначе, оказали существенное влияние на социально-политические процессы, проходившие на Руси в соответствующий период. И некоторое время были значительным фактором в Древнерусском государстве. Кроме того, процессы формирования государства, а соответственно и властной атрибутики шли на Руси и в Скандинавии параллельно в одну и ту же историческую эпоху⁴⁵.

В эпоху викингов наблюдается небывалый пассионарный взрыв в скандинавском регионе. Совершая далекие походы, наводя ужас на Европу и воспринимая достижения чужих культур, норманны, тем не менее, создали удивительную самобытную культуру, свой стиль в искусстве и фольклоре, свою религиозную систему и мифологию.

Скандинавский вождь носил титул «конунг»: др.-швед.- «konungr», др.-норв. – «konungr», др.-дат.- «konung». Основное значение этого термина – «знатный человек», или «человек, происходящий от богов»⁴⁶. Скальдическая поэзия сообщает нам народную этимологию термина «конунг», так называется в «Песне о Риге» младший сын ярла – «kon ungr»⁴⁷. Именно они, младшие сыновья представителей родоплеменной знати и свободных общинников-бондов, неустроенные в жизни и лишенные отцовского наследства составили пассионарную основу отрядов викингов. Из них выдвигаются наиболее храбрые и удачливые, которые со временем укрепляют свое влияние, занимают первую позицию в руководстве ополчением – ледунгом, а затем становятся первыми и в общинной администрации. В эту беспокойную эпоху появляется необычный образ правителя,

⁴⁵ Шаскольский И.П. Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства)// Древнейшие государства на территории СССР. – М.,1986.– С.98.

⁴⁶ Ковалевский С.Д. Образование классового общества и государства в Швеции. – М.,1977.– С.101

⁴⁷ Старшая Эдда. Песнь о Риге. XXXXI// Западноевропейский эпос. – Спб., 2002.

который получил в историографии условное название конунга-викинга, «щедрого на золото, скупого на бегство», как повествует сага⁴⁸.

Конунг в полном объеме своих функций, наряду с титулом «herkonungr» – «вождь рати» именовался еще и «tiodkonungr» – «вождь народа»⁴⁹. Конунг сеев являлся еще и верховным жрецом святилища в Уппсале а также военным предводителем – «господином флота ледунга». «Не исключено, что древнешведская королевская знать с ее жреческой и военной функциями, могла возникнуть в результате того, что смелые морские разбойники из приморского Рудена подчинили себе конунга-жреца Уппсалы»⁵⁰.

Власть конунга была выборной, но выбор ограничивался рамками знатного рода Инглингов, имевшего древнюю мифическую генеалогию, восходящую к богам – Одину, Фрейру и Ньерду. Процедура и церемония избрания конунга описана в некоторых древнешведских областных законах и в сагах. Не все сееи имели право избирать конунга, а лишь жители трех областей фолькландов: Тиундаланда, Аттундаланда и Фьедрундаланда. Выборы происходили на общем собрании-тинге свободных общинников. Тинг созывался на нейтральной территории, на так называемом «лугу Мурра», на границе этих земель. Избранный конунг должен был затем «по движению солнца», т.е. с востока на запад объехать области Сёдерманланд, Эстерьётланд, Смоланд, Вестерьётланд, Нерке и Вестманланд. Жители этих областей были обязаны признать на своих тингах избранного – конунгом. Жители прочих областей Швеции не имели ни права выбора, ни даже права формального подтверждения.

Как и любой ритуал перехода, связанный с изменением социального статуса, процедура избрания конунга оформлялась соответствующей атрибутикой и обрядностью. «Сага об Инглингах» позволяет нам представить это: «В то время был случай, что когда справляли тризну по конунгу или ярлу, тот, кто ее устраивал и был наследником, должен был сидеть на скамеечке перед престолом до тех пор, пока не вносили кубок, который назывался Кубком Браги. Затем он должен был встать, принять кубок. После этого его вели на престол, который раньше занимал его отец, тем самым он вступал в наследство после отца. Так было и в этот раз. Когда Кубок Браги принесли, Ингьялд-конунг (Уппсалы – Р.Н.) взял в руки большой турий рог и дал обет увеличить свою державу вполовину во все четыре стороны и умереть. Затем он осушил рог»⁵¹. Церемония, как видим, происходила принародно. Основными атрибутами власти конунга сага называет престол и турий рог. Но если престол является традиционной регалией власти у многих народов, в

⁴⁸ Старшая Эдда. Пророчество Грипира. VII// Западноевропейский эпос. – Спб., 2002.

⁴⁹ Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе.– Л., 1985.– С.65.

⁵⁰ Palme S.U. Stand och Klasser I forna dagars Sverige. – Stockholm, 1947.–S.7.

⁵¹ Сага об Инглингах. XXXVI// Снорри Стурлусон. Круг Земной. – М., 1995.

том числе и в Древней Руси, то рог атрибут достаточно редко встречаемый. Так главный идол славянского капища в Арконе, Святovit держал в руках именно турий рог, периодически наполняемый вином⁵². И вероятно именно Кубками Браги являются два турих рога оправленных в серебро и украшенных сценами из скандинавской мифологии, найденных в монументальном черниговском кургане Черная Могила. Они принадлежали захороненным здесь мужчине (ярлу-?, конунгу-?) и подростку (его сыну-?). Возможно также, что Кубок Браги, кроме ритуальных целей служил вместилищем для соответствующих напитков на пирах конунга (а на Руси IX – X вв. князя) с дружиной: «...а у викингов был закон – пить на пирах всем вместе из одного кубка»⁵³.

Престол конунга располагался на древнем кургане, где был захоронен предок-правитель, знаменитый и особо почитаемый в народе: «Хроллауг конунг взошел на курган, на котором обычно сидели конунги. Он велел поставить на нем престол конунга и сел на этот престол»⁵⁴. Престол был исключительно регалией конунга, ярлы имели же церемониальное сиденье в виде небольшой скамеечки. Привилегию конунга восседать на кургане предка можно объяснить лишь сакральным характером его власти и исполнением функций жреца. Тем самым конунг мог нарушить традиционное табу, обязательное для всех остальных. Это так называемый ритуализированный конфликт между правителем и народом. Демонстративно-сознательное нарушение правителем табу в ритуале, смысл которого показать отрыв власти от общества и встать над «властью обычая для всех».

Особо почитаемые курганы конунгов входили в языческие святилища. Так, например курган конунга Горма Старого (ум. 940 г.) и его жены Тюры входил в комплекс святилища в Еллинге, древней столице Дании. Возможно, что ритуальным престолом первых русских князей, «на котором отправлялись некие общественные и культовые функции»⁵⁵ были большие курганы, так называемые «Олеговы» или «Игоревы» могилы⁵⁶. В связи с развитием культа вождей, погребальные обряды входят как элемент в круг этого культа: погребение и поминки умерших вождей разрастаются в сложный и пышный ритуал, с обильными жертвоприношениями, тризнами, с поклонением покойным вождям и их гробницам⁵⁷.

В древней Швеции существовал ритуал не только восприятия, но и сложения власти. Свой социальный статус конунг мог поменять на более низкий статус ярла, а ярл

⁵² Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М., 1988. – С.232-233

⁵³ Сага об Инглингах. XXXVII// Снорри Стурлусон. Круг Земной. – М., 1995.

⁵⁴ Сага о Харальде Прекрасноволосом. VIII// Снорри Стурлусон. Круг Земной. – М., 1995.

⁵⁵ Лебедев Г.С. Указ. соч. – С.214.

⁵⁶ Например «Олегова могила» в Ладого, самая монументальная из сопкок ладожской сакральной зоны

⁵⁷ Токарев С.А. Ранние формы религии. – М., 1988. – С.204.

сойти до статуса бонда: «А Хроллауг конунг...сел на престол. Затем он велел положить подушку на скамейку, на которой обычно сидели ярлы, скатился с сиденья конунга на сиденье ярла и назвался ярлом»⁵⁸. После этой церемонии Хроллауг передал свои владения конунгу Харальду, за что Харальд инвеституировал его своим ярлом – «привесил меч на пояс и щит на шею»⁵⁹.

Одной из важнейших функций конунга была функция ведения войны. Он собирал и возглавлял народное ополчение – ледунг. При конунге была его личная дружина. Ее численность составляла: при Олафе Святом (нач. XI в.) – 100 дружинников, Олаф Тихий (втор.пол.XI в.) возил с собой на вейцлу уже 240 дружинников.

Стимулом к службе и знаком отличия дружинников было подаренное конунгом дорогое оружие. В сагах очень подробно описано оружие викингов, а в особенности королевские подарки: «И взял в руки большую секиру с рукояткой отделанной золотом, которую подарил ему конунг Харальд»⁶⁰. В «Саге об Эгиле» конунг посылает в подарок секиру, отделанную золотом и серебром – «это была очень ценная вещь»⁶¹. Наряду с оружием конунг одаривал отличившихся дружинников дорогими украшениями: «...и дал золотое запястье, которое весило одну марку...и меч, который стоил полмарки золота»⁶². Подарок конунга ценился не только как дорогая вещь, но в большей мере, как священная реликвия, оберег и талисман. «Адальстейн конунг дал Хакону меч, вся рукоять которого была в золоте...Хакон носил его до самой смерти»⁶³.

Подробности описания подарков не были простым поэтическим приемом скальдической поэзии, они были призваны прославлять героев-воинов у современников и потомков. Это было «характеристикой и оценкой успешности этой деятельности (службы у конунга – Р.Н.), с другой стороны – рассказы о получении героем особо ценного предмета (меча, браслета, плаща) являются средством прославления героя»⁶⁴. Дружинники получали подарки от конунга регулярно, но особо ценные вещи они получали лишь за исключительную храбрость. Любой свейский конунг мог сказать слова князя Владимира: «Без дружины не найду ни серебра, ни золота, а с дружиной добуду и то и другое». Дружинники часто стремились отблагодарить конунга и не только храбростью

⁵⁸ Сага о Харальде Прекрасноволосом. VIII// Снорри Стурлусон. Круг Земной.– М.,1995.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Сага о людях из Лаксдаля. XXXVII // Исландские саги. – М., 1956.

⁶¹ Сага об Эгиле. XXXVIII // Исландские саги.– М., 1956.

⁶² Там же. XIII.

⁶³ Сага о Харальде Прекрасноволосом. XXXX// Снорри Стурлусон. Круг Земной. – М.,1995.

⁶⁴ Мельникова Е.А. «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого.// ДГ.– М.,1985.– С.20.

и подвигами, но и ответными подарками, так, например, один дружинник купил на новгородском базаре в подарок своему конунгу отделанный золотом плащ⁶⁵.

Атрибутом власти конунга как главы ополчения – ледунга был пучок стрел. В монументальных уппсальских курганах, в которых захоронены конунги свеев, рядом с останками археологи находят 10 – 15 стрел собранных в пучок. Сага подтверждает это. Конунг собирал людей на тинг или в ледунг, рассылая стрелы: «И конунг велел вырезать ратную стрелу и разослать ее во все стороны, чтобы собрать возможно больше войска»⁶⁶. Стрела избрана выполнять такую функцию не случайно, она является символом, обозначающим руну победы, а также сим волом Тора-громовержца:

«Руны победы,
Коль ты к ней стремишься,
Вырежи их
на меча рукояти,
И дважды пометь
Именем Тора»⁶⁷.

Знаковую функцию стрела выполняла не только в древней Скандинавии, но также и у кочевых народов. У маньчжуров стрела была символом управления отдельными районами, а также выполняла функцию удостоверяющего документа, служила знаком-сигналом сбора войск⁶⁸. Вестовые стрелы имели и личные порученцы – нукеры монгольских ханов⁶⁹.

Атрибутами власти конунга было дорогое оружие, детали костюма и другие трофеи, добытые в походах, в большей степени, выражавшие его светские функции, нежели его культовые обязанности. Хотя в средневековых социумах любые властные функции были неразрывно связаны с сакральностью.

Область Уппланд в средней Швеции можно назвать колыбелью королевских династий всей Скандинавии. Такую же роль играл в истории Руси княжеский домен Русская земля (Киев – Чернигов – Переяславль). Уппсала, где с VI по XI вв. находился главный языческий храм Одина, Тора и Фрейра, являлась резиденцией рода конунгов племени свеев. Здесь правила, возводящая свою генеалогию к богам, священная династия Инглингов, от которой произошли все другие династии скандинавских конунгов, а

⁶⁵ Большая сага об Олаве Трюгвассоне// Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. – М., 1993.– С.90.

⁶⁶ Сага о Хаконе Добром. XXIII // Снорри Стурлусон. Круг Земной. – М., 1995.

⁶⁷ Речи Сигрдривы. VI// Западноевропейский эпос. – СПб., 2002.

⁶⁸ Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М., 1997.– С.215.

⁶⁹ Там же.

возможно и русские Рюриковичи, если считать Рорика Ютландского Рюриком русской летописи. Все династии через Инглингов возводили свой род к богам. «Включение богов в число предков короля является попыткой теологически обосновать притязания королей на власть»⁷⁰. Эта традиционная марксистская точка зрения вряд ли подходит для обоснования власти конунга, так как его культовые функции были на порядок важнее для общества, связывавшего свое благополучие с умением конунга «находить общий язык» с миром богов и духов и влиять на него. И если светские функции конунга были скорее привилегией, то сакральные являлись его прямой обязанностью.

Преемственность сакральной власти от предков к потомкам, обеспечивалась владением какой-либо вещью, принадлежавшей по преданию предку-герою: «На Агни конунге была тогда золотая гривна, которой когда-то владел Висбур»⁷¹ (прадед Агни – Р.Н.). Такие реликвии не позволяли прерываться мистической связи между носителями власти и обеспечивали власть необходимой легитимностью. Некоторые конунги после смерти были обожествлены, а их курганы становились святилищами, о чем уже было сказано выше. «Они построили и храм в честь...давно уже умершего короля, и начали молиться ему как богу и приносить жертвоприношения»⁷².

Свейский конунг был верховным жрецом капища в Уппсале – «стражем священного шатра» и «большим жертвенным жрецом». Он был обязан регулярно совершать жертвоприношения, для того чтобы боги даровали его народу хороший урожай, благополучие, победу над врагами и т.п. В основном в жертву приносили животных, но были и человеческие жертвоприношения: «Ему (конунгу–Р.Н.) было тогда 60 лет, он совершил большие жертвоприношения, прося о долголетию, и принес в жертву Одину своего сына»⁷³. Вероятно, что человеческие жертвоприношения были довольно редкими, поэтому автор саги упомянул их особо.

Конунг «советовался» с богами путем гадания и жребия. Аналогией этому мы видим в языческой Руси, когда князь Владимир с боярами бросал жребий на выбор жертвы богам⁷⁴. Игральные кости и фишки были также найдены в Черной могиле – черниговском княжеском кургане X века.

Свеи приписывали своему конунгу силу влиять на стихии природы. Это, как правило, всегда соотносилось со строгим выполнением жреческих функций. От этого

⁷⁰ Пекарчик С. Сакральный характер королевской власти в Скандинавии и историческая действительность// Скандинавский сборник. Вып. X., Таллин, 1965.– С.194.

⁷¹ Сага об Инглингах. XIX// Снорри Стурлусон. Круг Земной. – М.,1995.

⁷² Римберт. Житие святого Ангария. Цит. по: Лебедев Г.С. Эпоха викингов...С.103.

⁷³ Сага об Инглингах. XXV// Снорри Стурлусон. Круг Земной. – М.,1995.

⁷⁴ ПВЛ. 983 г.

зависел урожай и благополучие народа в целом. Конунга, в правление которого были хорошие урожаи, называли «благополучный для урожая»⁷⁵. Такого правителя почитал народ, и считалось, что в той земле, где он будет похоронен, всегда будут хорошие урожаи и тот край минует беда. Так о конунге Хальдфане Черном Снорри пишет: «После смерти короля 4 области Норвегии спорили о том, где похоронить умершего, пока, наконец, труп его не был расчленен на 4 части, и каждую из них похоронили отдельно»⁷⁶. Такие представления наблюдались у многих народов, они уходят в своей основе в архаическую древность⁷⁷.

В случае неурожая, голода, болезней народ обвинял конунга в ненадлежащем исполнении им жреческих функций, что повлекло за собой гнев богов и духов, выразившийся в разнообразных бедах. «Они (свеи – Р.Н.) собрав войско, отправились в поход против Олафа конунга, окружили его дом, сожгли его в доме, отдавая его Одину и принося в жертву за урожай...

И волк ствол
Жгучепалый,
Сорвал плащ
С вождя свеев»⁷⁸.

Таким образом «неблагополучный» конунг мог сам стать жертвой богам. Подобные формы сакрализации вождя, от которых он сам больше всего страдал, могли существовать лишь при сохраняющихся традициях военной демократии⁷⁹.

Как не странно, но принятие христианства не уничтожило эти архаические представления о носителе власти. В хронике XIII века «Христианские короли Швеции» о короле Эрике Кнутссоне (1208 – 1216 гг.) сказано: «...и он был урожайным королем, потому что пока он жил, во всем его государстве всегда были хорошие урожаи»⁸⁰.

Связывать урожай с личностью правителя, а именно с его физическим здоровьем и потенцией было принято в разных этнокультурных традициях от древних славян до кочевников и народов черной Африки на разных этапах общественного и государственного развития. На определенном этапе персона конунга табуировалась: «...здесь обычай входить к конунгу без оружия»⁸¹. Это объясняется тем, что личность

⁷⁵ Ковалевский С.Д. Указ.соч.– С.102.

⁷⁶ Цит. по: Пекарчик С. Указ.соч.– С.192.

⁷⁷ См. обзор в: Фрэзер Д. Золотая ветвь.– М.,1983.

⁷⁸ Сага об Инглингах. XXXXIII // Снорри Стурлусон. Круг Земной. – М.,1995.

⁷⁹ Токарев С.А. Указ.соч.– С.324.

⁸⁰ Цит по : Ковалевский С.Д. Указ.соч.– С.103.

⁸¹ Сага об Эгиле. XXV // Исландские саги. – М., 1956.

самого правителя становится объектом почитания и культа. Сравните, например: «Царь Бенина – фетиш, и главный предмет почитания в своих владениях»⁸².

Языческий культ, натурфилософский по своей природе, скреплял общество, гарантировал постоянство миропорядка. Конунги из потомков языческих богов превратились в священных королей.

Политическая власть конунга также имела свои особенности. Власть выражалась понятием «*gíki*» – «держава, господство». Стать конунгом означало «взять державу под себя». Свеи избирали конунга в языческое время, и даже в XIII веке за бондами сохранялось право принять и прогнать короля. В «Житии святого Ангария» Швеция предстает как единое государство – «*regnum*», центром которого является город-порт Бирка – «*portus regni*». Во главе государства свеонов стоял один король – «*tex*», зависимый от воли народа: «...так ведь у них в обычае, что всякое общественное дело более зависит от единодушной воли народа, чем от королевской власти»⁸³. В XI веке Адам Бременский писал о свеях: «Королей они имеют из древнего рода, однако их власть зависит от решения народа – что он одобрит то он (конунг – Р.Н.) утвердить должен»⁸⁴. Это косвенно подтверждает нашу гипотезу о том, что главными функциями конунга были культовые функции. В мирное время реальной властью обладал тинг – «...а если ты не пожелаешь сделать то, что мы требуем, мы восстанем против тебя и убьем тебя»⁸⁵. В военное время вся полнота власти переходила конунгу: «Идя в сражение (свеи) во всем оказывают повиновение королю, или тому, кого король посчитает способнее остальных»⁸⁶.

Одной из важных привилегий конунга была «вейцла» – ритуальный объезд территории, выполняющий интеграционную и этноидентификационную функции. Конунг вместе с дружиной объезжал свои земли и в местах остановки, бонды устраивали им обильный пир и снабжали припасами. На общих пирах достигалось сакральное единство народа с конунгом, а через него с богами. Традиция вейцлы была перенесена на Русь варяжской династией и получила название полюдье, выполняя те же самые функции.

Кроме того, существовала традиция регулярных съездов конунгов для решения насущных вопросов. «В начале следующего лета случилось так, что конунг со своим войском отправился на восток...и снова провозгласил мир для своей страны, как это требуется по закону каждое третье лето. Такие встречи между конунгами были введены

⁸² Токарев С.А. Указ.соч.– С.324.

⁸³ Цит. по: Ковалевский С.Д. Указ.соч.– С.94.

⁸⁴ Там же.– С.95.

⁸⁵ Сага об Олаве Святом. LXXX// Снорри Стурлусон. Круг Земной.– М.,1995.

⁸⁶ Ковалевский С.Д. Указ.соч.– С.95.

для того, чтобы на них решать дела касающиеся правителей, здесь собирались также и на торг»⁸⁷. Вероятно, что к традиции регулярных съездов конунгов восходит и обычай русских княжеских съездов.

Наряд конунга мало чем отличался от наряда других воинов. Но вначале несколько слов о мужском костюме эпохи викингов. Он состоял из узких штанов, длинной рубахи и куртки (кюртеля), выпущенной поверх штанов и подпоясанной. Носили плащи, часто из яркой дорогой ткани, застегнутые на плече фибулой или булавкой (с кольцевидным навершием и длинной иглой). Зимой надевали одежду из меха и овчины. «Хрут (бонд – Р.Н.) вскочил в рубашке и полотняных штанах и набросил на себя серый плащ»⁸⁸. И еще: «Рядом сидел человек,...он был в пурпурном кюртеле, на руке у него было золотое запястье, а на голове повязка, вышитая золотом»⁸⁹.

Дорогое оружие и богатая одежда, обилие украшений говорили о храбрости и удаче викинга, играли своеобразную, определяющую социальный статус, роль. Храбрый воин мог выглядеть не хуже конунга. Вот, например как выглядел бывший знаменитый викинг, а впоследствии дружинник ярла: «Он всегда был одет в пурпурное одеяние и сверху на нем был серый плащ, на голове шапка из медвежьего меха, а в руке меч»⁹⁰. Но главным статусным признаком было конечно оружие: «Впереди них был человек в синем плаще. На голове у него был золоченый шлем, сбоку – украшенный золотом щит, в руке копье с насадкой, окованной золотом, на поясе меч»⁹¹.

В источниках очень мало сведений о наряде конунга, как уже было сказано, в период военной демократии вождь, немногим отличался от старшего дружинника, так было и в Скандинавии и на Руси⁹². «Конунг надел на себя кольчугу, опоясался мечом Жернорезом, надел на голову позолоченный шлем, взял в руки щит и копье. Затем он построил свою дружину, а также бондов и велел поднять знамена»⁹³. Как видно из этого патетического пассажа саги, внешний вид конунга был богатым, но кроме богатства мы не видим другой особой атрибутики присущей носителю власти.

При Олафе Святом в Швеции появляются элементы геральдической символики. Этот конунг имел красный щит с изображением золотого льва и белое знамя со змеем⁹⁴.

⁸⁷ Сага о людях из Лаксдаля. XII// Исландские саги. – М., 1956.

⁸⁸ Сага о людях из Лаксдаля. XXXVIII // Исландские саги. – М., 1956.

⁸⁹ Там же. LXIII.

⁹⁰ Там же. XXIX.

⁹¹ Сага об Эгиле. XXXI// Снорри Стурлусон. Круг Земной. – М.,1995.

⁹² Сравните описание князя Святослава в «Истории» Льва Диакона.

⁹³ Сага о Хаконе Добром. XXVIII// Исландские саги. – М., 1956.

⁹⁴ Сага о людях из Лаксдаля. XXI., см. также: Сага об Олаве Святом. XXXXIX// Исландские саги. – М., 1956.

Такой минимум атрибутов власти в Скандинавии не означает, что их не было совсем. Особым знаковым признаком власти был, как не странно, обряд погребения. Погребальный обряд – это действия, совершенные живыми над мертвым или около него при подготовке похорон, их совершении и вскоре после них⁹⁵.

В нескольких регионах Скандинавии сохранились комплексы монументальных курганов с ингумациями или кремациями в ладьях. В Дании это Лейре и Еллинг, в Норвегии – Конунгахелла, в Швеции – Уппсала. Эти районы одновременно были и домениальными владениями конунгов, и языческими святилищами, и некрополями. «В каждом могильнике этого круга на одно поколение приходилось по одному мужскому захоронению в ладье»⁹⁶. Это свидетельствует об исключительном социальном положении покойника, им может быть только лишь конунг.

Если совершалась ингумация, то умершего укладывали или усаживали на корме ладьи, рядом располагали парадное оружие и другие необходимые вещи (посуда, конская упряжь, пища и т.п.), все это могло понадобиться конунгу в раю Одина – Вальхалле. Вокруг бортов ладьи укладывали жертвенных животных – коней, соколов, собак. Рядом с конунгом лежал пучок стрел – символ военной власти. По бортам ладьи висели щиты. В «Саге о Хервер» говорится о том, что существовал обычай сожжения заживо жены конунга вместе с останками ее мужа⁹⁷.

Погребальный обряд подчеркивал высокий общественный статус конунга, как военного вождя и жреца. Королевские ингумации в ладьях маркируют статус высшего слоя социально-политической структуры общества.

В источниках складывается особый образ конунга-викинга. Сага, коротко, но очень точно определила его:

«Щедр на золото,
Скуп на бегство,
Обличьем прекрасен
И мудр в речах»⁹⁸.

Хороший конунг обязан был исправно исполнять жреческие обязанности, совершать удачные походы и возвращаться с богатой добычей. В сражении он не прячется за спины дружинников. Щедро одаривает их за службу.

«Ум и оружие
Конунгу надобны,

⁹⁵ Петрухин В.Я. Начало...С.136.

⁹⁶ Лебедев Г.С. Эпоха викингов...С.41.

⁹⁷ Пекарчик С. Сакральный характер...С.194.

⁹⁸ Пророчество Грипнира. VII// Западноевропейский эпос. Спб.,2002.

Чтоб меж людей
Первым он был»⁹⁹.

Но очень часто получалось так, что одна из функций конунга, жреческая или военная, становилась ведущей. Один конунг «правил страной, а летом часто бывал в походах»¹⁰⁰. Другой наоборот «усердно приносил жертвы...воевать он не любил, все сидел дома»¹⁰¹.

Эпоха викингов породила новый тип правителя, конунга-викинга. Он утверждается на престоле после бурной молодости прошедшей в далеких походах.¹⁰² Ломка племенных институтов, кризис родовых отношений, широкая военная экспансия сформировали новый тип правителя. Конунги много путешествуют, служат иноземным государям, в «Греках» или «Кенугардах», а, возмужав и получив материальную помощь, возвращаются в свою страну. В их правление происходят радикальные социальные, политические и религиозные перемены.

Таким образом, подводя итог характеристике власти конунга и атрибутов оформлявших ее, можно сделать следующие выводы. Главными функциями конунга были жреческая и военная, причем последняя также имела сакральный смысл. Ритуалы, связанные с конунгом имели культовый характер. Скандинавская династия Руси принесла с собой ряд атрибутов власти – Кубок Браги, жребий на выбор жертвы богам и ритуальный объезд территории полюдь-вейцла. В Скандинавии мы не наблюдаем инсигний верховной власти, «высокий социальный статус отмечался специфическим погребальным обрядом, особым набором украшений, вооружения»¹⁰³, и, добавим, сакрализацией и табуированием носителей власти.

Власть в кочевых социумах степей Евразии.

На протяжении веков восточные славяне и Русь соседствовали с Великой Степью, населенной разнообразными народами, ведущими кочевой или полукочевой образ жизни. Это соседство не могло не сказаться на истории нашей страны, культурных и политических процессах. А в исследуемый период взаимоотношения Руси с миром кочевников носили очень тесный и часто определяющий и роковой характер.

⁹⁹ Речи Сигрдривы. XXXVI// Западноевропейский эпос. Спб., 2002.

¹⁰⁰ Сага об Инглингах. XXIV// Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1995.

¹⁰¹ Там же. XXV,

¹⁰² Лебедев Г.С. Конунги-викинги// Политические деятели античности, средневековья и Нового времени.– Л., 1983.– С.47.

¹⁰³ Мельникова Е.А. «Знаки Рюриковичей» на восточных монетах// Історія Русі – України. – Київ, 1998.– С.179.

Великая степь представляла собой особый мир населенный большими полиэтничными общностями, объединенными единым способом производства и хозяйствования. В те или иные исторические периоды один из кочевых социумов становился гегемоном в степи. Кочевой жизни были подчинены все сферы духовной и материальной культуры, принципы и формы социализации и генезиса государства.

Все кочевые общности носили милитаризованный характер, а это, так или иначе, накладывало отпечаток на символику и атрибутику власти. Все это вылилось в три принципа, которым должны были соответствовать атрибуты власти номадов: 1) принцип практичности, 2) принцип военной демократии, 3) принцип отражения социального статуса и роли носителя.

Мужской костюм кочевника VIII – XIII вв. известен по письменным, но в большей мере по археологическим источникам. Знатность воина определялась количеством украшений, богатством одежды и оружия. Здесь действовал принцип военной демократии – храбрость и мужество определяли знатность, богатство и социальный статус, которые воплощались во внешнем виде. В этом смысле кочевники мало, чем отличались от викингов и русов-дружинников. Костюм кочевника должен был быть удобным и практичным. Строго кочевого костюма так и не сложилось, так как шел процесс постоянного заимствования и синтеза оружия, деталей одежды, украшений кочевников у земледельцев, кочевников у кочевников. Так «морские кочевники» – викинги и русы, заимствовали у номадов степи шаровары и наборные пояса. Сходство в некоторых традициях кочевников, викингов и руссов X – XI в. объясняется спецификой их образа жизни и социальной организации, напоминающей волчью стаю, недаром и в Скандинавии и в степи было особое почитание волка. Монгольский хан, например, вообще ставился главным образом на время войны, т.е. для набегов, наездов, разбоя.¹⁰⁴ Власть и права монгольского хана, конунга-викинга и русского князя IX – сер. X в. до известной степени напоминают то, что обычно является прерогативой атамана разбойничьей шайки. В среде воинов кочевников бытовал тот же обычай, что и у викингов и руссов – ношение шейных гривен, браслетов, серег.¹⁰⁵ Особой деталью мужского костюма был наборный пояс. В погребениях пояса являются исключительной принадлежностью мужских захоронений (а в степи мужчина от 14 до 70 лет был воином, согласно Великой Ясе Чингисхана)¹⁰⁶. Пояс был знаком воинской чести и славы. Вероятно потому, что на нем висело оружие. Ранг воина в степной иерархии определялся количеством бляшек на поясе, чем их больше, тем

¹⁰⁴ Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. – М., 1976. – С.63.

¹⁰⁵ Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – С.16.

¹⁰⁶ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. – М., 2004. – С.157.

выше ранг воина¹⁰⁷. Особая роль пояса в костюме кочевника объясняется и тем, что некоторые пояса были именными, так наконечник пояса из восточносибирского кургана содержит надпись: «Хозяина (господина) Ак-кюна... кушак»¹⁰⁸. На ремешках к поясу привешивалось оружие, мешочки с необходимыми в быту мелкими вещами – огнивом, оселком, оберегами и амулетами.

В период военной демократии вожди были лишь первыми среди равных. Они мало чем выделялись из массы воинов. Чем ярче и богаче была одежда, тем храбрее и удачливее считался воин. В одном из аланских курганов сохранился кафтан из яркой и очень дорогой в свое время шелковой ткани, которая в Иране использовалась лишь на одежду шахиншаха¹⁰⁹.

С разложением родового строя особая одежда и атрибуты становятся маркирующими признаками знати. У кимаков «только знатные носят одежду из красного и желтого шелка», – сообщал Ал-Идриси¹¹⁰. Знать и правители тюрков отличались особой прической. Китайский путешественник VII века Сюан Цзян описал облик тюркского кагана и его свиты: ...голова правителя была непокрыта, волосы охватывала тонкая лента, хан был окружен знатью, носившей волосы, заплетенные в косы»¹¹¹. Кроме того, все кочевые предводители обозначались характерными прозвищами, объяснявшими происхождение их авторитета и влияния – «баатур» (богатырь), «мерген» (стрелок) и т.п.¹¹²

Ханы кочевников соединяли в своих руках не только военную и административно–судебную функции, но и исполняли жреческие обязанности, что характерно для периода перехода от военной демократии к раннему феодализму¹¹³. Кочевники, в силу своего образа жизни не могли иметь стационарных культовых мест, а значит, лишены они были и жреческого сословия. При кочевом образе жизни жрецы не могли сохранять свое положение, так как были бы оторваны от мест культа. Но это не означает, что кочевники не исполняли культовых ритуалов. Функции жреца у кочевников выполнял хан. Он приносил жертвы и был посредником между людьми и духами. В религиозных воззрениях кочевников были сильны элементы тотемизма. У кочевых народов, например, волк, рассматривался как существо образующее своего рода

¹⁰⁷ Степи Евразии...С.74.

¹⁰⁸ Там же. С.41.

¹⁰⁹ Степи Евразии...С.87.

¹¹⁰ Плетнева С.А. Половцы. М., 1990.– С.102.

¹¹¹ Петрухин В.Я. Начало...С.184.

¹¹² Марков Г.Е. Кочевники...С.63.

¹¹³ Плетнева С.А. Половцы. М.,1990– С.102.

социальную организацию¹¹⁴. Упомянутый в русских летописях хан Боняк, совершал в отношении волка магические действия перед сражением с русскими: «И яко бысть полунощи и вста Боняк отъеха от рати и поча выти волчески и отвыся ему волк и начаша мнози волки выти»¹¹⁵. Этим ритуалом сила волчьей стаи призывалась на помощь половецкой орде. «Хан по его свойствам есть «волк», тюрки делятся на просто «кочевников» и «волков» (дружинников, отборных воинов)¹¹⁶. Гвардия тюркских каганов называлась «бери» – «волки», она имела знамена с изображением волчьих голов¹¹⁷. А хеттский царь обращался к своему народу: «И ваш род – моих подданных да будет единым, как волчий»¹¹⁸.

Говоря о кочевниках, следует сказать, о непосредственном соседе восточных славян и Руси в IX – X вв. – Хазарском каганате, территория которого занимала в нижнее течение Волги, Северный Кавказ и западное побережье Каспийского моря. Это государство стало важным фактором в становлении древнерусской государственности.

Хазария с VII века стала наследницей распавшегося Тюркского каганата. Возглавили это полукочевое, торговое государство представители правившего в Тюркском каганате рода Ашина¹¹⁹. Занимавшая огромную территорию, на которой проживали разнообразные этносы, находившиеся на разных хозяйственно-культурных уровнях развития, Хазария просуществовала около трех с половиной веков, представляя собой «первое феодальное государственное образование в Восточной Европе»¹²⁰.

Верховным правителем Хазарии считался каган из рода Ашина. Его титул относился к высшим титулам средневековой политической иерархии и приравнялся к европейскому титулу император и персидскому шахиншах. Со временем каган утратил реальную власть и остался лишь сакральным лидером, земным богом. Светскую власть осуществлял царь (шад, каган-бек, бек, малик). Каган был живым воплощением суверенитета, обожествлялся и табуировался. Этому, вероятно, не мешал принятый хазарской знатью в VIII веке, иудаизм.

Вера в сверхъестественную силу священного царя, страх потерять ее, а значит лишиться расположения богов, приводили к тому, что все действия кагана строго

¹¹⁴ Иванов В.В. Сходные черты в культе волка...С.60

¹¹⁵ ПСРЛ. Т.2. – С.245.

¹¹⁶ Бичурин Н.Я, Собрание сведений по исторической географии Срединной и Восточной Азии. Чебоксары, 1960.– С.237.

¹¹⁷ Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.–С.291.

¹¹⁸ Иванов В.В. Сходные черты в культе волка...С. 60.

¹¹⁹ Эта династия также возводила свою генеалогию к легендарному волку.

¹²⁰ Плетнева С.А. Хазары. М.,1986.–С.3.

регламентировались, «его жизнь превращалась в цепь тяжелых запретов»¹²¹. Табу накладывалось на все предметы, окружавшие кагана.

Каган постоянно жил в своем дворце в городе Итиле, там у него был гарем из 25 жен, являвшихся дочерьми вассальных правителей и 60 наложниц. Вероятно, что такой же традиции включения в гарем родственников вождей покоренных племен придерживался и князь Владимир Святославич, гарем которого также насчитывал несколько жен и 800 наложниц. Дворец кагана находился на острове и соединялся с городом мостами. Он был построен из обожженного кирпича, тогда когда все постройки в Итиле были из акабы – кирпича-сырца: «никто кроме кагана не имел права использовать при строительстве обожженный кирпич»¹²². Регалией кагана был золотой трон с балдахином. Преклонение перед каганом было таким, что даже бек должен был входить к нему босиком, окуривая себя дымом головешки для очищения. Он падал ниц перед каганом и вставал лишь с разрешения. Из простых смертных кагана могли видеть еще несколько придворных. Перед народом он появлялся редко, не более трех раз в году, да и то в сопровождении всего войска, которое не могло приближаться к кагану менее чем на милю¹²³. Все встречные должны были падать ниц и под страхом смерти не поднимать глаз на кагана. Для народа он оставался невидимым, недостижимым и могущественным божеством. В пути перед каганом несли золотой диск – символ солнца.

Почитание кагана было распространено не только среди хазар, «соседние народы не решались воевать с хазарами из-за великого почтения к нему» – сообщает Истахри¹²⁴. Зная это, в случае военной угрозы, хазары выводили кагана для устрашения войска противника¹²⁵. Поскольку каган был носителем политической власти, и можно сказать обладал политической потенцией, то при старении и потере физических сил, его, по, древнему закону, следовало убить. Фрэзер объясняет это тем, что «если от жизни человекобога зависит ход природных явлений, то каких только бедствий не может принести его одряхление, а тем более смерть? Существует единственный способ предотвратить эту опасность. При появлении признаков упадка сил человекобога следует предать смерти, перенести его душу в тело сильного преемника»¹²⁶. Все несчастья хазары приписывали кагану. И если страну постигало стихийное бедствие, голод, поражение в войне, то народ требовал от бека ритуального убийства кагана. По информации арабского

¹²¹ Там же. С.41.

¹²² Плетнева С.А. Указ. соч.– С.51.

¹²³ Артамонов. М.И. История хазар. М., 1962.– С. 408.

¹²⁴ Там же. – С.409.

¹²⁵ Так было и в 965 году, когда против русского войска хазары вышли «съ князем своимъ каганомъ».

¹²⁶ Фрэзер Д. Золотая ветвь. М., 1983.– С.254.

ученого Ибн-Фадлана, был установлен лимит в 40 лет правления, по истечении которого кагана убивали. При возведении нового кагана на престол, царь набрасывал на его шею шелковую петлю и давил до тех пор, пока тот не начинал задыхаться, тогда его спрашивали: сколько лет он хочет царствовать? Полузадушенный каган называл то или иное число лет и тогда его возводили на престол. Если, процарствовав названное время, каган не умирал, его убивали¹²⁷.

По сообщениям арабских путешественников, кагана погребали в сложном сооружении, будто бы под водой. Склеп состоял из 20 комнат, украшенных золотой парчой. Хоронивших кагана слуг, убивали. Могила его была местом поклонения, каждый проходивший мимо должен был совершить молитву.

Таким образом, мы наблюдаем в степи следующую ситуацию: носители власти обладают двумя функциями – военно-административной и культовой, в случае с хазарами, вторая преобладает, особых атрибутов власти немного – дорогая одежда и оружие, в некоторых случаях – особая прическа, везде – военный пояс и набор украшений. Русь, если и заимствовала что-то у степняков, то на раннем этапе развития в эпоху догосударственных отношений и в период дружинного государства. И это были не атрибуты власти, а скорее виды оружия (например, сабля) или детали одежды (например, наборный пояс). Единственным атрибутом власти, перешедшим от кочевников на Русь, стал титул каган. Связано это было с хазарским фактором в истории Древнерусского государства. Но и он просуществовал относительно недолго, до конца XI века.

Имперская идеология и атрибуты власти в Византии.

Наследница Рима, Византийская (Восточно-Римская) империя, явилась для государств средневековой Европы эталоном государственности, политической культуры и идеологии, примером для подражания в символике, регалиях и ритуалах власти.

Истоки византийской государственной идеологии и «культа» императора находятся в различных временных, культурных и религиозно – философских плоскостях. Можно выделить несколько источников внутреннего содержания и внешней формы верховной власти в империи ромеев: традиции «царского культа» эллинистического Востока, сочетавшие в себе элементы античной демократии Средиземноморья и деспотий Месопотамии и Египта; опыт античной демократии; политическая система эпохи принципата и домината; преломление первых четырех пунктов через призму христианства.

¹²⁷ Артамонов М.И. Указ. раб.– С.410.

До 800 г.¹²⁸ император ромеев являлся главой всего христианского мира, он, единственный, носил титул императора. И любой европеец того времени, говоря об императоре, подразумевал именно василевса (с 629 г.) ромеев.

«Только в Византии идея императорской власти обрела самую зрелую форму»¹²⁹. Император был не просто правителем – сувереном, он воплощал в себе этот суверенитет. «Как Бог один на небе, так и император один на земле», – так говорили византийцы о своем государе. Для средневековья характерно то, что «государство персонифицировалось в личности государя»¹³⁰. Именно в Византии доктрина универсальной империи получила свое завершение, она стала, в значительной мере, основой международных отношений средневековья.

Император не был живым богом на земле, он был наделен властью милостью Божией, предстоятелем через посредство которого Бог управляет делами людей. Император стоял на вершине сложноструктурной пирамиды византийского общества. Носитель божественной благодати, он мог «использовать» эту пирамиду лишь для всеобщего блага и «во славу Божию». Символика и церемониал невиданной пышности должны были поддерживать авторитет вселенской империи. Император понимался как глава сложного организма, включавшего в себя все страны христианского мира. Этому были призваны служить: символика и регалии власти, этикет и придворный церемониал, оформление монет и печатей, императорская иконография и титулатура.

Все христианские государи в византийском понимании составляли «семью» в которой есть старшие и младшие, руководящие и подчиняющиеся. «Отцом» считался византийский император. Мистическая семья правителей существовала не только в теории, она была «реальным политическим институтом, регулирующим международные отношения, а термин (сын, брат, друг – Р. Н.), определяющий степень и характер родства становился правовым титулом»¹³¹.

Император, отец для всех христианских государей¹³². При этом соблюдалась их строгая иерархия. Ближе всех к императору стояли его «духовные дети», к ним относятся правители Армении, Алании и Болгарии. С сер. X в. «дочерью» императора стала русская

¹²⁸ 25 декабря 800г. в Риме папа Лев III венчал Карла Великого императорской короной, возникла Западная империя (франков).

¹²⁹ Дашков С. Б. Императоры Византии. – М., 1996. – С. 19.

¹³⁰ Медведев И. П. Империя и суверенитет в средние века// Проблемы истории международных отношений. – Л., 1972. – С. 413.

¹³¹ Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия. – М., 1988. – С.79.

¹³² Патриарх Николай Мистик (901 – 907 гг.) писал: «Власть императора, которая находится над всей земной властью – единственная власть, установленная на земле Господином мира»//Цит. по: Медведев И.П. Империя... – С. 416.

княгиня Ольга. Ниже стояли «братья» императора – франкский и немецкий короли. На правах «друзей» в этой лестнице стоят – эмир Египта, правитель Индии, король Англии. Была категория «архонтов, которые не входили в эту структуру – кавказские князья, князья Руси, Венгрии, каганы кочевников.

От положения в пирамиде («семье») зависели ритуал аудиенции тех или иных посольств у императора ромеев и обращение в официальной переписке. Зачастую эти внешние признаки суверенитета определяли положение и статус государства в средневековом мире.

Василевсы являлись защитниками (дефенсорами) церкви, иногда они носили титул «агиос» – «святой», могли совершать каждение во время литургии и причащаться в алтаре, как священнослужители – особо Тела и особо Крови Христовой.

Церковь и государство в Византии сосуществовали на принципах «симфонии», т.е. согласия. Император, не соблюдавший Божьих законов, лишался тем самым легитимного обоснования своей власти, и это оправдывало попытки его свержения. Власть в империи не была строго наследственной, императором мог стать вчерашний крестьянин, солдат, придворный, занявший трон в результате переворота и свержения недостойного императора.

В посланиях болгарскому князю Михаилу, патриарх Фотий сформулировал идеал государя: он «должен хранить единомыслие подданных безмятежным», соразмерным должен быть внешний облик, хотя о нем не следует заботиться сверх меры; у государя должно быть «благочиние ступни», «его движения должны украситься чинностью, ему следует остерегаться поспешности в словах»; государь должен править страной, не прибегая к наказаниям, а «создавая о себе впечатление, что можешь наказывать».¹³³ Концепция идеального государства ромеев подавляла концепцию идеального государя.

Захватив власть, новый император не являлся «багрянородным» (порфирогентом), т. е. рожденным в Порфире – зале Большого дворца, где рожали императрицы, т. к. его отец не был венценосцем.

Этикет и церемониал византийского двора был крайне сложен, детализирован, пышен и торжественен. Он должен был подтверждать идею вселенской империи для подданных и ее величие для «варваров». Каждый шаг императора обставлялся чередой обрядов и церемоний. Вид императорского наряда определялся тем или иным торжеством, в котором он принимал участие. Константин Багрянородный описывает в своем сочинении «О церемониях» костюмы императора и придворных, при этом тщательно

¹³³ Цит. по: Чичуров И. С. Указ. соч.– С.37.

отмечает цвет, отделку, символику каждого. Деталей императорского убора множество, все они имеют разное происхождение и значение, свое место и время использования.

Полный императорский наряд весил несколько десятков килограммов; необходимо было иметь недюжинное здоровье и силу, чтобы стоя в таком наряде выдерживать многочасовые церемонии богослужения¹³⁴.

Император никогда не стоял на одном уровне с другими людьми, он, как и архиереи, стоял на подушке, либо на кафедре. На ипподроме для него предназначалась особая ложа-кафисма, в которую можно было попасть лишь по специальной галерее из дворца.

Василевс обладал также некоторыми исключительными правами. Только он мог подписываться красными чернилами (киноварью), лишь императорские грамоты скреплялись золотой печатью (хрисовулом), и только на императорских печатях помещалось изображение Христа Пантократора.¹³⁵

Регалии императорской власти в Византии были пронизаны сложной мистико-религиозной символикой, которая наполняла глубоким смыслом даже несущественные, казалось бы, детали одежды и украшений. Знаками императорской власти были корона, держава, скипетр, трон, акакия, лабарум.

Корона. (Рис. 7, 23, 25) Это главная инсигния василевса ромеев. «Согопа» – лат. «венок» из листьев лавра, был знаком почтения в древности и предназначался только богам. Позже его носили жрецы, им украшали жертвенных животных. Венок служил наградой победителю в мирных состязаниях и за ратные подвиги. В Риме эпохи царей короной являлся венок, перевитый белой лентой¹³⁶. В республиканском Риме к царским регалиям относились с презрением. Во времена империи эта регалия возвращается в Рим. Диадема встречается на монетах греко – бактрийских царей (с 305 г. до н. э.) в виде повязки на непокрытой голове. «Из лаврового венка, ставшего со временем знаком достоинства римских императоров, развилась корона. На монетах Римской империи в лавровом венке изображаются правители со времен Августа»¹³⁷. Кроме венка, регалией императора была зубчатая корона – символ бога Гелиоса, на монетах она появляется с Нерона и существует до Диоклетиана. В 298 г. эдиктом Диоклетиана был введен в качестве императорской регалии заимствованный у Сасанидов царский венец – золотая

¹³⁴ Михаил V Калафат (1041 – 1042 гг.) во время коронации «не выдержав духоты в храме и тяжести усыпанной драгоценными камнями царской одежды, упал в обморок»// С. Б. Дашков. Императоры... – С. 211.

¹³⁵ Василевски Т. Христос Пантократор на печатях и монетах монархов Руси и его византийские и болгарские образцы// Византийский временник. Т.52.– С.230–231.

¹³⁶ Светоний. Жизнь XII цезарей. Божественный Юлий, 79.

¹³⁷ Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. – М., 1993. – С. 45.

диадема, украшенная драгоценными камнями¹³⁸. Такая диадема характерна для ранней Византии, до Юстиниана Великого включительно. Также под иранским влиянием появляется другой тип короны, корона–тиара, митра, сложное полусферическое сооружение, богато украшенное, с султаном и развивающимися лентами. По данным нумизматики тиара просуществовала до Константина VI Погоната (668 – 685 гг.). Со времени Юстиниана Великого (527 – 565 гг.) и вплоть до падения империи основным типом императорской короны становится стемма, золотой обруч, украшенный драгоценными камнями, эмалевыми медальонами с жемчужными подвесками – перпендулиями – по бокам. В конце VI в. стемма стала увенчиваться крестом, который устанавливался на золотом полусферическом перекрестье. Крест на стемме отличал ее от венцов других высших сановников империи – деспота, севастократора, кесаря. В частности, Анна Комнина, дочь Алексия I (1081 – 1118 гг.) проводит строгое разграничение в коронах высших чинов империи и отделяет их от стеммы василевса¹³⁹. На всех изображениях в известных источниках вплоть до 1453 г. василевсы представлены в стеммах.

В эмалевых медальонах стеммы изображался обычно «деисусный чин» (святые, апостолы, архангелы, Богородица, Иоанн Креститель, в молении обращены к Христу). Тот же сюжет мы видим и на русских княжеских венцах. На стемме Льва VI (886-912 гг.) помещены золотые фигурки павлинов, которые в христианской символике воплощали идею бессмертия.¹⁴⁰ На коронах, которые василевсы посылали в знак союза и покровительства государям других стран, часто изображался сам царствующий император-даритель. Так, императоры Константин IX Мономах и Михаил VII Дука (XI в.) изображены на коронах венгерских королей Эндре I и Иштвана I. Причем медальон с императором помещен на место центрального медальона с Христом. Таким образом, Христос, является покровителем и «сеньором» василевса ромеев, а, соответственно, василевс – сеньором государя получившего корону.

В поздней Византии XII – XIV вв. возрождается старый тип короны в виде митры. Его перенимают государи Второго Болгарского Царства, цари Армении и Грузии, а позже митра становится символом архиерейского достоинства.

¹³⁸ Луконин В. Г. Древний и раннесредневековый Иран. – М., 1987. – С. 245.

¹³⁹ Анна Комнина. Алексиада. – М., 1965. – С. 286.

¹⁴⁰ Аверинцев А.А. Золото в системе символов ранневизантийской культуры// Византия. Южные славяне и древняя Русь. Западная Европа. – М., 1973.-С.49.

В неофициальной обстановке византийские императоры носили калиптру, высокую шапку, украшенную золотом и камнями. Именно в калиптре изображен русский князь Ярополк Изяславич на миниатюре Трирской псалтыри (XI в.).¹⁴¹

Держава. Шаровидная форма державы восходит к глобусу, как символу мирового господства в древнеримском искусстве. Глобус часто встречается на римских монетах (Виктория, стоящая на нем, Юпитер с глобусом в руке)¹⁴². С принятием христианства Римской империей на глобусе стал помещаться крест. Так держава приняла свою окончательную форму и стала неотъемлемым атрибутом власти практически у всех христианских государей вплоть до новейшего времени. С конца VI века на монетах Византии появляется изображение императора с державой в руке.

Акакия. Этот необычный атрибут власти представлял собой мешочек с пылью, который должен был напоминать императору о бренности земной жизни и христианском смирении. Василевс держал акакию в левой руке. И если держава символизировала власть над миром, то акакия заключала в себе идею ничтожности этой власти перед Всевышним. Акакия была атрибутом власти и грузинских царей.

Скипетр. (лат. – «skeptrum»). В древности длинный жезл был знаком достоинства правителя, а также атрибутом богов, главным образом Зевса.¹⁴³ Скипетр византийского императора был в виде креста с длинной вертикальной перекладиной. Он появляется как регалия власти в конце IV века, во всяком случае, он уже изображен на монетах Феодосия II (408-450 гг.). В монетной иконографии император держит в руках скипетр и акакию или державу и акакию.

Лабарум. (лат. – «labarum»). (Рис. 7) В Древнем Риме так назывался боевой штандарт, состоящий из древка с поперечной перекладиной и прикрепленного к ней квадратного куска ткани. С принятием христианства на штандарте стали помещать крест или христограмму. Лабарум в Византии уже не был собственно знаменем. Это жезл, с прямоугольной пластиной на конце, на которой изображалась христограмма в золоте и драгоценных камнях.

Трон. Церемониальное сиденье появляется как атрибут власти в глубокой древности. Императорский трон выглядел как высокое сиденье без спинки, с подушкой и подножием. Он располагался на возвышении в Хрисотриклине.¹⁴⁴ Престол василевса был двухместным – второе место отводилось...Христу, которого символизировал положенный

¹⁴¹ Качуровська-Крюкова Л. Егбертів кодекс X – XI століть та його українське здоблення. // Пам'ятки України. 1991, С.4 – 13.

¹⁴² Фенглер Х. и др. Указ. соч.-С.63-64.

¹⁴³ Фенглер Х. и др. Указ. соч.-С.307.

¹⁴⁴ Хрисотриклин – золотая палата Большого дворца, где проходили приемы и аудиенции.

на сиденье крест. Императорский престол изображен в качестве престола Христа или Божьей Матери на иконах.

Кампагии. Пурпурного цвета обувь (сапоги, сандалии, туфли). Они были исключительной регалией царствующего василевса, «если кто нарушал этот обычай, того умерщвляли»¹⁴⁵. Наследник (если такой был) носил «одну красную туфлю, а другую черную»¹⁴⁶.

Дивитиссий. Разновидность туники. У римлян туникой называлась рубашка до колен, надеваемая под тогу. У греков такая одежда называлась хитоном. В Византии туника превратилась в верхнюю одежду. Дивитиссий – это длинная туника с широкими рукавами, напоминающая саккос русских патриархов. В дивитиссии император короновался, бракосочетался, давал аудиенции, слушал литургию, являлся на ипподроме. В нем же василевса отправляли в последний путь.

Скарамангий. Одевался императором в некоторых случаях. Представлял собой кафтан с полами спереди. Был белым, златотканым или пурпурным.

Цицакий. Вид парадной одежды. Надевался императором в день коронации поверх дивитиссия. Василевс носил его также на Пасхальной неделе. Цицакий появляется во времена Константина V (741 – 775 гг.). Этот вид одежды считался одним из самых великолепных императорских облачений.

Хламида. Пурпурный плащ, надеваемый императором в апофеозе коронации, поверх других одежд. Оставлял свободным правую руку. В ранней Византии он назывался палудаментум – императорский плащ из пурпурного шелка, на котором был нашит золотой ромб – тавлион, знак императорской власти.¹⁴⁷ Хламида одевалась в святой Софии на амвоне: «патриарх, сотворив молитву над хламидой надел ее на императора»¹⁴⁸.

Лор. Деталь парадного облачения василевса. Название произошло от латинского «ремень, пояс». Имел вид узкой длинной ленты, украшенной золотом и драгоценными камнями. Происходит от шарфа – трабеи римских консулов. Лор надевался спереди на правое плечо, обворачивался вокруг тела, а свободный конец перекидывался через левую руку. (Рис.7,25).

Уникальным сооружением был Большой императорский дворец в Константинополе, который занимал целый городской квартал. Он был построен при императоре Феофиле (829 – 842 гг.) в его возведении применялись все новейшие на то время достижения техники, механики, строительства. В залах дворца были удивительные

¹⁴⁵ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. – Баку, 1998. – С. 100.

¹⁴⁶ Там же. – С. 100.

¹⁴⁷ Мерцалова М. Н. Костюм разных времен и народов. Т. 1. – М., 1993. – С.131.

¹⁴⁸ Лев Диакон. История. – С.109.

акустические эффекты – был ясно слышен даже шепот. В Хрисотриклине ученый Лев Математик соорудил машины – рычащих львов и машущих крыльями павлинов, а также золотое дерево с поющими механическими птицами. Все это поражало современников, как варваров, так и европейцев. Трон императора мог с помощью сложных механизмов подниматься под потолок зала.¹⁴⁹

В феодальном обществе титулатура правителя была важной частью политической культуры. Она играла огромную роль и в международных отношениях. Простые византийцы называли своего государя кратко – цесарь или василевс: «...владыка ар-Рума, которого простонародье называет «кайсар, «басил»».¹⁵⁰

До 629 года правители восточной Римской Империи именовались императорами. Имя «Император», вместо своего личного имени «Гай», впервые принял Август, потом Нерон, позже, начиная с Веспасиана, это делали все императоры. Однако император не был царем, вековые традиции античной демократии воспитали в римлянах ненависть к царской власти. Римляне считали ее уделом варваров. Но политические перемены привели к тому, что Аврелиан (270 – 275 гг.) принимает титул «dominus» – «господин, владыка». И хотя простые византийцы давно называли своих правителей царями, до начала VII в. последние не решались официально именоваться этим титулом. Только в 629 году, император Ираклий I (610-641 гг.), разгромив Персию, принимает титул василевса.

В ранней Византии официальный титул государя звучал так: «Благочестивый, христолюбивый, Богонареченный Триумфатор и Август (имярек) Василевс Ромеев»¹⁵¹. А уже Юстиниан I Великий титулован «Исапостолом», т.е. равным апостолам. Этот титул «поставил его выше народа, государства и даже церкви, узаконив недосягаемость монарха ни для людского, ни для церковного суда».¹⁵² С тех пор даже патрикии¹⁵³ должны были падать ниц перед восседающим на троне императором, хотя до этого они опускались лишь на одно колено. В титулатуре кроме возвеличивания встречается и показное уничижение, так Юстиниан II (685 – 695 гг., и 705 – 711 гг.) смиренно именовал себя «servus Christi» – «раб Христов».

В 913 г. после ряда побед над империей болгарский князь Симеон принял титул «василевс болгар». Реакция империи была мгновенной, император начинает именоваться

¹⁴⁹ Очерки по истории Византии. – СПб., 1912. – Вып. 2. – С. 40.

¹⁵⁰ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. – Баку, 1986. – С. 60.

¹⁵¹ Дашков С. Б. Императоры... С. 42.

¹⁵² Там же. – С. 59.

¹⁵³ Патрикий – придворный титул высокого ранга, дававший право присутствовать на заседаниях синклита.

не просто василевсом, а «василевсом и автократором (самодержцем) ромеев». Этот титул стал основным вплоть до падения Византии.

Каждое официальное действие с участием императора, обставлялось целым комплексом сложных ритуалов. Им придавалось огромное значение, т.к. они были неотъемлемой частью идеологии. Чинность и порядок ритуалов должны были укреплять равновесие в обществе и государстве.¹⁵⁴

Церемонии с участием императора нашли свое отражение в сводном труде императора Константина VII Багрянородного «О церемониях».¹⁵⁵ Венценосный автор выделяет причины, необходимость и важность ритуала в жизни государства:

- 1) царское правление, идущее без строго установленного порядка, лишено гармонии и, поэтому нестабильно,
- 2) восхваление власти в церемониях придает ей блеск, подтверждает ее святость, приводит общество в состояние гармонии,
- 3) Церемонии и ритуалы делают власть легитимной и уважаемой в народе и у иноземцев.¹⁵⁶

Эти причины мы можем увидеть во всех средневековых государствах изучаемых в данной работе, что говорит об универсальности политического ритуала, как неотъемлемой части политической и духовной культуры.

Важнейшим ритуалом средневекового государства, в том числе и Византии, была церемония коронации. Сохранился ряд записей-протоколов о провозглашении и коронации византийских императоров V-VI вв., но самым главным источником близким по времени к нашему периоду является трактат Константина Багрянородного. Нет нужды пересказывать эти источники в нашей работе, необходимо проследить эволюцию и выявить суть коронации на протяжении веков, чтобы понять, как отразилась данная церемония на политической культуре соседних государств, в первую очередь Руси.

Основное значение до конца VI в. имело военное провозглашение императора, по старой римской традиции.¹⁵⁷ Официально государя избирал синклит, но решающее слово было за армией. Церемония проводилась на ипподроме в присутствии гвардии – «бессмертных» и других отборных частей войска. Претендента поднимали на щите

¹⁵⁴ При дворе василевса была специальный чиновник – препозит, который являлся организатором торжеств и распорядителем ритуалов.

¹⁵⁵ Constantini Porphyrogeniti. De ceremoniis aulae bizantinae. – Bonnae, 1829.

¹⁵⁶ Константин Багрянородный. О церемониях (в отрывках)// Памятники византийской литературы IX-X вв. – М., 1983. – С. 76–79.

¹⁵⁷ Острогорский Г.А. Эволюция византийского обряда коронования// Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. – М., 1973.

несколько солдат, при этом кампидуктор ланциариев¹⁵⁸ возлагал на голову провозглашаемого свою шейную цепь. Армия приветствовала нового императора возгласами «*tu vincas*» – «ты побеждаешь». После этого император раздавал солдатам денежный подарок – донатив. Церковь к церемонии коронации не привлекалась. Решающим было «избрание славнейшего сената и согласие могущественных войск и благочестивого народа»¹⁵⁹.

В 457 г. произошло событие, которое собственно и является коронацией. В этом году на голову императора Льва I константинопольский патриарх Анатолий возложил золотой венец. С того времени всегда после поднятия на щите совершалась церковная коронация. Патриарх возлагал на императора диадему и хламиду, а затем снова следовало поднятие на щите. Затем ритуал провозглашения отходит на второй план и основным становится церковное венчание на царство. Впервые оно произошло в храме 5 октября 610 г., когда патриарх Сергей I короновал в Святой Софии каппадокийского армянина Ираклия императорской короной.

Все этапы коронации подробно описаны Константином Багрянородным, причем для двух сторон – для участников и для ведавших церемониалом. Теперь уже все ритуальные действия приобрели культовый характер.¹⁶⁰

В поздней Византии усилился культовый характер коронации. Император должен был доказывать свою принадлежность к православию, собственноручно написав и подписав Символ веры. Василевса поднимали на щите не воины, а патриарх и высшие сановники. (Рис. 24). Сама коронация включается в ход литургии. Причем сам император участвовал в ней на правах «депутата».¹⁶¹ Император совершал каждение в алтаре и причащался из чаши как священник. Венчание на царство «стало своего рода священным рукоположением и наделяло императора особым духовным качеством».¹⁶²

Византийскую коронацию, а также знаки и атрибуты императорской власти перенимают практически все европейские государства. С некоторыми изменениями или даже без таковых они появятся в Болгарии (рис.31), Сербии, Армении, Грузии (рис. 29), Сицилии (рис.13), в других странах Европы, на Руси (здесь они просуществуют вплоть до эпохи Петра I).

Сохранение традиционного ритуала и консерватизм в совершении коронационных и других политических обрядов, были стержнем равновесия миропорядка,

¹⁵⁸ Сотник копьеносцев.

¹⁵⁹ Там же.– С.33.

¹⁶⁰ Там же.– С.35.

¹⁶¹ Скромный церковный чин, как бы показывающий смирение василевса.

¹⁶² Острогорский Г.А. Указ.соч.– С.39.

который не зависел от политической конъюнктуры. Один из патриархов уже гбгнуущей империи писал: «Хотя по Божьему попущению неверные и стеснили власть царя и пределы империи, однако же и до сего дня царь поставляется церковью по тому же самому чину и с теми же молитвами, как и прежде, и до сего дня он помазуется великим мирром и поставляется царем и автократором всех ромеев, то есть всех христиан».¹⁶³

Кроме коронации, следует отметить ряд политических (или близким к политическим) ритуалов, связанных с императорской властью. В первую очередь это церемония приема послов. Для этого важного политического мероприятия в империи существовал строгий и тщательно разработанный церемониал. Его порядок зависел от ранга посла и статуса представляемого им государства.

Подробно описывает аудиенцию у императора Лиутпранд, посол итальянского короля Беренгара, в 949 г. «Перед тронот стояло медное, но позолоченное дерево, ветви которого наполняли разного рода птицы, сделанные из бронзы и также позолоченные. Птицы издавали каждая свою мелодию, а сиденье императора было устроено так искусно, что сначала оно казалось низким, почти на уровне земли, затем несколько более высоким, и, наконец, висающим в воздухе. Колоссальный трон окружали, в виде стражи, медные... позолоченные львы, которые били своими хвостами землю, открывали пасть, двигали языком и издавали громкий рев. Я оперся на плечи двух евнухов и так был приведен непосредственно, перед его императорское величество. При моем появлении заревели львы и птицы запели каждая свою мелодию»¹⁶⁴. После этого посол трижды пал ниц, «...после того как я поднял голову и увидел императора в совершенно другой одежде почти у потолка залы». От такой церемонии у посла должно было остаться чувство величия, нереальности и чудесности происходящего, особенно, это действовало на послов «варварских» народов. Император сам никогда не разговаривал с послом, да и вообще не произносил не слова за время аудиенции. От имени василевса с послом общался логофет дрома – «министр» внешних сношений и почты. Вопросы логофета сводились к теме о здоровье государя, которого представлял посол. Ответив положенные формулы, посол покидал зал аудиенции.

Итак, имперская идеология превалировала во всей политической культуре Византии. Антураж власти вмещал в себя целый ряд сложных по своей семантике ритуалов и атрибутов, которые должны были создавать легитимность власти как внутри страны, так и за ее пределами. Целый ряд государств копировал византийскую традицию, однако нигде и никогда она не будет равна оригиналу.

¹⁶³ Цит. по: Дашков С.Б. Указ.соч.– С.22.

¹⁶⁴ Очерки по истории Византии.– СПб.,1912.–Вып.2.– С.41-42.

С принятием православного христианства ряд государств на многие века связал свою судьбу с империей ромеев. Институт императорской власти со всеми его внешними атрибутами, дворцовыми церемониями и др., стал объектом подражания для институтов высшей власти православных государств.

В 681 г. болгарский хан Аспарух, перекочевав из приазовских степей в Восточную Европу со своим народом, основал к северу от Дуная Болгарское государство. Его основу составило местное славянское население, а знать долгое время оставалась строго болгарской, кочевой.

Высшая власть в ранней Болгарии имела наследственный характер и передавалась по мужской линии. Официальным титулом правителя Болгарии был «хан юбиги» – «вождь войска»¹⁶⁵.

Постоянные, с конца VII в. контакты (в том числе и конфликты) с Византией, привели к тому, что Болгария, оставаясь языческой, заимствовала многие элементы политической атрибутики. Болгарские ханы изображались в императорских регалиях и нарядах. Это, конечно, не говорит о наличии их в реальности у ханов-язычников, но свидетельствует о признании за византийской внешней атрибутикой власти роли византийской политической культуры, в том числе и эталона. С греческим титулом «от Бога архонт» сосуществовал древний титул «повелитель многих болгар». Хан являлся верховным главнокомандующим, высшим законодателем и судьей, а также исполнял функции верховного жреца. Будучи кочевым обществом, протоболгары¹⁶⁶ не имели стационарных культовых мест «общенационального» характера, лишены они были и такой неотъемлемой в земледельческих (или полукочевых) цивилизациях прослойки, как жречество. Функции жреца берет на себя глава общества. Болгарский хан перед важными событиями совершал жертвоприношения¹⁶⁷.

В 861 г. болгарский правитель принимает крещение, становится духовным сыном императора Михаила III и берет себе имя духовного отца. С этого времени в Болгарии начинается формирование христианской концепции и атрибутики власти.

От рубежа IX – X вв. сохранилось описание болгарского князя (болгарские ханы перенимают этот славянский титул) и его двора. Для точности приведем его полностью.

«Когда же некий смерд или нищий, или странник придет издалека к башням княжеского дворца, при виде их он дивится и приблизившись к вратам, изумляется; войдя

¹⁶⁵ Сравните с авторской интерпретацией титула «князь русский» ниже.

¹⁶⁶ Протоболгарами в современной науке принято именовать тюркоязычных болгар Аспаруха до перехода к оседлой жизни в Подунавье.

¹⁶⁷ Тыпкова-Заимова В. Структура Болгарского государства и проблемы гегемонии на Балканах// Раннефеодальные государства и народности.– М.,1991.– С.289.

внутри и узрев стоящие по обе стороны постройки, отделанные камнем, красным деревом; высокие палаты и церкви, снаружи богато украшенные камнем, деревом и красками, а изнутри мрамором, медью, серебром и золотом, не знает он с чем сравнить их, ибо не видел в земле своей ничего, кроме соломенных хижин. И теряя рассудок, бедняга дивится на них.

А случись ему лицезреть еще и князя в мантии, обшитой жемчугом, в золотом монисте на шее, и с гривнами на руках, подпоясанного бархатом, с золотым мечом, висящим на бедре; и сидящих по обе стороны от него бояр в золотых ожерельях, поясах и гривнах...»¹⁶⁸.

Княжескими регалиями здесь являются – меч, мантия (корзно-?), а также монисто. Пояс и гривны (браслеты), это воинские предметы убора вообще. Болгарской княжеской регалией того времени была, как и на Руси шапка. Это подтверждает миниатюра из рукописи XII в., изображающая князя Бориса-Михаила в похожем головном уборе. Шапка была заимствована ханами у славянских князей, вероятно вместе с титулом.

С начала X в. болгарские князья стали претендовать на более высокое место в византийской семье государей, этому способствовали военные успехи болгар. В 913 г. у стен Царьграда патриарх Николай Мистик возложил на голову болгарского князя Симеона эпириптарий¹⁶⁹, дабы видимостью коронации спасти Византию от разгрома. После очередной победы над империей, в 921 г. Симеон стал именовать себя «От Бога василевс ромеев» по-гречески, либо «Цесарь всемъ блъгаромъ и гръкомъ» по-славянски. Византия не желала признавать нового василевса, однако болгарскому царю Петру I (927 – 970 гг.) удалось добиться от империи официального признания. За болгарским царем был признан титул «василевс болгар» (формально Петр получил этот титул после женитьбы на багрянородной принцессе Марии, внучке императора Романа I Лакапина). Вместе с новым титулом болгарский царь присваивает себе императорские регалии и одежды.

Русско-болгаро-византийская война 969 – 971 гг. привела Болгарию к полному разгрому. Она потеряла свою независимость. Победитель - Иоанн I Цимисхий справил триумф – по Константинополю в колеснице везли икону Богородицы, стоявшую на ворохе церемониальных одежд болгарских царей. На площади император ромеев снял с болгарского царя корону, ему был оставлен лишь титул магистра. Знаки власти василевса болгар Бориса «состояли из тиары, отороченной пурпуром, вышитой золотом и жемчугом,

¹⁶⁸ Иоанн Экзарх. Шестоднев// Родник элатоструйный. Памятники болгарской литературы IX – XVIII вв. – М., 1990. – С.47.

¹⁶⁹ Эпириптарий – патриаршья митра

а также из багряницы и красных полусапог»¹⁷⁰. Тиара, это один из видов византийской императорской короны, багряница, это ни что иное, как императорский плащ-хламида, а красные полусапожки, это императорские кампагии.

Ослабление Византии в XII в. позволило Болгарии восстановить свою независимость, и не просто восстановить, а включить в свой состав часть балканских владений империи. Регалии и одежды царей Второго Болгарского царства полностью совпадают со знаками власти императоров поздней Византии. Об этом свидетельствуют изобразительные источники. Это фреска Боянской церкви сер. XIII в. и миниатюра царского Евангелия сер. XIV в. На первой царь Константин Тих Асень и царица Ирина, на второй - портрет царя Ивана Александра с семьей (царица, царевич-наследник и царица). Одежды и регалии обоих царей идентичны, хотя их и разделяет столетие. Корона в виде тиары-митры, полусферическая, украшенная драгоценными камнями и жемчугом, с подвесками-перпендулиями, полностью идентична византийской императорской короне того периода. На монархах долгополая (до щиколоток) туника красного цвета, имеющая оплечье (византийский маниакий), вышитая по краю рукавов, полам, и спереди вдоль, от оплечья до края. Цари опоясаны традиционным лором, перекинутым через левую руку, но на царе Константине лор имеет полный вид, а на царе Иване лор, это часть пояса. В правой руке у обоих царей скипетр, увенчанный крестом. Следует отметить, что и женщины изображены со скипетрами, но скипетры-кресты только у царя и наследника. Женские короны отличаются треугольными зубцами. На царях красные кампагии, кроме того, на миниатюре из Евангелия царская семья стоит на подушках, причем подушка царя украшена двуглавыми орлами. Все изображенные представлены в нимбах, что было византийской императорской регалией. Титулы подчеркивают могущество болгарского правителя: «Иоанн Александр благоверный царь и самодержец всем болгарам и грекам». (Рис.31). Болгарские цари претендуют на верховенство в «тандеме» император ромеев – царь болгар. Во внешних формах выражается новая идеология и новый политический статус верховной власти Болгарии. Эти внешние атрибуты власти сохранялись неизменными до османского завоевания Болгарии.

«Сыновья» и «братья» императора ромеев, входившие в православную ойкумену, строили свои государства, двор и идеологию используя опыт Византии. В XI – XIV вв. здесь существовали сходные атрибуты власти, имеющие национальные особенности, но восходящие к византийским прототипам. Так Русь заимствует болгарский княжеский венец со сценой «полета Александра Македонского» на небо и некоторые частные особенности политической атрибутики.

¹⁷⁰ Лев Диакон. История. – М., 1988., Кн. IX, ч. 12.

Политическая атрибутика в католических странах Европы.

Католическая Европа была лишена той пышности ритуалов и инсигний власти, которая существовала в странах восточно-христианской ойкумены. Идеология в государствах западной Европы была проще, если не сказать примитивнее, чем в странах православной цивилизации. Византийские атрибуты власти служили объектом для подражания католических государей. Но если они и перенимались у Империи, то значительно упрощались, так как их смысл и семантика были непонятными. Из западных государств лишь королевство Сицилия, отвоеванное у Византии норманнами, в XI – XII вв. целиком перенимает у Империи ромеев инсигнии императорской власти, да германский император Оттон III, увлеченный мистикой и очень религиозный, строит свой двор в Аахене по византийскому образцу.

Роль законодательницы моды в области властной атрибутики на западе выполняла вначале империя Карла Великого, а затем Священная Римская империя. Оттуда антураж власти распространялся на другие национальные государства Европы, в том числе и на западнославянские страны.

Главным обрядом власти был ритуал коронации, на западе он имел свои особенности, часто обусловленные характером политической власти и местными традициями. На примере коронации Оттона I «короля франков и саксов» мы рассмотрим традиционную западноевропейскую церемонию коронации. Главным источником в этом служит сочинение Видукинда Корвейского «Деяния саксов».

Коронация Оттона проходила в Аахене. До нее все королевские вассалы принесли ему присягу и торжественно возвели на престол во дворце. Только после этого следовала церковная церемония. «В базилике короля ожидал архиепископ, взяв короля за руку, он обратился к народу: «Вот я привожу вам Оттона, которого Бог избрал, государь Генрих (отец Оттона – Р.Н.) назначил, а теперь все князья произвели его в короли; если вам это избрание по душе, то покажите это, подняв правую руку к небу». В ответ на это народ поднял руки и пожелал королю благополучия. Затем архиепископ и король подошли к алтарю, где лежали регалии власти: меч с поясом, плащ с застежками, скипетр, жезл и корона. Взяв пояс с мечом, архиепископ сказал королю: «Прими этот меч и сокруши им всех противников Христа, варваров и плохих христиан, волей божьей тебе передана власть над всей державой франков для сохранения прочнейшего мира среди всех христиан». Затем взяв золотые запястья и плащ, он надел их на короля. Потом он вручил ему скипетр и жезл, сказав: «Пусть эти знаки служат тебе напоминанием о том, что ты должен с отцовской строгостью наказывать подданных и протягивать руку милосердия,

прежде всего слугам Божиим, вдовам и сиротам и пусть в душе твоей никогда не иссякнет елей сострадания». После этого архиепископ помазал короля елеем, возложил корону (рис.37) и возвел на трон»¹⁷¹. (Рис.34).

Как любой ритуал перехода коронация состоит из ряда этапов:

1. Божественное предназначение – «...Бог избрал...».
2. Десигнация со стороны отца – «...государь Генрих назначил...».
3. Возведение со стороны вассальных князей – «...торжественно возвели на престол во дворце».
4. Подтверждение избрания со стороны народа – «...народ поднял руки...».
5. Коронация с миропомазанием со стороны церкви – «...помазал короля елеем, возложил корону и возвел на трон».

Как видим, структура ритуала начинается с божественного предназначения и заканчивается божественным благословением. Кроме того, ясно видно влияние феодальных отношений.

Из набора королевских регалий особо следует выделить пояс с мечом – военный пояс. Он символизировал в средневековой Европе, а также на Руси и у кочевников рыцарскую и мужскую честь. Опоясывание мечом было «древней формой обряда посвящения в рыцари»¹⁷² и тоже относится к ритуалам перехода. Лишение пояса было величайшим позором. «Епископ лишил его (французского феодала Т.Марля – Р.Н.) как гнусного злодея и врага, имени христианского, рыцарского пояса и всех феодалов»¹⁷³. А феодал Альбгис, на синоде в Майнце в 852 г., за похищение замужней женщины был лишен «военного пояса»¹⁷⁴.

На поясе висел меч. Первый известный случай десигнации мечом датируется 791 г. Летописец Астроном пишет: «Людовик, сын Карла, которому было 13 лет, и который в течение трех лет был королем Аквитании, получил меч из рук своего отца»¹⁷⁵. Эта традиция существовала и на Руси, сравните с церемонией инвеституры, приведенной ниже, когда великий князь вручал меч своему сыну, отправляя его на княжение.

Плащ должен был напоминать византийскую хламиду. Скипетр также имеет римско-византийские корни. Королевская корона выглядела как обруч с несколькими зубцами, чаще всего в виде лилий. Запястья являлись общегерманским признаком

¹⁷¹ Видукинд Корвейский. Деяния саксов.– М.,1975.– II.I.

¹⁷² Западноевропейский эпос.– Л., 1977.– С.741.

¹⁷³ Жизнеописание Людовика Толстого// Социальная история средневековья.– М.–Л., 1927.– С.248 – 249.

¹⁷⁴ Раткош П. Великая Моравия – территория и общество.– М., 1985.– С.89 – 90.

¹⁷⁵ Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. – М., 1987.– С.333.

знатности еще со времени Великого переселения народов. Церемония коронации очень близка к ритуалу посвящения в рыцари:

«Узрев, что сыну время сан рыцарский носить,
Велел вассалов Зигмунд на пир к себе просить.
На празднество созвал всех юношей, чей род
По возмужаньи право стать рыцарем дает.
И препоясал Зигмунд в день торжества того
Мечом и королевича и сверстников его»¹⁷⁶.

Как правило, европейские монархи в неофициальной обстановке носили национальную одежду, а торжественный наряд был чужеземным, интернациональным, упрощенным византийским. «Он (Карл Великий – Р.Н.) носил национальную одежду. На теле льняную рубаху и исподние надевал льняные. Поверх тунику, обшитую шелковой каймой и штаны. Голени он стягивал онучами, а ступни башмаками. Плечи и грудь зимой он защищал накидкой из шкур выдры и соболя. Поверх всего голубой плащ. Всегда он был препоясан мечом с золотою или серебряною рукоятью и перевязью. Чужеземные же одеяния, хотя бы и самые красивые он отвергал. И не терпел, чтобы его одевали в них. Только в Риме, раз по просьбе папы Адриана... он облекся в длинную тунику и хламиду, и надел также обувь римского образца. На празднествах он выступал в златотканой одежде, корона из золота и драгоценных камней украшала его чело. В иные дни его одежда мало чем отличалась от простонародной¹⁷⁷. Как видно из данного отрывка, византийский императорский наряд должен был придать власти Карла большую легитимность, поэтому папа заставил его надеть. Ну а сентенция летописца о том, что одежда Карла, мало, чем отличалась от простонародной, конечно комплимент императору, т.к. меч на поясе уже отличал знатного человека от простолюдина.

Уникальной регалией европейских монархов было Святое Копье, которым по Евангелию, римский сотник Лонгин проткнул тело распятого Христа. По легенде в III веке оно принадлежало св. Маврикию, а после Константину Великому. Затем после долгого перерыва оно объявляется среди регалий Карла Великого, и, в конце концов, оказалось в сер. X в. у Оттона I. Святое Копье было неотъемлемым атрибутом коронации. Кроме того, монарх начинал битву, вооруженный им. Так в сражении немцев с венграми

¹⁷⁶ Песнь о Нибелунгах// Западноевропейский эпос.– М.,1977.– С.324.

¹⁷⁷ Эйнгард. Житие Карла// Средневековье в его памятниках. Под. ред. Д.Н.Егорова.– М.,1913.– С.28.

на р. Лех, в 911 году Оттон «поднял щит и священное копье и первым направил коня на врага»¹⁷⁸.

Копье у многих народов наделялось сакральной силой, на Руси князь начинал битву, бросая копье в сторону врага. Воюющие «стороны в знак мира пересылаются копьями»¹⁷⁹ у древних саксов. Маленькое копье с красным древком было королевской регалией зулусов¹⁸⁰.

Образование единых раннефеодальных государств у западных славян шло путем постепенного объединения, под главенством наиболее сильного княжества, многочисленных племенных княжений, и под влиянием соседних, уже сложившихся мощных стран западной ойкумены. Процесс этот начался в сер. IX в. и закончился во втор. пол. X в.

В течение XI в. ряд государей Восточной Европы получают от папы или германского императора королевский титул. В 1000 г. Оттон III коронует польского князя Болеслава Храброго. Около этого же года венгерский князь Иштван Арпад получает королевскую корону. (Рис.33). В 1075 г. хорватский князь Звонимир становится королем папской милостью. В 1085 г. чешский князь Вратислав II получает титул короля. Таким образом, государи Восточной Европы становятся реальными или формальными вассалами более могущественных властителей и принимают от них атрибуты власти. Хотя в некоторых славянских странах сохраняются национальные инсигнии. В XI – XII вв. королевский титул и соответственно регалии не были наследственными, только с конца XII в. они закрепляются за определенными династиями. Как видим здесь явное отличие от ситуации в Древней Руси.

Польские и чешские регалии практически идентичны. Они состояли из вышитой туники – «срачицы», плаща по типу древнерусского корзна, скипетра, увенчанного крестом и короны в виде обруча с лилиеобразными зубцами. (Рис.32, 6, 35). Кроме того, в Чехии регалиями были знамя и скипетр. Правящий князь в Чехии понимался как заместитель св. Вацлава на земле, которому князь лишь временно поручил управление страной и людьми. С сер. XII в. это отражается на печатях. На лицевой стороне помещался правящий князь, а на реверсе – св. Вацлав на троне, в латах и с инсигниями власти. Надпись гласила: «*Rex sancti Wenceslavi in manu ducis...*» – «Мир святого Вацлава в руках

¹⁷⁸ Видукинд Корвейский. Указ.соч.– С.185.

¹⁷⁹ Генрих Латвийский. Указ. соч.– С.64.

¹⁸⁰ Риттэр Э.А. Чака Зулу.– М.,1977.– С.294.

князя...»¹⁸¹. Таким образом, вечный правитель должен был обеспечить мир чехам. Идея вечного государя известна и на Руси, где эту роль выполняли св. Борис и Глеб. Их изображение наиболее популярно на древнерусских княжеских печатях и бармах.

Во всех славянских странах был атрибут власти, который почитался особо – трон. Он часто упоминается как главная регалия, полученная от отца. Это связано с очень древней традицией, уходящей корнями в индоевропейскую древность¹⁸². Стоит упомянуть, например, особое почитание княжеского «стола» на Руси. Древний обряд интронизации князя очень долго (до XV в.) сохранялся в Карантании, где славянское население принимало немецкого герцога как своего князя. Сперва он утверждался на собрании воинов, затем проходила интронизация. Под Крнским Градом на поле стоял каменный престол. Герцог-князь надевал крестьянскую одежду, которая состояла из серых шароваров, башмаков, серой суконной куртки до колен, серого плаща и шапки с цветными кистями на голове¹⁸⁴. Его сажали на кобылу и трижды обводили вокруг престола, в это время присутствующие пели по-славянски «кирие элейсон»¹⁸⁵, после чего князя сажали на престол¹⁸⁶. Похожий ритуал существовал и в Чехии, он описан Козьмой Пражским в его «Хронике»: избранного князя сажали на каменный трон в Пражском Граде¹⁸⁷. Эти праславянские ритуалы имеют общие корни с древнерусским обрядом «посаждения на столе». Облачение правителя в крестьянскую одежду, а также введение крестьянских образов в генеалогические легенды, известно и в других этнокультурных традициях: Польше, Чехии, в древнем Китае, у майя. Однако на Руси данная традиция не прослеживается.

Под влиянием западноевропейских традиций во второй половине XIII в. князья Галицко-волынской Руси перенимают западноевропейскую титулатуру и регалии власти, при этом сохранив национальные традиции. В 1254 г. князь Даниил Романович принял от Римского папы Иннокентия королевский титул и регалии: «Присла папа послы честны, носяще венец и скипетръ и короуноу, еже наречеть королевский сан»¹⁸⁸. Сын Даниила Лев, на Западе считался полноправным королем: «В 1299 году был Русский король в Брно

¹⁸¹ Жемличка Й., Марсина Р. Возникновение и развитие раннефеодальных централизованных монархий в Центральной Европе (Чехия, Польша, Венгрия). – М., 1991. – С. 176.

¹⁸² Тржештик Д. Возникновение славянских государств в Среднем Подунавье// Раннефеодальные государства и народности. – М., 1991. – С. 73.

¹⁸⁴ Нидерле Л. Славянские древности. – М., 1956. – С. 225.

¹⁸⁵ «Господи помилуй» – греч.

¹⁸⁶ Тржештик Д. Указ. раб. – С. 72.

¹⁸⁷ Жемличка Й., Марсина Р. Указ. соч. – С. 177.

¹⁸⁸ ПСРЛ. Т. 2. 1255 г.

у короля Вацлава»¹⁸⁹. Внук же Даниила – Юрий, титуловался как «король Руси» и «князь Ладомирии», т.е. Владимиро-Волынского княжества.¹⁹⁰ На большой государственной печати Юрий I изображен на престоле в мантии, застегнутой цепью, в короне и со скипетром в руке¹⁹¹. В последние десятилетия своего независимого существования Галицко-Волынская Русь утратила традиционные национальные регалии власти.

Для государей славянских стран, в том числе и Руси характерны особые двучленные имена, своеобразные политические антропонимы. В них преобладают элементы, относящиеся к узкому кругу престижных для знати понятий войны и господства.

Так карантанские князья носили имена: 54% – на slav, 18% – на mir. Князья полабских славян носили имена на -bor, misti-, -gnev, -voj)¹⁹². То же самое мы можем сказать и о Руси, где основным, употребляемым именем князя было не христианское, даваемое при крещении, а мирское имя: Святослав, Владимир, Ярополк, Святополк, Всеволод, Ярослав, Ростислав, Володарь, Мстислав. Мало кто знает, что христианское имя Ярослава Мудрого – Георгий, а Святополка Окаянного – Петр. Именно мирское имя чеканилось на печатах и монетах, писалось в официальных актах.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сказать, что в эпоху средневековья мы наблюдаем целый ряд сходств как второстепенных, так и принципиальных и в области символики и в области атрибутов власти. Наблюдается следующий парадокс, открытый этнологами XX века: чем глубже погружаться в древность народов, их воззрения и миропонимание, тем более на одно лицо они начинают выглядеть¹⁹³.

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Во-первых, Древнерусское государство сформировалось на стыке разнообразных политикокультурных традиций. Во-вторых, процесс становления и дальнейшего развития политических институтов на Руси шел параллельно с такими же процессами в соседних регионах, в первую очередь Скандинавии, а также южно- и западнославянских странах. В-третьих, это обусловило относительную похожесть Древней Руси и сопредельных регионов, что выразилось в некотором заимствовании и симбиозе атрибутов власти. В-четвертых, на раннем этапе заметно влияние на атрибуты власти языческой Руси кочевого

¹⁸⁹ Цит. по: Исаевич Я.Д. Из истории культурных связей Галицко-Волынской Руси с западными славянами в XII-XIV вв// Польша и Русь.– М.,1974.– С.263.

¹⁹⁰ Там же.– С.263.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Ронин В.К. Самосознание карантанской и ободритской знати// Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе.– М.,1988.– С.97-99.

¹⁹³ Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций.– М.,1998.– С.29.

мира (наборный пояс, титул «каган», кочевническая прическа князя Святослава), а также мира викингов («кубок браги», ритуальный объезд территории – полюдьё). В-четвертых, Крещение включило Русь в христианскую ойкумену, где «законодательницей моды» и эталоном в области государственной символики и атрибутов власти была Византийская империя. Князь Владимир первым из русских князей принимает византийские атрибуты власти, которые, к сожалению, исчезли в годы междоусобицы 1015 – 1019 гг. Но влияние Византии этим не ограничилось. Русские князья частично перенимают византийский обряд коронования, драгоценные регалии, традицию оформления монет и печатей, частично титулатуру. В-шестых на Руси сохранялся до XIV века традиционный для всего славянского мира атрибут власти – политическая антропонимика.

Таким образом, атрибутика власти Древней Руси в основе сохранила свою самобытность, однако активно и что самое главное эффективно воспринимала культурные и политические импульсы соседних государств.

Глава III

Повседневный и церемониальный наряд русского князя в IX – XIII вв.: становление, функционирование, развитие

Ритуал и атрибутика, сопровождающие власть и создающие ее символично-политический антураж, появляются с принятием властью публичного характера. Однако это не означает, что в догосударственный период атрибуты власти отсутствовали. Чаще всего эти ритуалы и символы трансформируются из патриархальной атрибутики и обрядности связанной с носителями власти в ранних обществах.

В современной науке существует целый ряд теорий объясняющих происхождение власти. Хотя выявление истоков власти не является целью нашей работы, необходимо привести две противоречащих друг другу теории, как нельзя лучше объясняющих происхождение атрибутов власти.

Теория Д.Фрэзера утверждает сакральное происхождение власти: носителями власти становились колдуны, жрецы, шаманы, маги и основой этой власти была вера в их сверхъестественную силу.

Марксистская теория говорит о том, что племенные вожди и царьки не потому обладали властью, что им приписывалась колдовская сила, а напротив, она потому им и приписывалась, что они обладали властью¹⁹⁴.

Древность и средневековье не знают правителей имевших лишь светские функции, все они совмещали в своем лице «титул и отправление жреческих обязанностей»¹⁹⁵, причем вторые очень часто превалируют над первыми.

Формирование институтов публичной власти у славян начинается со времени их активных контактов с развитыми цивилизациями – Византийской империей и Франкским королевством, начиная с VI в. Кроме того, значительное влияние на этот процесс оказала борьба с Аварским каганатом.

В эпоху расселения славян, в том числе и восточных, происходил синтез и восприятие «различных культурных импульсов..., которое было свойственно... прежде всего, культуре движущей силы этой эпохи, боевым дружинникам и вождям»¹⁹⁶.

Исходя из древних и более поздних этнополитических материалов власть вождя проявлялась в 3-х формах, связанных одна с другой: во-первых, в сверхъестественной санкции его авторитета («сын Дажьбога», например и т.п. в других традициях.) как опирающегося на магическую силу, или на поддержку могущественного духа; во-вторых, в почитании умерших вождей, превратившихся в сильных и опасных духов; в-третьих, наконец, в выполнении вождем ритуальных и культовых функций¹⁹⁷.

Славянский племенной вождь был не только военным предводителем и исполнял судебные функции, кроме того, он являлся еще и верховным жрецом. Об этом свидетельствует этимология слова «князь», о чем будет сказано ниже. Пришедшая к власти (сперва в Ладоге – Новгороде, позже в Киеве) в середине IX века скандинавская династия воспринимает и функции славянского князя, и славянские атрибуты власти. Для скандинавов эпохи викингов это было обычно, они легко принимали любые культурные и политические импульсы, естественно для своей выгоды. И славянский князь, и конунг-викинг являлись, кроме всего прочего, жрецами и жреческие функции и некоторые сакральные символы синтезировались Рюриковичами первыми. Как в Скандинавии вейцла, так на Руси IX – X вв. ритуально-интеграционным объездом подвластной территории было полюдь. И.Я Фроянов считает, что полюдь это механизм сакральной

¹⁹⁴ Фрэзер Д. Золотая ветвь. – М., 1983. – С.5-12.

¹⁹⁵ Там же. С.17.

¹⁹⁶ Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. – С.143.

¹⁹⁷ См. этнографический обзор в: Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990.

интеграции «своих», отделявший их от «чужих»¹⁹⁸. Круговые охранительные хождения были вначале частными, они известны у разных народов на свадьбах и похоронах, охраняющие от болезней, бед, неурожая. Как правило, в семье такой ритуал совершал глава, либо наиболее уважаемый из членов. В масштабах страны, с теми же функциями этот обряд совершал правитель. Кроме Древней Руси и Скандинавии объезд территории правителем засвидетельствован в самых разных традициях, отдаленных во времени и пространстве: в Европе раннего средневековья, у многих народов Африки, монгольских кочевников, в Микронезии и Полинезии, на Гавайях и Таити, в древнем Китае и средневековом Закавказье¹⁹⁹.

Ритуальным головным убором славянских князей, перенятым Рюриковичами, была шапка. Шапка как регалия правителя существовала и в древней Болгарии (рис.15). Полусферический головной убор с меховой опушкой украшает практически всех славянских идолов, придавая им фаллическую форму (рис.14). Объясняется это тем, что славянские божества олицетворяли, в первую очередь, производящие силы природы. Сила влиять на природные стихии приписывалась и князю. Перенесение на вождя представлений о магическом воздействии на природу существовало во многих традиционных обществах. Эти представления, вероятно, выросли на почве тотемизма и промыслового культа. «Комплекс языческого мировоззрения используется для выработки атрибутов власти»²⁰⁰. Во многих этнокультурных традициях физическое здоровье и сексуальная потенция вождя связывались с сохранением благополучия племени и хорошим урожаем. В свете этого совершенно иной, не библейский смысл приобретает пассаж Повести Временных Лет о 800 наложницах Владимира Святославича, в котором нет ничего легендарного, так как Нестор называет, кроме всего прочего, реальные места поселения княжеского гарема. Таким образом, великий князь подтверждал перед народом легитимность своей власти. С осторожной точки зрения Е.А.Шинакова, несколько жен и сотни наложниц Владимира – это один из способов консолидации власти и установления более прочных связей на разных уровнях, жены – на верхнем, международном, наложницы – на нижнем, племенном²⁰¹.

Князья воспринимались народом как наследники богов-демиургов – Дажьбога, Сварога и Рода. Именно эти божества, отождествлялись у славян с производящими

¹⁹⁸ Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI-X вв.). – СПб., 1996. – С.501.

¹⁹⁹ Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. – М., 1982. – С.22.

²⁰⁰ Орлов Р.С. Язычество в княжеской идеологии Руси. Обряды и верования древнего населения Украины. – Киев, 1990. – С.103.

²⁰¹ Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. – Брянск, 2002. – С.260.

силами природы и солнцем, были первыми законодателями и устроителями порядка. В «Слове о полку Игореве» князья прямо названы потомками Дажьбога, а Владимир Святославич в былинной традиции именуется «Красным Солнцем». По мнению Р.С.Орлова, Нестор, развивая теорию о призвании варягов, пытался отсечь родословную киевских князей от языческих богов²⁰².

Русский князь как верховный жрец совершал жертвоприношения перед или после важных мероприятий: «В лето 6491. Иде Володимер на ятвягы и победи ятвягы и взя землю их. И иде Киеву и творяше требу кумиром с людьми своими»²⁰³. В эту эпоху славяне в очень ответственных случаях приносили и человеческие жертвы, чаще всего жертвами оказывались пленники, но иногда и соплеменники. Жертва выбиралась путем бросания жребия: «И реша старцы и боляре: мечем жребий на отрока и девицу, на него же падеть, того и зарежем богом»²⁰⁴. На миниатюре Радзивилловской летописи именно князь бросает кости на выбор этой жертвы.

Кости-астргалы были найдены в Черной могиле – княжеском захоронении X века, наряду с другой княжеской регалией (по мнению Б.А.Рыбакова) – турьими рогами. Турьий рог держал в руке Святovit, славянский идол в Арконе²⁰⁵. Главной ритуальной регалией скандинавского конунга был также рог – «кубок браги».

Симбиоз разных этнокультурных традиций на Руси X века отчетливо виден в описании Львом Диаконом и Нестором князя Святослава Игоревича. Скандинав по происхождению, со славянским именем и, по-видимому, говоривший по-славянски, выглядит у византийского писателя настоящим степняком со своим хохлом-оселедцем на бритой голове²⁰⁶. От своих воинов князь отличался лишь чистой одеждой и золотой серьгой в ухе²⁰⁷. И если описание Святослава Львом Диаконом можно считать традиционным литературным приемом средневековья, который применялся для создания образов «варварских» правителей (например, описание Атилы Приском), то упрекнуть в этом Нестора-летописца нельзя. «Ходя воз по себе не возяше, ни котла ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли или говядину на углех испек ядыше, ни шатра имяше, но подъяклад постлав и седло в головах»²⁰⁸. Ярко выраженный дружинный характер Русского государства в X веке, главным способом существования которого была

²⁰² Орлов Р.С. Указ. соч. – С.105.

²⁰³ ПВЛ. 983 г

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М., 1988. – С.232, 314.

²⁰⁶ Лев Диакон. История. – М., 1988. – С.98.

²⁰⁷ Это, исключительно мужское украшение, носили на Руси и в XIV-XV вв., а в сельской глубинке России вплоть до начала XX века.

²⁰⁸ ПВЛ. 964 г.

война, не позволял князю, зависевшему от дружины, ярко выделяться из нее и ставить себя в недостижимое положение.

В целом этот период характеризуется закатом языческого мировоззрения, становлением новых потестарно-политических отношений, трансформацией традиционных представлений о власти. Полиэтничность Древнерусского государства создавала почву для естественного симбиоза различных политико-культурных традиций. Носители власти – князья, первыми сознательно идут на этот синтез. Но незыблемой основой во властной атрибутике остается славянский элемент: шапка, плащ-корзно, меч. Причем последний сам по себе не являлся регалией княжеской власти, он приобретал эту знаковую функцию только в руках князя.

Весь X век Русь находилась в тесных отношениях с Византийской империей. Язычество уже явно мешало международным связям. Попытку христианизации предпринимает княгиня Ольга. Однако этому процессу помешало противодействие князя Святослава. Скорее всего, именно от Ольги поступили первые просьбы в Константинополь о даровании инсигний власти.

Произошло это вероятно во время поездки Ольги в Царьград. Косвенно об этом свидетельствуют наставления императора Константина VII Багрянородного своим потомкам ни в коем случае не давать «варварам» регалий власти: «Если потребуют когда-либо и попросят, либо хазары, либо турки, либо также росы...- и подобное случается частенько,- послать им что-нибудь из царских одеяний или венцов, или из мантий ради какой-либо их службы и услуги»²⁰⁹, им следует категорично отказать под любым предлогом. Принимая во внимание время написания императором трактата, вполне вероятна наша гипотеза. И хотя Ольга не получила инсигний, все таки ей удалось добиться того, что император «нарек ю (ее – Р.Н.) дочерью себе»²¹⁰, т.е. признал место Руси в международной семье государств, «возглавляемой» императором ромеев.

Того чего не удалось бабке смог совершить внук. Владимир Святославич крестил в 988 году Русь, породнился с императорским домом и получил таки императорские регалии. Единственным источником и свидетельством последнего являются памятники нумизматики – златники и сребреники, чеканенные в правление князя Владимира²¹¹.

В настоящее время известно более 300 сребреников и 11 златников. Первые русские монеты несут на себе иконографию великого князя и другую очень важную символику. Князь изображен в необычных на Руси регалиях. То, что на монетах

²⁰⁹ Константин Багрянородный. Об управлении империей.– М., 1991.– С.55.

²¹⁰ ПВЛ.957 г.

²¹¹ Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X-XI вв.– Л.,1983.

изображен именно Князь Русский Владимир Святославич, подтверждает монетная легенда: «Владимир на столе а се его сребро (злато)»(рис.20-1). Композиция на монетах и способ чеканки имеют византийское происхождение. При всей условности изображения на монете, резчики штемпелей пытались передать сходство портрета с оригиналом. А это «позволяет предположить, что на монетах переданы с возможно большей точностью и великокняжеские регалии»²¹².

Великий князь изображен в византийских императорских инсигниях. Во-первых, это корона. Она изображена на всех типах монет практически одинаково. И по всем признакам является стеммой византийского василевса. Это золотой обруч, украшенный драгоценными камнями и эмалевыми образками, с золотым же перекрестьем, которое увенчано крестом. Именно последний элемент отличает корону императора от венцов кесаря и севастократора. Таким образом, наличие креста на монетном изображении короны на князе подтверждает ее императорское достоинство. Кроме того, по бокам короны изображенной на монетах, свисают жемчужные подвески – перпендулии, что характерно лишь для императорской короны.

Во-вторых, это скипетр, который князь держит в руке. Скипетр в виде креста являлся в Византии регалией императора. Он символизировал победу над адом, а также власть василевса ромеев над всеми христианами. Расходясь в деталях (наличие или отсутствие венчающих концы креста бусин), в целом на монетах Владимира изображен скипетр в виде четырехконечного креста с длинной вертикальной перекладиной (сгих *immissa*). «По технике исполнения все виды скипетра находят аналогии в изображениях скипетров и крестов на монетах Иоанна Цимисхия, Василия II и Константина VIII»²¹³. Допустимо предположить, что изображение скипетра на монетах Владимира отражает формы реально существовавшего скипетра этого великого князя. «Во всяком случае, Владимир изображался со скипетром подобным скипетрам византийских императоров»²¹⁴.

В-третьих, в монетной композиции присутствует трон-«стол», на котором сидит князь. Можно выделить два типа трона:

I тип трона изображен на сребрениках III типа – трон с массивной лирообразной спинкой известный по иконографии Царя Царствующих, на иконе «Спас на престоле».

II тип трона изображен на сребрениках II и IV типов – трон без спинки, но с подножием и подушкой на сиденье. », на таком троне восседает Христос на мозаике в Софии Киевской, перед которым предстоят император Константин IX и императрица Зоя

²¹² Свердлов М.Б. Изображение княжеских регалий на монетах Владимира Святославича// Вспомогательные исторические дисциплины.– Л.,– 1972.,

²¹³ Свердлов М.Б. Изображение княжеских регалий...С.155

²¹⁴ Там же. С.150.

«Не найдя на византийских монетах аналогий к такому трону, И.И.Толстой отнес это изображение к воспроизведению реальных подробностей обстановки великого князя»²¹⁵. Эта гипотеза соответствует истине, так как именно этот, II тип трона будет известен в дальнейшем как княжеский стол. Так или иначе, но Владимир сидит на троне византийских василевсов. Условность изображения не дает возможность точно определить одеяния князя. На всех типах монет на нем плащ-корзно, застегнутый на груди или правом плече круглой фибулой. М.В.Левченко считает, что возможно одежда Владимира «соответствует императорскому лору или хламиде»²¹⁶, точнее определить невозможно.

Таким образом, можно с большой долей уверенности утверждать, что в конце X века на Руси появляется новый набор атрибутов власти – стемма, скипетр и возможно трон и хламида византийского происхождения, а из традиционного княжеского убора остается лишь корзно.

Некоторые исследователи высказывали сомнение в реальном существовании византийских регалий у русского князя. А резчики монетных штемпелей просто скопировали изображения с византийских монет. Однако такого набора регалий и композиции нет ни на одной византийской монете того времени. И трудно представить, чтобы резчики штемпелей собрали различные образцы византийских монет, заимствовали из них различные детали и скомпоновали из них изображение. Кроме того, на русских монетах отсутствует держава, которая есть на всех монетах Византии.

Возникает закономерный вопрос: как попали византийские императорские регалии на Русь? Ответ на него не может быть однозначным. Но, во всяком случае, он непосредственно связан с проблемой крещения Руси. Если посмотреть на эту проблему в социокультурном плане, то можно сказать следующее. Одним из факторов выбора веры являлось сознательное ознакомление и выбор опыта обустройства государства и общества в разных моделях государственности. Само христианство в этом контексте также следует воспринимать как один из сознательно выбранных методов межэтнической интеграции и поднятия престижа верховной власти. Кроме того, при выборе веры, вероятно, учитывалась следующая сторона: в какой именно из выбираемых религиозных систем было наиболее эффективным и впечатляющим внешнее – ритуальное и внутреннее – идеологическое обеспечение и оформление власти. Безусловно, в этом случае, византийские атрибуты власти были самыми «привлекательными» и были вне конкуренции.

²¹⁵ Там же. С.157.

²¹⁶ Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М.,–1956.–С.367.

Со стороны Руси мы можем увидеть прямое желание получить вместе с новой верой и новый международный статус, который давали византийские инсигнии. Но, вопрос в том мог ли Константинополь удовлетворить это «нездоровое» желание «северных варваров»? Ведь за несколько десятков лет до этих событий в своем трактате Константин VII Порфирогенет предостерегает будущих императоров Ромейской державы от раздачи регалий власти «варварам» за услуги с их стороны. Правда, еще за более чем 300 лет до Константина, император Ираклий I пошел на такой вынужденный шаг, когда, заключив договор с хазарским каганом, он назвал его своим «сыном» и возложил на его голову венец²¹⁷. В отношении же русского князя запрещение Константина VII было нарушено уже тогда, когда братья-императоры Василий и Константин выдали за «архонта росов» свою багрянородную сестру Анну. После этого они вполне могли согласиться и на присвоение своему родственнику и неофиту императорских регалий. Удовлетворив, тем самым, самолюбие Владимира Святославича василевсы приобретали могущественного союзника. Тут необходимо учитывать сложную внутреннюю и внешнюю обстановку, в которой оказалась Византийская империя в конце X века. В 986 году – разгром византийского войска болгарами и потеря, вследствие этого, ряда территорий на Балканах; мятеж Варды Фоки в малоазийских владениях и восстание в Херсонесе. Но, получив желаемое, северный сосед оказал так необходимую помощь. В 988 году русы, занимают Херсонес и передают его империи как вено за царевну Анну. А в 989 году 6-тысячный русский корпус разбивает мятежников Варды Фоки под Абидосом. Русские и византийские источники не сообщают о присылке из Византии регалий власти, но можно предположить, что Владимир получил их с приездом царевны Анны и принял их после крещения. Златники и сребреники явились первой декларацией этого события, отразившего новый международный статус Русского государства.

В императорских регалиях на монетах изображен еще один князь. Это узурпировавший власть после смерти отца, сын Владимира, Святополк Окаянный (1015 – 1019 гг.). Кроме монет есть еще и свинцовая булла этого князя, также изображающая его в инсигниях императора²¹⁸. А после него этот набор регалий исчезает. И никогда более на Руси домонгольского времени не встречается. Вероятнее всего он был вывезен или польским королем Болеславом I, во время оккупации поляками Киева в 1018 году, или

²¹⁷ Патриарх Никифор. Бrevиарий. В кн.: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бrevиарий» Никифора. – М., 1980. – С.159.

²¹⁸ Янін В.Л. Дві давньоруські тисячі печатки початку XI ст // Історія Русі -України. – Київ, 1998. – С.261.

самим Святополком, бежавшим из Руси и «...пробежа Лядскую землю...прибежа в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже зле живот свой на том месте»²¹⁹.

В Софии Киевской есть поздняя ктиторская фреска, изображающая Ярослава Мудрого с регалиями власти, короной и корзном, переброшенном через левую руку (как императорский лор) и украшенном орнаментом в виде кругов с орлами внутри²²⁰. Но именно потому, что подлинная фреска не сохранилась, мы не можем считать регалии на ней именно регалиями Владимира Святого.

В IX – X вв. Древнерусское государство проходило этапы внутреннего становления и укрепления своих позиций на международной арене. Рюрик и его преемники первоначально использовали славянскую атрибутику власти, сочетая ее со скандинавской и кочевнической. Уже одно это свидетельствует о том, что Древнерусское государство формировалось на полиэтничной и поликультурной основе. С принятием христианства князь Владимир получает из Византии набор инсигний власти, практически полностью соответствующий императорскому наряду. Однако эти регалии исчезают в начале XI века, что связано, скорее всего, с междоусобной войной 1015 – 1019 гг.

Сложившийся, вероятно, еще в догосударственный период убор древнерусского князя стал традиционным для Рюриковичей. Статус князя маркировался в обществе рядом устоявшихся атрибутов. Эти атрибуты оставались неизменными до начала XIV века, а в трансформированном виде – до конца XVII столетия, когда в ходе петровских реформ была разрушена древняя русская символика власти.

Традиционно головной убор древнерусских князей условно называется «шапка». В источниках информация о ней минимальна. Поэтому мы не знаем каким словом точно назывался головной убор князя. По мнению И.И.Срезневского и О.А.Брайчевской это слово «клобук»²²¹. Это, возможно, подтверждается фрагментом Ипатьевской летописи: «на отнем месте» и в «клобуце» увидел киевский посол Петр Брючиславич князя Ярослава Владимировича Галицкого.²²² Термин «шапка» встречается в новгородских берестяных грамотах и летописных текстах, но имеет отношение лишь к головным уборам простонародья.²²³ Но это не означает того, что головной убор не мог так называться, известно что до петровского времени основные элементы одежды русской знати и

²¹⁹ ПВЛ. 1019 г.

²²⁰ Высоцкий С.А. Ктиторская фреска Ярослава Мудрого в Киевской Софии // Древнерусское искусство. – М., 1988. – С.120.

²²¹ Брайчевська О.А. Вироби дрибної пластики, монети і актові печатки як джерело для вивчення чоловічих головних уборів давноруського часу// Старожитності Південної Русі. –Чернівці, 1993. – С.112 – 113.

²²² ПСРЛ., Т.2., стб.464.

²²³ Брайчевська О.А. Указ. соч. – С.113.

простонародья фактически были одинаковыми, за исключением длины наряда и его богатства.(Рис.12).

Головной убор был обязательной принадлежностью средневекового мужского костюма всех слоев общества. Это та часть одежды, которая наиболее отчетливо выражала социальный статус человека. В Древней Руси высота головного убора соответствовала положению его хозяина в обществе, сравните русскую пословицу «По Сеньке и шапка, по Фоме и колпак», а также сербскую пословицу «шапка старше человека», и украинскую «без шапки мов злодій ходить».²²⁴ Головной убор у славян мыслился как неотъемлемая часть человека наравне с волосами, ногтями и поэтому в древности шапку клали даже в гроб покойнику.

Для традиционного этикета противопоставление обнаженная голова – покрытая голова было одним из важнейших. Обнажение головы было знаком уважения, почитания. так любой мужчина, не исключая князя, должен был снимать головной убор в храме, перед иконами. На Украине этим мотивируется запрет находиться в помещении с покрытой головой при иконах: «У шапці гріх у хаті сидіть, бо боги есть»²²⁵. В исследуемый период исключение делалось лишь для князя в церемонии «посаждения на стол», но как уже было сказано выше это был т.н. ритуализированный конфликт, заключавшийся в сознательном нарушении общепринятых правил. Это подтверждают и этнографические источники. Так в XIX веке у русских, белорусов и сербов, было принято, чтобы жених оставался в меховой шапке на протяжении всей свадьбы, независимо от времени года, а у македонцев он не снимал шапку и во время венчания.²²⁶ Как известно у славян жених ритуально называется князем и во время сватовства, и на свадьбе. А в княжеском уборе это был, наверное, самый определяющий атрибут на протяжении столетий. В летописных миниатюрах, на фресках, иконах, печатях именно шапка полусферической формы, опушенная мехом, является маркирующим признаком князя.

Шапка как ритуальный головной убор ведет свое происхождение из славянской языческой древности. Фигуры в таком головном уборе изображены на Збручском идоле, он сам покрыт высокой каменной шапкой. На всех известных идолах славянского мира изображены подобные шапки, которые придают им фаллическую форму.

²²⁴ Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под редакцией Н.И. Толстого. Т.1.– М.,1995.– С.506.

²²⁵ Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной императорским Русским географическим обществом: Юго-Западный отдел. Материалы и исследования, собранные д.чл. П.П. Чубинским. – СПб., 1872 – 1878.Т.1–7. Т.1, вып.1: верования и суеверия.1872.– С.107.

²²⁶ Славянские древности. – Т.1. С.507.

Древнеславянский князь как верховный жрец мог надевать такой головной убор во время совершения ритуалов, в первую очередь, связанных с земледельческим и промысловым культом. Почитание производящих сил природы в виде фаллоса известно в разных этнокультурных традициях в разные времена (культуры доколумбовой Америки, Юго-Восточной Азии и др.), в том числе и у древних славян. Даже после принятия христианства, в некоторых регионах Руси почитали изображение фаллоса: «...чтуть срамные уды и в образ сотворены и кланяются им и требы им кладуть»²²⁷. Археологи довольно часто находят фаллические фигурки на территории заселенной когда-то славянами. Так севернее Берлина была найдена фигура с отверстием для введения мужского члена. Найденный в Лещице под Лодзем, фаллос, вырезанный из дуба, снабжен человеческим лицом²²⁸ (рис.14). Как древние славяне представляли себе действие этих богов, мы не знаем, но все же верным является то, что они находились в тесной связи с культом плодородия. Вождь-жрец в языческом мировоззрении мог оказывать влияние на природные стихии. Его физическое здоровье и сексуальная потенция напрямую отождествлялись с потенцией природы, благополучием племени и хорошим урожаем. Утрата вождем физического здоровья и потенции грозила гибелью всему племени²²⁹. Вероятно, что в конце IX – X веке славянскую ритуальную шапку приняли как атрибут власти Рюриковичи, после того как были уничтожены местные княжеские династии.

Княжеская шапка покрывалась яркой тканью обычно красного, желтого или синего цвета, а по краю обшивалась темным или светлым мехом. Спереди иногда нашивалась иконка изображением святого покровителя. Так в кургане XII века в Дорогобужском районе Смоленской области был найден прямо на черепе, обломок золотой пластины в виде киотца с эмалевым изображением архангела²³⁰. Вероятно, это княжеское захоронение, а пластина являлась накладкой на шапке, которая не сохранилась.

Шапку носил княжич уже в детстве. Об этом свидетельствует одно из самых ранних изображений княжеской семьи на миниатюре в «Изборнике» Святослава 1073 года. Юные сыновья великого князя Святослава Ярославича (1073 – 1076 гг.) изображены в шапках, лишь синим цветом отличающихся от желтой шапки отца (рис.18). По версии

²²⁷ Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. – Харьков, 1916. Т.2.– С.40.

²²⁸ Herrmann Y. Zwischen Hradschin und Vineta. – Leipzig, 1971. – P.210-211.

²²⁹ См. историко-этнографический обзор в: Фрэзер Д. Золотая ветвь. С.254 – 260.

²³⁰ Бочаров Г.Н. Художественный металл Древней Руси. – М., 1984.– С.62.

А.В. Арциховского, шапка полагалась князю только после получения удела²³¹. Но как мы видим это не так, еще не имеющие удела сыновья князя Святослава имеют шапки. Вероятнее всего шапку маленький княжич получал во время инициационного ритуала «посаждения на коня», который совершался над ним еще в 3-х – 5-ти-летнем возрасте.

Функциональное назначение княжеской шапки как атрибута власти ярко отражают миниатюры Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи XV века (рис.2,3,4,5). Большинство ее миниатюр восходят, как доказано, к Владимирскому своду начала XIII века.

Шапка лежащая у ног князя на миниатюре изображающей сражение, означает его пленение и разгром войска. Миниатюра, иллюстрирующая событие под 6709 (1201) годом, изображает сцену въезда Ярослава Всеволодича в Переяславль Русский. У городских ворот его встречает народ во главе с тремя князьями, один из которых приветствует въезжающего Ярослава, стоя в шапке, другой в приветствии приподнимает ее, а третий уничижительно положив шапку на землю, склоняется в земном поклоне. На миниатюре отражены феодальные отношения уже широко развившиеся в то время. Трое князей – вассалы великого князя Владимирского Всеволода Юрьевича, которые встречают его 11-летнего сына Ярослава. Снятие и преподнесение шапок являлось выражением покорности и вассальной зависимости, как в западной Европе вложение рук в руки сюзерена.

На ряде миниатюр шапку князю преподносят горожане у ворот города. Это происходило, если князь призывался городским вечем на княжение. После этого власть князя принимала легитимный характер.

Шапка является неотъемлемым атрибутом князя на иконах и печатях (рис.20, 10). Первые русские святые – князья Борис (Роман) и Глеб (Давид) непременно изображались в шапках. Иконографический канон святых князей-страстотерпцев сложился, вероятно, уже в первые десятилетия после их гибели. Наиболее ранней является каменная иконка святого Глеба, найденная на Тамани, на территории Тьмутараканского княжества и датированная 1067 – 1068 гг. На ней князь изображен в шапке, корзне, в долгополой одежде, с мечом в руке. Обязательное, в источниках, изображение князя именно в шапке, свидетельствует о постоянном ее ношении князем. В ней князья представлены в сценах пиров и переговоров, в ней они вершат суд и сражаются, князей даже хоронили в шапке. Скорее всего, князь мог не снимать ее и в храме, сидя на престоле. Кроме шапки князья могли носить головной убор византийской знати – калиптру (рис.30)..

²³¹ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник.– М.,1944.– С.77.

Поздним подражанием домонгольской княжеской шапке является известная «Шапка Мономаха», которая в своей основе, без навершия с крестом, повторяет древний оригинал.

Шапка как атрибут власти Рюриковичей пережила саму княжескую династию, царские венцы Романовых в допетровское время сохраняют в своей основе форму древней княжеской шапки.

Не менее важным и знаковым атрибутом власти, чем шапка, в Древней Руси домонгольского периода был княжеский плащ – корзно.

«**Корзно**», (рис.9,10,12,18 и др.) древнерусское – «кързно», «коръзно», «кръзно», «корзно». Болгарское – «кръзно»; сербохорватское – «крзно» – «мех»; словенское – «krzno» – «мех, шкура»; чешское – «krzno» – «полушубок». Из славянского заимствовано древневерхненемецким – «kurzina» – «меховой кафтан». Возможно славянское заимствование из восточных языков, сравните согдийское – «k'r'z'k'h» – «мех»; осетинское – «каегс» – «мех»²³².

Этимология ясно указывает на происхождение данного атрибута власти. Шкура животного покрывала плечи вождей и шаманов практически у всех социумов на определенном отрезке пути развития. Это отражало не только магическую связь с тотемом, но и определенную власть над ним. Славянский князь, будучи еще и жрецом, несомненно носил плащ – накидку из шкуры тотемного животного, для того чтобы иметь непосредственную связь с духами хранителями племени. Этнографические примеры данному факту очень часто встречаются у разных народов.

Допустимо предположить, что древнейшие корзна это шкуры медведей, почитание которых существовало в славянском мире, но конечно никак не волка, с которым связывались идеи об оборотнях и других злых силах. Кроме того, волком образно назывался человек преступивший обычай. «Аще ся въводит волк в овце, то выносить все стадо, аще не убьют его»²³³.

Можно предположить в пределах гипотезы и также исходя из этимологии данного термина, что родина корзна, именно как регалии власти – Восток, возможно, что аварский или хазарский каган вручал их вождям покоренных славянских племен как знак власти, с одной стороны и вассальной зависимости, с другой.

Корзно древнерусского князя упоминается в письменных источниках намного чаще, чем шапка. Кроме того, есть ряд изображений корзна на миниатюрах, иконах,

²³² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1976. Т.2.

²³³ Так образно говорили древляне об идущем за повторной данью князе Игоре. ПВЛ.945 г.

фресках, печатях. Оно представляло собой трапециевидный кусок материи подбитой мехом, который накидывался на плечи и застегивался фибулой на плече или груди. Это был довольно длинный плащ, до середины голени или щиколоток. Как правило, для него использовали дорогую, привозную, яркую материю. При вскрытии гробницы Андрея Боголюбского (умер в 1174 г.) в Успенском соборе Владимира, с его останков сняты фрагменты ткани произведенной в Испании. Она была темно-красного цвета с вышитыми золотом львами и птицами²³⁴. Возможно, это тот самый княжеский плащ, о котором говорит летописец: «И тако положивы и (князя Андрея Юрьевича – Р.Н.) в притворе у божницы прикрывы и корзьном и лежа ту 2 дни»²³⁵.

Существовал особый тип корзна, когда по полю ткани шел орнамент в виде одноглавых орлов в кругах. В таком плаще изображен Ярослав Мудрый на реконструкции, несохранившейся в подлиннике, ктиторской фрески в Софии Киевской²³⁶, а также Ярослав Всеволодич также на ктиторской фреске в новгородской церкви Спаса-на-Нередице, разрушенной фашистами, и восстановленной несколько лет назад (рис.9,10). «Одежды украшенные такой орнаментацией в Византии носили название «орлы» и входили в число парадных украшений императорского двора»²³⁷. Вполне вероятно, что византийские императоры преподносили «орлов» в подарок русским князьям, как всегда, за какие-нибудь услуги. Князья носили их в исключительно торжественных случаях, таких, например, как закладка или освящение храма, на стенах которого они будут изображены художниками.

В отличие от шапки, корзно имел право носить лишь тот князь, который имел свой удел и прошедший ритуал «посаждения на стол». Так на упомянутом выше семейном портрете из «Изборника», только великий князь Святослав Ярославич одет в корзно синего цвета с красной каймой, а его сыновья не имеют еще этой регалии власти (рис.18).

Никакой другой человек кроме князя-Рюриковича не имел права носить корзно. Во всех источниках корзно соотносится исключительно с князем. И только в ПВЛ под 1015 годом один эпизод нарушает это правило: «Стополк же оканный нача княжити Кыеве созвав люди нача даяти овем корзна, а други кунами и роздал множество». Это эмоциональное и осуждающее замечание летописца отражает естественное негативное отношение к Святополку Окаянному, не только как к братоубийце, но и как к нарушителю традиции: нельзя раздавать корзна простолюдинам! Летописец как не странно фактически

²³⁴ Фехнер М.В. Ткань с изображением львов и птиц из великокняжеской гробницы во Владимире // Новое в археологии. – М., 1983. – С.199 – 201.

²³⁵ ПСРЛ. Т.2. 1175 г.

²³⁶ Высоцкий С.А. Ктиторская фреска...С.130.

²³⁷ Там же. С.121.

приравнял корзна и деньги (куны). Но если вспомнить легенду на монетах того времени «Владимир (или Святополк, или Ярослав) на столе, а се *его* серебро», то все становится понятно: и деньги, и регалии, это неотъемлемая собственность и атрибут князя.

В 1994 году в Новгороде была найдена уникальная, свинцовая печать, принадлежащая Ярославу Мудрому и датированная 1019 годом. На ней имеется единственное пока портретное изображение этого князя. Ярослав изображен в высоком коническом шлеме и корзне, застегнутом фибулой на правом плече²³⁸. Таким образом, корзно имело определяющий, официальный характер, выполняло не только утилитарную, но в первую очередь, знаковую функцию маркировки социального и политического статуса.

Вероятно, что корзно имело и некий охранительный характер, создавая вокруг себя определенную атмосферу табу. Лаврентьевская летопись сообщает о том, как толпа киевлян схватила князя Игоря Ольговича и вела его на расправу. По пути они встретили, ехавшего верхом, князя Владимира Мстиславича: «...и соскочи Володимир с коня и покры и (князя Игоря – Р.Н.) корзнонь, река кыянам: «Братья моя не можете створити зла, не убиите Игоря». И доведе и Володимир до ворот»²³⁹.

Корзно было и знаком власти и символом благородного происхождения. Об этом свидетельствует сообщение летописца о гибели князя Михаила Черниговского в Орде: «Тогда снем коць (корзно-Р.Н.) свои, верже к ним (татарам-Р.Н.), глаголя им: «Приимите славу света сего, аще ся вам его хочеть»»²⁴⁰.

Плащ-корзно выполнял функцию атрибута власти не далее чем до второй половины XIII века. В конце этого столетия ему на смену пришел «кожух» – верхняя, парадная, теплая одежда²⁴¹. Корзно с середины XIII века не упоминается в источниках. И хотя позже существовали плащи, но они не выполняли таких функций как корзно, они в основном отражали сословную принадлежность носителя. Исчезновение корзна как атрибута власти связано, вероятно, с новой социально-политической обстановкой на Руси сложившейся после монголо-татарского нашествия.

Привилегией русской аристократии в рассматриваемый период было ношение длинных одежд. «Короткая рубаха простонародья резко отличалась от долгополых одежд знати»²⁴². Подтверждением тому служат десятки летописных миниатюр, фресок и других

²³⁸ Янін В.Л. Дві давньоруські висячі печатки початку XI ст. // Історія Русі – України. – Київ, 1998. – С.251 – 262.

²³⁹ ПСРЛ. Т.1.1147 г

²⁴⁰ НПЛ. 1245 г.

²⁴¹ Очерки русской культуры XIII – XV вв. – М., 1969. – Ч.1. С.288.

²⁴² Там же. – С.277.

изображений в источниках. Князья на всех исключительно изображениях представлены в длинных одеждах. Долгополый хитон, по полу, рукавам, вороту вышитый для оберегания от нечистой силы. Вокруг ворота золотом вышивалось оплечье, которое было заимствовано из Византии, где оно носило название «маниакий». Золотое оплечье появляется не ранее XII века и становится знаковым атрибутом княжеской власти. Так перед Липицкой битвой в 1216 году князь Ярослав Всеволодич, обращаясь к воинам, говорил: «Акще и златомъ шито оплечье будетъ, убий!»²⁴³. Как известно, в междоусобных войнах князей практически не убивали, и Ярослав сознательно идет на нарушение сложившейся традиции. Но именно этот летописный сюжет позволяет нам определить золотое оплечье как один из знаковых элементов княжеского наряда.

В одежде князей, да и всех русских того времени, по новгородским археологическим исследованиям, преобладал красный цвет (262 находки), черный (40), желтый (20), зеленый (13) синий и белый (по 1)²⁴⁴. Конечно, княжеская одежда отличалась ценой и качеством ткани, как правило, привозной.

Обязательной деталью княжеского наряда был широкий пояс, к которому крепился меч. Как и в других европейских государствах средневековья, на Руси он был особым знаком благородного происхождения. Считается, что военный пояс с накладками был заимствован в эпоху этнокультурных контактов у алан славянами, а у тех, русами²⁴⁵. Княжеский пояс украшался золотыми или серебряными бляшками и стоил достаточно дорого. И, кроме того, он был семейной реликвией, передаваемой по наследству от отца к сыну, что делало его еще дороже. С ним расставались в исключительных случаях. Так, во время тяжелой болезни, волынский князь Владимир Василькович «розда убогим имение свое, все золото и серебро, и камение дорогое, и поясы золотые отца своего и серебряные»²⁴⁶. Отношение к поясу, как к символу воинской чести и знатности, сохранялось на протяжении последующих XIV–XV вв. Об этом свидетельствует случай, ставший поводом к феодальной войне в Московском государстве второй четверти XV века: в 1433 году великая княгиня Московская Софья Витовтовна, на свадьбе своего сына, сорвала с князя Василия Косого, якобы украденный когда-то драгоценный пояс. Это было неслыханное оскорбление мужской и княжеской чести²⁴⁷, которое даже послужило поводом к междоусобной войне.

²⁴³ Приселков М.Д. Троицкая летопись.— М.—Л., 1950., 1216 г.

²⁴⁴ Очерки русской культуры...С.282.

²⁴⁵ Шинаков Е.А. От пращи...С.127.

²⁴⁶ ПСРЛ. Т.2. 1288 г.

²⁴⁷ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Калуга, 1993.—Т.5.— С.104.

Позволить себе носить сапоги в Древней Руси мог только состоятельный человек – князь, дружинник, купец. Археологические находки этой обуви найдены в Новгороде. В слое X–XI века сапоги очень редки, в слое XII века встречаются более часто, в слое XIII века становятся обычны²⁴⁸. Сапоги шились без каблуков, которые появились только в XIV веке, с голенищем высотой 22–27 см. Княжеские сапоги были сделаны из цветной кожи, чаще всего красного цвета, украшались шитьем и драгоценными накладками.

В качестве яркой иллюстрации приведем летописное описание княжеского наряда середины XIII века: «И выехал Даниил (Галицкий – Р.Н.) к нему на помощь, и достиг Пожига. Выехал же король навстречу Даниилу князю. Даниил же прибыл к нему с полком своим...сам же князь ехал возле короля по обычаю русскому. И был конь под ним удивления достоин, а седло цвета золота жженного, стрелы и сабля золотом украшены и иными хитrostями всем на удивление. А шуба из пурпурной ткани греческой («кожухъ же оловира грецкого»), и кружевами золотыми плоскими обшита. А сапоги из зеленой кожи шитой золотом. И немцы, узнав все это, немало дивились, король же сказал ему: «И тысячи серебром не жаль отдать, лишь бы раз увидеть тебя, как ты приехал к нам обычаем русским отцов своих»²⁴⁹.

Одежда князей Древней Руси это не только предметы материальной культуры прошлого, не только часть этой культуры, но и явление, тесно связанное с духовной жизнью и идеологией. «Одежда людей средневековья ясно указывала на их сословную принадлежность».²⁵⁰ Кроме того, в ней «обычно сочетаются несколько функций при преобладании одних и ослаблении других».²⁵¹ Княжеская одежда, кроме обычных для того времени – охранительной, половозрастной, социальной и этноидентификационной функций, играла еще и немалую знаково-символическую роль.

Особо торжественный церемониальный комплекс княжеских инсигний XII – первой половины XIII века составляют драгоценные регалии. К ним относятся венцы (диадемы), бармы (ожерелья (?)), наперсные кресты. Их находили в составе целого ряда кладов, найденных на территории Киевщины и древней Рязани начиная с 1822 г.

Принадлежность их древнерусским князьям оспаривается некоторыми исследователями. Так, по мнению Б.А. Рыбакова венцы и диадемы принадлежали не князьям, а княгиням. Они завершали своеобразный кокошник, «венец городчатый»²⁵². Он

²⁴⁸ Очерки русской культуры... С.285.

²⁴⁹ ПСРЛ. Т.2. 1252 г.

²⁵⁰ Дубровский А.М. Российская средневековая цивилизация. Брянск,–1994.– С.45.

²⁵¹ Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – нач.XX в. – М.,1984.– С.3.

²⁵² Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси.– М.,1988.– С.562–564, 600.

аргументирует это тем, что среди всех 110 кладов, зарегистрированных до 1954 г. нет ни одного, с достоверно мужскими вещами...нет ни мечей, ни шлемов, ни пряжек от поясов²⁵³. Утверждение Б.А. Рыбакова можно принять, добавив «нет кладов с достоверно мужскими вещами...военного назначения». Учитывая то, что клады с такими вещами зарывались во время войн, то, как бы князь, спрятав в клад все свое военное снаряжение, руководил дружиной и сражался.

Прямо противоположного мнения придерживается П.П. Толочко, он доказывает, что венцы и бармы входили в парадный убор русских князей: «утверждение, что диадемы...были принадлежностью женского убора, не имеет под собой никаких оснований...Это корона древнерусских князей...Было бы странно, если бы диадема (сахновская – Р.Н.) с подобными символами принадлежала женщине»²⁵⁴.

Таким образом, русские князья, частично заимствовав из Византии обряд венчания на царство, создали для себя соответствующий комплекс регалий. Восходя к греческим изделиям XI века, русские княжеские инсигнии впоследствии почти не подвергались изменениям²⁵⁵.

Венец (диадема) был древнерусской княжеской короной. В настоящее время известны два полностью сохранившихся венца и еще 9 фрагментов. Все они относятся к XII – нач.XIII в.

Основу княжеских венцов составляют 7 килевидных киотцев и 2 трапециевидных бляшки по бокам. Элементы венца соединяются с помощью шнура, пропускаемого через боковые отверстия киотцев и бляшек в единую, сверкающую золотом и эмалями ленту, длиной 33–35 см. Киотцы украшены жемчугом и маленькими подвесками из золота и жемчуга.

Первый венец из клада найденного в 1900 г. у с. Сахновка, Каневского уезда, Киевской губернии²⁵⁶ (рис19-б). На его центральном киотце изображена сцена «полета Александра Македонского на небо». Это сюжет из сочинения античного писателя Псевдо-Каллисфена, известного в славянском переводе под названием «Александрия». Именно этот сюжет символически показывает апофеоз правителя (см. приложение 3). И нужно признать, что средневековая политическая идеология, использовавшая данную тему, должна считаться очень развитой. Изображенный в царской одежде и короне, Александр, сидит на двух грифах и держит в руках предметы, похожие на византийский

²⁵³ Там же.– С.564.

²⁵⁴ Толочко П.П. Про приналежність і функціональне призначення діадем і барм в Древній Русі // Археологія. Київ, 1963.–Т.XV.– С.153–154.

²⁵⁵ Бочаров Г.Н. Художественный металл...С.66.

²⁵⁶ Бочаров Г.Н. Художественный металл...С.69

императорский лабарум. Этот сюжет, олицетворявший могущество земного владыки известен во многих регионах византийской ойкумены: в прикладном искусстве Венеции нач. XII века²⁵⁷, в росписях плафона Палатинской капеллы XII века в Палермо на Сицилии²⁵⁸, на медной чаше 1114 г. из Инсбрука²⁵⁹, в каменной резьбе Дмитровского собора во Владимире²⁶⁰. Похожая диадема была найдена в древней болгарской столице г. Преславе и датирована IX-X вв (рис.19-а). Популярность сюжета говорит о его особой значимости в культуре средневековья. Данный сюжет должен был наглядно выражать апофеоз правителя, его политическую мощь и связь с высшими силами недоступными простым смертным. По мнению Г.Н. Бочарова сцена «полета» отражает еще тот период, когда при дворе киевского князя преобладали изделия светского характера»²⁶¹.

Второй венец найден в 1899 г. в Киеве в составе клада зарытого около 1235 года и вероятно он принадлежал великому князю киевскому Михаилу Всеволодичу (в кладе был золотой перстень с изображением Архангела Михаила)²⁶² (рис.19-в). Этот венец также состоит из 7 пластин. На них изображен иконографический чин деисуса (от греч. «деисис» – «моление»), в нем наиболее полно выражена идея заступничества святых за человека перед Богом. В центральном киотце – Христос, к Нему в молении обращены на других киотцах – Богородица и Иоанн Креститель, Архангелы Гавриил и Михаил, Апостолы Петр и Павел. Киотцы так же скреплены шнуром через боковые отверстия.

Наиболее близкой аналогией этому венцу является так называемая «корона Константина Мономаха», принадлежавшая когда-то венгерскому королю Гейзе I, из Будапештского музея. Она также состоит из 7 пластин, соединявшихся тем же способом²⁶³.

Как видим, изображения на втором княжеском венце имеют сугубо церковную, христианскую семантику. Композиция «деисуса» на протяжении веков была очень популярна на Руси. Второй ряд православного иконостаса это деисусный ряд. И даже в наши дни согласно православному обряду погребения, священник возлагает на голову покойнику бумажный венчик, также с изображением «деисуса».

²⁵⁷ Там же.– С.45.

²⁵⁸ Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории...С.178–179.

²⁵⁹ Бочаров Г.Н. Русские сюжетно-орнаментальные изделия с перегородчатой эмалью// Средневековое искусство. Русь. Грузия. М.– 1978.– С.240 – 241.

²⁶⁰ Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв.–Л.,1982.

²⁶¹ Бочаров Г.Н. Художественный металл...С.49.

²⁶² Там же.– С.65.

²⁶³ Там же.– С.49.

По реконструкции П.П. Толочко, венец носился на меховом околыше княжеской шапки²⁶⁴. По нашему же мнению, скорее всего, венец располагался над мехом, это было удобней и не позволяло ему съезжать (Рис.8). Не исключено и то, что венец в виде золотой ленты охватывал голову и завязывался на затылке.

В конце XII века к венцам стали привешивать, заимствованные из византийского императорского наряда, особые подвески – перпендулии. Они изображены на печати князя Давида Ростиславича (ум. в 1197 г.) (рис.20). В Византии перпендулии представляли собой жемчужные подвески: «...с каждой стороны (диадемы-Р.Н.) у висков, слегка касаясь щек, свисали цепочки из жемчуга и драгоценных камней», так описывает императорскую корону принцесса Анна Комнина²⁶⁵. По аргументированному мнению Р.С. Орлова, в качестве таких подвесок на Руси использовались рясны с колтами²⁶⁶. Кстати, золотые рясны и колты входили в состав и Сахновского и Киевского клада. Массивные колты из рязанского клада, весом около 400 г вряд ли могла носить женщина. Кроме того, на них изображены св. Борис и Глеб, традиционные покровители князей. Интересный золотой колт с эмалью происходит из Киевского клада. На нем изображен человек в короне, похожей на древнерусский венец²⁶⁷. В похожем венце изображали русские иконописцы царя Соломона. В подобном же венце изображен венецианский дож на эмалевых пластинах 1102 – 1108 гг. из Pala d'oro собора Сан Марко в Венеции²⁶⁸.

Допустимо предположить, что атрибуция рясин и колтов как женских украшений, неверна. Исходя из приведенных выше аргументов, мы можем считать их элементами княжеского церемониального убора.

Другой не менее важной регалией княжеской власти были **бармы** (рис.1). Название заимствовано из древне-шведского «barm» – «грудь»²⁶⁹, либо из древне-исландского «barmr» – «край, берег». В русских источниках это слово появляется лишь в начале XIV века. В домонгольское время этот атрибут княжеской власти имел другое название – «ожерелье»: «Изрони жемчюжну душу из храбра тела чрез злато ожерелье»²⁷⁰ (о князе Изяславе Васильковиче – Р.Н.). В «Сказании о князьях владимирских» (20-30-е гг.

²⁶⁴ Толочко П.П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII-XIII вв. Киев, 1980. – С.94.

²⁶⁵ Анна Комнина. Алексиада. – М., 1965. – С.286.

²⁶⁶ Орлов Р.С. Язычество... С.109.

²⁶⁷ Бочаров Г.Н. Русские сюжетно-орнаментальные изделия... С.240 – 241.

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ Корзухина Г.Ф. Русские клады IX-XIII вв. – М.–Л., 1954. – С.56.

²⁷⁰ Слово о полку Игореве.

XVI в) автор пишет о том, как Константин Мономах отправляет князю Владимиру Всеволодичу царские регалии: «посылает же и *ожерелие*, сиречь святыя *бармы*...»²⁷¹.

В настоящее время известно 16 артефактов, которые можно считать бармами²⁷². Они датируются XII – первой половиной XIII века. Традиционно бармы состоят из 3 – 6 медальонов располагающихся на нити бус. В Сахновском кладе, кроме венца были и бармы (4 медальона), то есть полный церемониальный убор князя.

Бармы были как золотыми, так и серебряными. Исполнялись в технике перегородчатой эмали, скани, зерни, чернения по серебру. Изображения на медальонах были глубоко связаны с христианской символикой: святые-патроны, «деисус», расцветшие кресты. Бармы одевались по торжественным случаям на шитое золотом оплечье хитона.

Золотые бармы, украшенные драгоценными камнями, весом и ценой в несколько гривен могли принадлежать лишь великим князьям – «старейшинам в Русской земле». А серебряные были регалией «молодших» князей-вассалов. На Руси была не только сеньориально-вассальная иерархия, но и соответствующая ей иерархия атрибутов власти.

В XII веке обязательной принадлежностью княжеского убора, передаваемой по наследству, были кресты-мощевики в виде квадрифолия, носившиеся на цепи поверх барм²⁷³. В домонгольское время кресты и другие драгоценные регалии входили в состав княжеской «гривной утвари». Обычай ношения больших наперсных крестов русскими князьями, Н.П.Кондаков объяснял византийской традицией «Придворного устава» Константина VII Багрянородного, согласно которому, в день святого Илии, император жаловал высшим придворным чинам серебряные кресты²⁷⁴.

Обычай ношения наперсного креста прижился и в княжеской среде Древней Руси. «Нагрудные кресты и иконы были обязательной принадлежностью княжеского убора»²⁷⁵. Киевский князь Ростислав Мстиславич после смерти своего старшего брата Изяслава, раздал все его имение по церквям не оставив себе ничего кроме отцовского креста: «...взя на благословение себе»²⁷⁶. О рязанских князьях «Повесть о разорении Рязани Батыем» говорит, что они «государьский санъ держа...и кресты на раме своемъ

²⁷¹ Сказание о князьях владимирских. // Древняя русская литература. Хрестоматия. – М., 1980. – С.182.

²⁷² Бочаров Г.Н. Художественный металл... С.66.

²⁷³ Николаева Т.В. Предметы княжеского убора XIV в// Памятники культуры. М.,–1976.– С.94.

²⁷⁴ Там же.– С.96.

²⁷⁵ Николаева Т.В. Рязанская икона с изображением Пантократора и Никиты с бесом//Древняя Русь и славяне.– М., 1978. – С. 388.

²⁷⁶ ПСРЛ. Т.1. 1154 г.

носяща»²⁷⁷. Наперсный крест, бывший в Византии регалией императорской власти²⁷⁸, с XII века становится неотъемлемым атрибутом парадного убора русского князя. И он останется таковым, вплоть до петровской эпохи.

Таким образом, венец, бармы и наперсный крест составили с начала XII века комплекс церемониальных инсигний русского князя – так называемую «гривную утварь» (рис.8). Эти регалии власти фактически не зафиксированы письменными источниками. Мы можем исследовать лишь археологические артефакты, а поэтому и возникает такое количество спорных точек зрения в отношении их атрибуции и семантики. Их существование было прервано монголо-татарским нашествием, которое круто изменило всю русскую историю, менталитет русского человека, его отношение к власти и отношение власти к нему.

Глава IV

Эволюция древнерусской княжеской титулатуры, политического ритуала и воинской символики

Титулы относятся к важнейшим атрибутам власти и в древности, и в средние века. Они отражают политическую идеологию, религиозные идеи о власти, определяют реальные и желаемые размеры подвластной территории, функции правителя и уровень концентрации власти в его руках. Титул в эпоху средневековья, это и реальность и декларация. С нашей точки зрения титулатуру можно отнести к отдельному предмету исторического исследования, пусть даже в пределах вспомогательных исторических дисциплин.

Титул *«кѣнязь»* является древнейшим праславянским титулом. Он известен во всех славянских языках. Праславянское слово *«kъnedъzъ»* заимствовано из прагерманского *«kuningaz»*, от *«kuni»* – «род» и родственно скандинавскому *«konungr»*²⁷⁹. В словацком, польском, верхне-лужицком языках, слово «князь» имеет значение «священник», что указывает на наличие у славянских вождей жреческих функций²⁸⁰.

Первый известный титул, о котором можно вести речь, это «князь русский». Впервые он используется в договорах Руси с Византией 911 г. и 945 г. с прилагательным

²⁷⁷ Повесть о разорении Рязани Батыем в 1237 г.// Древняя русская литература. Хрестоматия. – М., 1980.– С.116.

²⁷⁸ Сказание о венчании на царство русских царей и императоров. Под ред. Пятницкого П.П. М.,–1896.– С.2.

²⁷⁹ Фасмер М. Этимологический словарь...Т.2.– С.266.

²⁸⁰ Там же.

«великий», по отношению соответственно к Олегу и Игорю. Также упоминаются в договоре 911 г. некие «великие и светлые князи», а в договоре 945 г. «всякое княжье». Это еще сохраняющиеся славянские племенные князья, поэтому к ним и не употребляется политоним «русский», который в X веке употребляется лишь по отношению к киевскому князю.

На печати, найденной в 1994 году, и принадлежавшей Ярославу Мудрому есть надпись, подтверждающая выше приведенное утверждение: «Ярослав князь русский»²⁸¹. Научно доказано, что «русью» назывались дружины первых русских князей, состоявшие по преимуществу из норманнов; с этими дружинами название «русь» распространилось на подвластную этим князьям территорию...и ее население, в основном восточных славян²⁸². Само слово «русь» произошло от «*ruotsi*», так финноязычные народы называют Швецию, а это в свою очередь, восходит к др.-сканд. словам с основой на «*rots*», со значением «гребец, участник похода на гребных судах»²⁸³.

Произведя историческую реконструкцию, мы можем расшифровать семантику титула «князь русский». Выглядеть это будет так: «*вождь* (предводитель) *дружины* (первоначально-гребного флота)». А это есть ни что иное, как калька с древнего норманнского титула «*herkonungr*» – «вождь рати», «господин флота ледунга»²⁸⁴. В дружинном государстве, где война была непременным условием существования и способом производства материальных благ, укрепление в практике такого титула было естественным. А в последующие века он становится основным, потеряв при этом свое первоначальное значение.

Вступая в международные отношения и связи, русские князья нуждались в более известных на западе и востоке титулах. Этого требовало и новое внутривластное положение: Вещий Олег занял Киев, находившийся в юрисдикции Хазарского государства, покорены славянские племена и киевский князь стал преемником хазарской дани. И в представлении полян, северян и вятичей русский князь стал каганом, то есть вождем вождей. Полностью этот титул закрепился после разгрома Хазарии Святославом Игоревичем в 965 г. Власть Киевского властителя обрела совсем иной политический статус.

«Каган», др.-тюрк. – «*kaγan*», монг. – «*kagan*», традиционный тюркский титул заимствованный из китайского «*ke*» – «великий» + «*kuan*» – «правитель»²⁸⁵. У тюрков VI –

²⁸¹ Янін В.Л. Дві давньоруськи печатки... С.253.

²⁸² Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории... С.84.

²⁸³ Там же. – С.51.

²⁸⁴ Palme S.U. Stand och Klasser i forma dagars Sverige. –Stokholm.–1947.–S.5.

²⁸⁵ Фасмер М. Этимологический словарь... Т.2. – С.155.

X вв., исконных носителей этого титула, он означал верховного правителя. Арабский ученый Ал-Хваризми объясняет титул «хакан», как «вождь вождей», «глава глав» (арабск. «раис-ар-руса») ²⁸⁶.

Все ранние мусульманские авторы называют русского правителя исключительно хаканом (каганом). Ибн Русте (нач. X в.): «И упомянутый глава (русов – Р.Н.) которого они называют «главой глав»» ²⁸⁷. В анонимном сочинении «Худуд ал-алам» (втор. пол. X в.) говорится: «...царя их (русов – Р.Н.) зовут хакан русов» ²⁸⁸. В сочинении Гардизи «Зайн ах-ахбар» (XI в.) говорится: «И есть у них царь называемый хакан-е рус» ²⁸⁹. Таким образом, в арабских источниках ранней традиции правитель Руси не просто царь (малик, падшах) как у болгар, грузин и пр., но он носит более высокий по средневековым меркам титул каган. Он приравнивается к европейскому титулу император.

Владимир Святой, в историософском и богословском «Слове о законе и благодати» митрополита киевского «русина» Илариона, назван «великим каганом нашей земли» ²⁹⁰. Ярослав Мудрый там же именуется «благодарным каганом» ²⁹¹. Граффити из Софии Киевской содержит надпись: «Спаси Господи кагана нашего С...» (Святослава Ярославича – Р.Н.) ²⁹². Этим же титулом один раз в XII веке ретроспективно назван Олег Святославич князь Тмутараканский и Черниговский в «Слове о полку Игореве». О том, что русские правители именовались князьями, свидетельствует и «Житие Константина» написанное в конце IX века, где не только хазарский правитель, но и также и русский именуется каганом, тогда как там же князь Ростислав моравский и князь Коцел паннонский именуются князьями ²⁹³.

Таким образом, мы можем утверждать, что титул «каган» в конце X – XI веке широко употреблялся на Руси по отношению к великому князю киевскому. Он использовался разными кругами общества, и в панегирических трактатах и простыми обывателями в разговоре. Титул «каган» вышел из употребления в конце XI века, когда полностью исчез хазарский фактор в русской политической жизни, и сменилась внутривнутриполитическая обстановка – наступала эпоха феодальной раздробленности.

²⁸⁶ Новосельцев А.П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя// Вопросы истории.–1982., №4.– С.152.

²⁸⁷ Материалы по истории СССР.– Вып.1. М.,1985.– С.294.

²⁸⁸ Древнерусское государство и его международное значение.– М.,1965. – С.399.

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ Иларион. Слово о законе и благодати// Гудзий Н.К. Хрестоматия по древнерусской литературе.– М.,1973.– С.171.

²⁹¹ Там же.

²⁹² Высоцкий С.А. Средневековые надписи Софии Киевской.– Киев, 1976.– С.44

²⁹³ Львов А.С. Лексика ПВЛ. – М.,1975.– С.199.

Титулатура, использовавшаяся в русско-византийских отношениях, имела свои особенности. Византийская дипломатия отводила титулатуре иностранных правителей немаловажное значение²⁹⁴. В трактате «О церемониях» Константин VII Багрянородный определил форму официального обращения к русскому князю: «Грамота Константина и Романа, христолубивых императоров римских, к архонту Руси»²⁹⁵. В международной иерархии венчаемой императором Византии, формула которой представлена в трактате Константина VII «Об управлении империей» (сер. X в.), русский князь находится на последней ступени, вместе с князем Венгрии, хазарским и печенежским каганами²⁹⁶. Это объясняется тем, что все они были еще язычниками. Посольство княгини Ольги в Царьград (либо в 946, либо в 957 гг) изменило отношение империи к правителю Руси. Согласно ПВЛ, император даровал русской княгине звание «дочери», не в духовном, как крестнице, смысле, а в политическом. Произошло это на прощальной аудиенции: «И отпусти ю, нарек ю дочерью собе»²⁹⁷. Тем самым русский князь с последнего места перешел сразу на второе. «Удочерение-усыновление» практиковалось в Византии с определенными политическими целями. Так император Михаил III (842 – 867 гг.) «усыновил» болгарского царя Бориса-Михаила, чтобы заполучить болгар себе в союзники²⁹⁸. Это был своеобразный взаимовыгодный обмен: честолюбивые правители молодых, пассионарных государств нуждались в международном признании и престиже, а слабеющая под натиском врагов империя искала союзников.

Особый интерес вызывает царский титул, употребляемый в ряде источников к некоторым русским князьям. В граффити из Софии Киевской титул «царь» («цесарь») применен к Ярославу Мудрому: «Въ лето 6562 (1054 г.-Р.Н.) месяца феввари в 20, успение цря нашего»²⁹⁹. А в летописном сообщении о том же событии говорится: «Въ лето 6562...преставися князь руский Ярославъ»³⁰⁰. Официальным, нужно считать титул в летописи, так как аналогичный ему есть на печати Ярослава. А царский титул использован, скорее всего, из комплиментарных соображений.

Часто мелькает царский титул на страницах летописи в XII веке. Он применен к следующим князьям: Изяславу Мстиславичу (1151 г.), Андрею Боголюбскому (1169 г.),

²⁹⁴ Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси.— М.,1980.— С.279.

²⁹⁵ Там же.— С.178.

²⁹⁶ Медведев И.П. Империя и суверенитет в средние века// Проблемы истории международных отношений. Сборник статей памяти акад. Е.В.Тарле.— Л.,1972.— С.417.

²⁹⁷ ПВЛ. 957 г.

²⁹⁸ Сахаров А.Н. Дипломатия...С.278.

²⁹⁹ Высоцкий С.А. Средневековые надписи...С.77.

³⁰⁰ ПВЛ. 1054 г.

Рюрику Ростиславичу (1198 г.), Роману Мстиславичу (1204 г.)³⁰¹. Самодержцем, самовластцем назван в летописи Ярослав Мудрый, но это, скорее всего, не калька с греческого «автократор», а указание на то, что после смерти своего брата Мстислава Ярослав стал единственным полновластным великим князем в Русской земле.

По мнению А.П. Толочко царский титул ряда русских князей, факт не политики, а идеологии княжеской власти. «Своим императорским достоинством эти князья обязаны осуществлению императорских прерогатив – попыткам поставления митрополитов без санкции Константинополя»³⁰². Однако нельзя считать, даже в этом случае, что царский титул был официальным. Кроме летописи у нас нет подтверждений этому. Ни в официальных актах, ни на печатях, ни в церковных уставах, ни в агиографии царский титул не употребляется.

Основным титулом, употребляемым на протяжении всего рассматриваемого периода по отношению к русским властителям, был титул «князь». Он часто употреблялся с различными дополнительными идеологически, текстуально обоснованными эпитетами, типа: «русский», «великий», «благочестивый», «благородный», «христолюбивый». Например, «благочестивый и благородный князь, христолюбивый великий князь всея Руси Володимер Мономах»³⁰³.

На княжеских печатях, создаваемых по византийскому образцу, часто употребляется греческий титул «архонт»: «печать Василия благородного архонта Росии Мономаха»³⁰⁴; Олег-Михаил Святославич именовался «архонтом Матрахи, Зихии и всей Хазарии»³⁰⁵.

В рассматриваемый период небогаты титулатурой официальные акты. Так древнейшая подлинная грамота 1130 года содержит следующую интитуляцию: «Се азъ Мьстислав Володимиръ сын, держа Руску землю, в свое княжение повелел есмь...»³⁰⁶. Эта преамбула останется неизменной и на протяжении последующих ста лет. Возможно в древнерусской политической культуре, как и в других славянских государствах, существовала социальная ранговость антропонимов. Сложные двусоставные имена, связанные с высокими понятиями храбрости, чести, воинской славы на -слав, -полк, -волод, -мир, мсти-, яро-, а также скандинавские Рюрик (Хрёрек), Олег (Хельги), Игорь (Ингвар) принадлежали только князьям-Рюриковичам. Это подтверждает и то, что в

³⁰¹ Толочко А.П. Царский титул Рюрика Ростиславича// Тезисы докладов историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX-XIII вв. – Чернигов, 1988.– С.42.

³⁰² Там же.– С.43.

³⁰³ ПСРЛ. Т.2. 1125 г.

³⁰⁴ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. – М., 1970.– Т.1.– С.20.

³⁰⁵ Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории... С.193.

³⁰⁶ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. –М.–Л., 1949.– С.140.

публичной политике внутри страны князья не заменяют свое традиционное мирское имя христианским, даваемым при крещении. Владимир-Василий Святой даже на монетах, декларирующих новый статус власти на Руси, помещает свое мирское княжеское имя. Примечательно, что в литовском языке слово «валдимерас» означает «повелитель», это связано с тем, что Владимир Святославич совершил победоносный поход на литовское племя ятвягов в 983 году, и это отразилось в лексике.

В западноевропейских источниках XI – XII веков русские князья чаще всего названы королевским титулом – «rex Russorum». Папа Григорий VII в булле 1075 года на имя великого князя Изяслава Ярославича, называет его «Дмитрием, королем русов»; аббат Вильгельм в трактате «Генеалогия королевы Ингеборги»³⁰⁷, называет великого князя Мстислава «могущественнейшим королем русов»³⁰⁸.

В XII веке, в период раздробленности и существования удельной системы, в отдельных княжествах складываются местные ветви династии Рюриковичей. Сеньориально-вассальные отношения между князьями оформлялись в весьма патриархальную оболочку. Князь-сеньор именовался «отцом», а князь-вассал – «сыном»: «...ты ми еси сынъ, а язъ тебе отецъ»³⁰⁹.

В середине XII века князь киевский теряет монополию на титул «великий». Впервые, великим князем, кроме киевского, на Руси назван Владимир Давыдович Черниговский в надписи на чаше датируемой 1139 годом: «Се чара Володимерова Давыдовича, кто из нее пьеть тому на здоровье, а хваля Бога и господаря своего великого князя, не упьется»³¹⁰. За 1146 – 1176 годы на киевском столе сменилось 28 князей, правивших от нескольких лет до нескольких месяцев. В начале XIII века Киев одновременно признавал над собой власть Владимирского и Галицкого великих князей, которые ставили в Киев князя-наместника: «Посади великии князи Всеволод и Роман, Ингваря Ярославича в Кыеве». К князю-вассалу летописец не употребил даже обычного титула «князь».

К 1223 году на Руси было четыре могущественных князя: Мстислав Романович (Смоленск, Киев), Мстислав Святославич (Чернигов, Козельск), Мстислав Мстиславич Удалой (Галич), Георгий Всеволодич (Владими́ро-Суздальская земля) – «то беаху

³⁰⁷ Ингеборга, дочь великого князя Мстислава Владимировича, жена Канута II, герцога Шлезвига.

³⁰⁸ Древнерусское государство...С.437.

³⁰⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.– М.–Л., 1950. 1209 г.

³¹⁰ Медынцева А.А. Чара Владимира Давыдовича// Тезисы докладов историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» – Чернигов, 1988.– С.109.

старейшины в Русской земли»³¹¹. Это князья-сеньоры, члены высшего совета, они решают судьбу других князей и Руси в целом. Названы в летописи и «млади князи» - Даниил Волынский, Всеволод Мстиславич Киевский, Михаил Всеволодич Черниговский и «инии мнози князи»³¹².

Развитие феодальной иерархии нашло свое отражение и в западноевропейских источниках. В «Деяниях императора Фридриха I» Оттона Фрейзингенского (вторая половина XII в.), упомянуты «корольки русов» – «*de regulis Ruthenorum*»³¹³.

Именно в этот период некоторые особо честолюбивые князья создают себе пышную титулатуру, часто не отражавшую действительность: «Се аз князь великий Гавриил, нареченный Всеволод, самодержец Мстиславичь, внук Володимир, владычествующу ми всею Рускою землею и всею областью Новгородскою»³¹⁴. Так величал себя тот самый князь, который, будучи поставлен отцом на княжение в Новгороде, был изгнан оттуда, полтора месяца просидев с женой детьми и тещей на епископском дворе.³¹⁵

Другие титулы, наоборот, отражают относительно реальную власть: «...видяще у собе великого князя всея Ростовския земли»³¹⁶ (о князе Михаиле Юрьевиче).

Титулатура русских князей в изучаемый период развивалась в русле европейской истории. Неверной можно считать точку зрения ряда историков о том, что древнерусские князья безразлично относились к вопросам титулатуры. Как видно из вышеизложенного изменения в государстве сопровождались изменением в титулатуре, причем зачастую второе шло впереди первого. Социально-политические изменения вносили свои коррективы в этот процесс. В титулах нашли свое отражение – размер политической власти и подвластной территории, функции носителя титула, официальная идеология и народные представления о власти. Титул в средневековом обществе был неотъемлемым элементом политической культуры.

Как происходило вокняжение, или на современном политическом языке инаугурация, не только основателя династии, но и его многочисленных наследников, сведений крайне мало. Древнейшие русские памятники – лаконично повествуют о поставлении на княжение или провозглашении нового князя, т.е. о том, что в западной практике носило название коронации. Великий князь киевский «сажал на стол» своих

³¹¹ ПСРЛ. Т.1. 1223 г.

³¹² ПСРЛ. Т.2. 1190 г.

³¹³ Древнерусское государство...С.433.

³¹⁴ Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. – М., 1976. – С.163.

³¹⁵ Творогов О.В. Князья Рюриковичи: краткие биографии. – М., 1992.– С.28.

³¹⁶ ПСРЛ. Т.1. 1176 г.

наместников-князей, а те в свою очередь «садились» на этот «стол». О вокняжении самих киевских князей, например Владимира Мономаха, рассказывается в тех же терминах: он «седе на столе отца своего и дед своих» в 1113 году.³¹⁷

В конце XIX века так представляли главную процедуру вокняжения в древнерусский период: «...Избранного князя при въезде в стольный город встречали крестным ходом (рис.5), и затем он направлялся в местный собор, где слушал молебствие во имя главной святыни соборного храма», затем он «садился на стол, как правило, «отчий»(рис.4), владыка благословлял его крестом... при этом были возлагаемы на него внешние отличия княжеского достоинства (кочь-мантия и клобук-шапка). Но этот обряд был лишь церковным благословением избранного князя... и нимало не совмещал в себе того глубокого значения, которое впоследствии сроднилось с чином венчания самодержцев на русское царство».³¹⁸ Картина в целом верна, хотя и гипотетична, поскольку никаких сведений о деталях вокняжения в летописи не сохранилось. Известно, что при въезде князя в Новгород его встречали «все мужи (и) сътский и пояша с всею правдою и чьстью»³¹⁹. Так описывает новгородская летопись встречу князя Ярослава в 1196 году. Можно думать, что в церемонии приема и посажения на стол нового князя и мужи, и владыка играли заметную роль.

Всякий важный поступок в жизни средневекового человека требовал особой, раз и навсегда установленной и строжайше соблюдаемой процедуры, ибо малейшее ее нарушение делало недействительным весь акт и, кроме того, ломало историческую преемственность, прерывало связь с предками и делало власть нелегитимной.

Церемония восприятия власти относится к так называемым «rites de passage», «ритуалам перехода», перехода из одного социального статуса к другому. Автором термина, появившегося в начале XX века стал бельгийский ученый А. ван Геннен³²⁰. Французский медиевист Ж. Ле Гофф особо подчеркивает характер коронационной церемонии, как «ритуала перехода», в большей степени, чем просто «inauguration». Он выявил в ней фазы характерные для ритуала перехода: 1) фаза открепления от занимаемого ранее места в социальной структуре (separation), 2) пороговая фаза (marge), 3) фаза воссоединения (aggregation) – обретение стабильного состояния на качественно ином, более высоком уровне³²¹.

³¹⁷ ПСРЛ. Т.2. 1113 г.

³¹⁸ Коронационный сборник. Т.1. СПб., 1899.– С.6.

³¹⁹ Новгородская летопись старшего и младшего изводов.– М.–Л.,1950.– С.63.

³²⁰ Gennen A. van. Les rites de passage.–Bruxelles.–1909.

³²¹ Канторович Э. Два тела короля. Очерк политической теологии средневековья.// История ментальностей. Историческая антропология.– М.,1996.

Отсутствие информации в источниках не позволяет точно установить, были ли у славян до образования Древнерусского государства особые ритуалы, сопровождавшие процедуру восприятия власти. Но этнографические данные говорят о том, что, даже у примитивных народов существуют в той или иной форме ритуалы восприятия власти³²².

Наиболее ранним письменным свидетельством о существовании таких обрядов у русских князей является отрывок из сочинения арабского географа Ибн Русте «Дорогие ценности» (X в.): «Глава их (русов-Р.Н.) коронуется, они ему повинуются и от слов его не отступают...»³²³.

Ритуал, сопровождавший принятие власти в Древней Руси назывался «поряд посажения на отнем и деднем столе». Он появляется, вероятно, в период правления Владимира Святославича. Об этом свидетельствует легенда на его монетах – «Владимир на столе». Эти же монеты дают нам возможность увидеть как выглядел тот самый «стол». Однако летописи, вплоть до Владимира Мономаха включительно, ничего не говорят про обряд «посажения». Летописец ограничивается кратким упоминанием: «И седе Олег княжа в Киеве», либо «Нача княжити Игорь по Ользе». Но уже глагол «седе» может косвенно свидетельствовать о предваряющем правление обряде «посажения на стол».

С начала XII века летописные сообщения становятся относительно развернутыми. И хотя считается легендарным факт присылки Владимиру Мономаху регалий из Византии – венца, цепи с крестом и барм³²⁴, но именно с его сына Мстислава летописец начинает относительно развернуто описывать обряд «посажения»: «Мьстислав старейший сын его седе на столе в Киеве отца место своего»³²⁵.

Исходя из скупой информации источников, мы произведем историческую реконструкцию обряда «посажения на стол».

Когда в какую-нибудь область призывался князь, или наследник принимал власть, или князь-сеньор посылал князя-вассала на княжение, то ему писали рядную грамоту³²⁶. Князь отправлялся в свой город в окружении свиты, причем ближайшими к князю были мечник и стяговник. У ворот города его торжественно встречали жители во главе с духовенством: «...и выидоша противу ему множество народа, игумени с черноризци и попове...в ризах³²⁷ ...и усретоша его со кресты...»³²⁸. Князь сходил с коня,

³²² См. этнографический обзор в кн.: Фрэзер Д. Золотая ветвь.

³²³ Материалы по истории СССР. М., 1985. – Вып. 1. – С. 294.

³²⁴ Сказание о князьях владимирских. // Древняя русская литература. – М., 1980. – С. 181.

³²⁵ ПСРЛ. Т. 2. 1125 г.

³²⁶ Сказание о венчании на царство русских царей и императоров. – Под ред. П. П. Пятницкого. – М., 1896. – С. 4.

³²⁷ ПСРЛ. Т. 2. 1146 г.

³²⁸ ПСРЛ. Т. 2. 1252 г.

снимал шапку и принимал благословение епископа. Городские жители целовали крест на верность новому князю: «Володимерци же помянувшее Бога и крестное целование к великому князю Гюргю, вышедшее перед Золотая ворота целоваша крест ко Всеволоду князю... и на детех его, посадиши и на отни и дедни столе в Володимери».³²⁹ Затем процессия направлялась к городскому собору, в котором и происходило основное действо: «И приеха к Святой Софьи и поклонися Святой Богородице и седе на столе деда своего и отца своего»³³⁰ ... «и поклонишася и (ему – Р.Н.) и целоваша его (князя – Р.Н.). Князь прикладывался к иконе Божьей Матери. Митрополит или епископ возлагал на князя драгоценные регалии, после чего, как видно из летописи его тожественно возводили на престол. А затем все присутствующие кланялись ему и возможно, целовали ему руку.

«Стол» представлял собой массивный высокий трон с подножием и длинной овальной подушкой на сиденьи, он известен по изображениям на иконах и миниатюрах Радзивилловской летописи, Лицевого летописного свода и других иллюстрированных рукописей. Художники прекрасно понимали назначение стола, как одного из основных атрибутов княжеской власти. так например низложение князя, в частности Судислава Владимировича в 1034 году, представлено на миниатюре как насильственное сталкивание его со «стола».

Вероятнее всего, существовал письменный регламент – «поряд», описывавший последовательность ритуальных действий в обряде «посажения»: «А Ярополка князя посадиша володимерци с радостью в городе Володимери на столе, в Святой Богородице, *весь порядок положише*»³³¹.

Обряд «посажения на стол» содержит в себе все три фазы ритуала перехода:

- 1) князь уезжал из своего города, порывая со старым политическим статусом,
- 2) у ворот своего нового владения он сходил с коня и снимал шапку,
- 3) садился на «отний и дедний» престол в инсигниях власти, тем самым, получал новый политический и социальный статус.

Кроме того, в обряде «посажения» присутствует ритуализированный конфликт, который выражается в сознательном и откровенном нарушении общепринятых правил, с тем чтобы показать определенную недосыгаемость власти: князь *сидит* в храме, что как светское лицо делать не может, причем *в головном уборе* – шапке. Тем самым он отрывает себя от народа, мистически соединяясь с князьями-предками.

³²⁹ ПСРЛ. Т.1. 1177 г.

³³⁰ ПСРЛ. Т.2. 1146 г

³³¹ Приселков М.Д. Троицкая летопись. – М.–Л., 1950.– С.256.

Феодальная иерархия в политической сфере и общественных отношениях отразилась и на регалиях власти. Это выразилось в иерархии «столов» отражающих степень престижности княжества. На Руси XII века выражения «высокий стол» и «малый стол» стали нарицательными: «Господине мой! З добрым бо думцею думая, князь высока стола добудеть, а с лихим думцею думая, меньшего лишен будеть»³³².

Обряд «посаждения на стол» пришел на Русь из праславянской древности. У древних славян престол правителя почитался особо, как никакая другая инсигния (см. ниже). После крещения Руси и с развитием политических отношений этот обряд приобретает в XII веке, заимствованные в Византии черты коронации. «Посаждение на стол» сильно упрощается во второй половине XIII века, после монголо-татарского завоевания. Оно, по сути, превратилось в обряд ханской инвеституры, который совершал ордынский чиновник.

В ритуале «посаждения на стол» присутствовали практически все атрибуты и символы власти на Руси того времени: «стол», княжеская шапка, меч, княжеский плащ – корзно, стяги, драгоценные регалии (с XII века). Таким образом, ритуал и символ в то время были непосредственно и можно сказать, генетически взаимосвязаны. Менялся ритуал, менялись и атрибуты власти. Исчезал ритуал, забывались и исчезали из исторической памяти народа атрибуты и символы.

Как уже было сказано, все, что было связано с властью и ее носителями в Древней Руси наделялось в средневековом мировоззрении особым знаковым и сакральным смыслом. Особо это касалось оружия, так как от него в то время постоянно зависела жизнь. Кроме того, обладание оружием в средние века было равнозначно обладанию властью.

Княжеское оружие отличалось особо богатой отделкой. В походе и бою шапку князь менял на шлем. Шлемы князей IX – X веков, вероятно, не отличались существенно от шлемов старших дружинников, в них, в первую очередь, ценились защитные функции. А, судя по тому, что шлемы, впрочем, как и другое защитное вооружение «на Руси X века по археологическим данным, имели лишь 5% воинов»³³³, то поэтому само наличие шлема свидетельствовало о высоком социальном статусе его владельца. В шлеме изображен на печати нач. XI в., Ярослав Мудрый.

С развитием государства и возвышением княжеской власти увеличивается количество декоративно-символических элементов в княжеском вооружении. Шлемы

³³² Слово Даниила Заточника// Памятники литературы Древней Руси: XII век. – М., 1980. – С. 243.

³³³ Шинаков Е.А. От пращи... С. 116.

стали украшаться драгоценными накладками, на которых изображались святые небесные покровители князей. Это подтверждается письменными и археологическими источниками. «Изяслав же лежаше ранен и ...ту хотеша и кияне пешци убити мняще ратного, не знаючи его. Изяслав же рече: «Князь есмь». И един от них реч: А так ны еси и надобен». И вынза меч свои и нача и сечи по шелому. Бе же на шеломе над челом Пантелемон злат и удари и мечем и тако вшибеся шелом до лба. Изяслав же реч: «Аз Изяслав князь ваш». И сня с себя шелом и позна и»³³⁴.

На известном шлеме Ярослава Всеволодича, найденном на месте Липицкой битвы 1216 года, помещены серебряные, чеканные, с позолотой медальоны с изображениями святых. Спереди же, «над челом», пластина изображающая Архистратига Михаила и благопожелательная надпись (рис.22). В «Слове о полку Игореве» многие предметы княжеского военного снаряжения (стремена, стрелы, ножны, шлемы и др.) названы золотыми.

На миниатюрах Радзивилловской летописи единственным князем, изображенным в шлеме, является Андрей Боголюбский. Шлем необычно высок и имеет широкие поля. Некоторые историки отождествляют с ним шлем хранящийся в ГИМ в Москве³³⁵.

Особо значимым элементом княжеского вооружения был меч. Он являлся не только дорогим личным оружием, но был символом административной, судебной и военной власти князя, его регалией. Практически на всех миниатюрах Радзивилловской летописи князь изображен с мечом, либо в руке, либо на поясе. Князь держит меч на сцене переговоров, пира, суда, встречи послов, принятия даров и во многих других случаях.

Изображение меча рядом с княжеским знаком имеется на деревянной цилиндрической пломбе, из напластований 973 – 1051 годов в Новгороде. Такими пломбами печатались мешки с данью собранной в Новгородской земле и отправляемой в Киев³³⁶. Композиция на пломбе должна была утверждать неприкосновенность княжеской собственности и неминуемое наказание за ее нарушение.

Как и в западной Европе, меч был одним из главных атрибутов в церемонии инвеституры³³⁷. Князь-сеньор вручал его князю-вассалу, когда давал ему удел. «Всеволод великий князь посла сына своего Костянтина Новугороду Великому на княженье... и да ему отец крест честны и мечь, река: «Се ти буде охранник и помощник, а меч – прещенье

³³⁴ ПСРЛ. Т.2. 1151 г.

³³⁵ Рыбаков Б.А. Из истории культуры Древней Руси.– М.,1984.– С.223.

³³⁶ Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI вв. Смоленск, 1995.- С.113.

³³⁷ «Обычно же инвеститурой зовут, когда копье, или что-либо другое вещественное передается господином феода со словами, что он дает инвеституру». См.: Книга феодалов.//Средневековье в его памятниках. Под. ред. Д.Н.Егорова.– М.,1913.– С.59.

и опасенье, иже ныне даю ти пасти люди своя от противных. На тебе Бог положил переже старейшинство имать во всей братья твоей, а Новгород Великий старейшинство имать княженью во всей Русьской земли...и яз ти даю старейшинство – поди в свой город»³³⁸. (Сравните с коронацией Оттона I выше).

Церемония инвеституры появилась на Руси не ранее XII века, когда сеньориально-вассальные отношения в роду Рюриковичей стали обычными. Конечно, на Руси феодальные отношения имели свои особенности. В приведенном выше отрывке из Лаврентьевской летописи это отчетливо видно. Во-первых, Новгород не был феодом, а во-вторых, Всеволод Большое Гнездо не являлся его сеньором и не имел права им распоряжаться. Скорее наоборот, новгородский Совет Господ обратился к великому князю Владимирскому как к «старейшему» князю на Руси с просьбой отправить сына на княжение. Но и вернуть обратно его скорее могли новгородцы, чем Всеволод. Однако наличие специального ритуала инвеституры с достаточно разработанной семантикой говорит о том, что он бытовал уже достаточно давно и применялся часто.

Значимость княжеского меча как атрибута власти подтверждает наличие в ближайшем окружении князей должности хранителя меча – мечника или меченоши.

Боевым оружием князя было также копье. Князь довольно часто сражается именно копьем на страницах летописей. При этом он, как правило, начинал битву, символически бросая копье в сторону врага: «...суну копьемъ Святославъ на деревляны, и копье лете сквозе уши коневи, и удари в ноги коневи, бе бо детеск»³³⁹. Этот обычай, запечатленный летописцем, имеет очень древнее, скорее всего северо-европейское происхождение. По обычаю, древнескандинавский «вождь должен перед началом битвы метнуть копье во вражеское войско, тем самым, посвящая его богу войны»³⁴⁰. Он должен был повторить действия Одина, когда тот начал войну с ванами:

«...в войско метнул Один копье,
это тоже свершилось
в дни первой войны...»³⁴¹.

Соблюдавшие этот обычай, первые Рюриковичи, сделали его традиционным и для дальнейших поколений династии, хотя его древняя языческая семантика была позже утеряна.

³³⁸ ПСРЛ. Т.1.1206 г.

³³⁹ ПВЛ. 946 г.

³⁴⁰ Стеблин-Каменский М.И. Комментарии к «Старшей Эдде»// Западноевропейский эпос.– Спб.,2002.– С.842.

³⁴¹ Прорицания вёльвы// Западноевропейский эпос. – Спб.,2002.– С.12.

В набор княжеского вооружения рассматриваемого периода входил и боевой топорик (рис.11).. Вполне вероятно, что это скандинавская традиция, из норвежских источников известно, что «топор, наряду с копьем и щитом был обязательным элементом вооружения свободного воина»³⁴².

Примером княжеского топора является стальной парадный топорик Андрея Боголюбского(?), украшенный листовым серебром, набитым по насечке, позолотой и гравировкой в славянском растительном и скандинавском тератологическом стилях³⁴³(рис.11-2). Топор, кроме того, что был эффективным тяжелым оружием, играл большую роль в древнерусской обрядности, «он имел значение магического оберега, призванного отпугивать злых духов»³⁴⁴. В образе топора, кроме всего прочего, в русской дружинной среде почитался Тор – Перун, покровитель князя и дружины в период военной демократии.

Еще одним элементом из комплекса княжеского вооружения была булава. Она могла служить не только оружием, но и эмблемой военной власти.³⁴⁵ Однако князь с булавой в руке изображен только на одной миниатюре Радзивилловской летописи³⁴⁶.

Неотъемлемой частью средневековой политической атрибутики являлось знамя (рис.27). Оно играло важную роль как в мирной жизни, так особенно в военное время. А если учитывать то, что политическая культура средневековья, так или иначе носила военизированный характер, то роль стяга трудно переоценить. Он был определенным маркирующим признаком, делившим мир по принципу «свой – чужой», объединительным центром, позволяющим человеку идентифицировать себя с той или иной социальной группой. Кроме того, знамя наделялось сакральной силой божественного покровительства. Стяг был главной святыней княжеской дружины и ополчения, основным выражением княжеской власти, то есть выполнял уже геральдическую функцию. И неважно, какое изображение нес он на себе языческое или христианское, он все равно оставался сакральным символом и оберегом.

Практически именно стяг возглавлял систему княжеской символики, в знаковых звеньях которой весьма затруднительно провести четкую грань между геральдикой, вексиллологией и эмблематикой.

³⁴² Завьялов В.И. Железные изделия из памятников Белозерья// Российская археология. 1996, №4.- С.158.

³⁴³ Рыбаков Б.А. Русское прикладное искусство X-XIII вв.–Л.,1971.– С.58 – 59.

³⁴⁴ Завьялов В.И. Железные изделия...С.158.

³⁴⁵ Даркевич В.П. Раскопки на южном городище Старой Рязани// Археология Рязанской земли. М., 1974. – С.52.

³⁴⁶ Радзивилловская летопись.1152 г.

Скудную информацию о древнерусских знаменах нам дают летописные своды, миниатюры Радзивилловской летописи, граффити на арабских дирхемах (известно 5 монет с изображением стяга, найденные как на территории Восточной Европы, так и в Прибалтике и на Скандинавском полуострове)³⁴⁷.

В письменных источниках знамя называется двумя терминами – первый и основной – стяг, второй, менее употребляемый – хоругвь.

Этимология этих слов следующая: «стягъ» – от древне-шведского «stang» – «древко, шест»³⁴⁸, «хоруг(о)вь» – древнее «hogogy» заимствовано через тюркское посредство из монгольского «ogungo» – «знак, знамя»³⁴⁹.

Название «стяг» чаще всего употребляется в источниках, его скандинавское происхождение не подлежит сомнению (аналогичная трансформация «varing» в «варяг», которая произошла в языке примерно в то же время).

В архангельском диалекте русского языка сохранилось другое, необычное значение слова «стяг» – «воловя или коровья туша»³⁵⁰, что, вероятно, имеет очень древнее происхождение, учитывая то, что именно на русском Севере, в его диалектах сохранились и в какой-то мере законсервировались древнейшие языковые символы.

По сообщению (921 – 922 гг.) арабского ученого Ибн Фадлана, русы при исполнении ритуалов в святилище вешали на длинные шесты, стоящие недалеко от главного идола части жертвенных животных³⁵¹. Учитывая приведенную выше этимологию слова «стяг», можно предположить, что именно стяги – шесты со священными останками жертвенных животных (возможно табуированных тотемов) трансформировались в стяги-знамена, символы власти, воинские знаки, также как и их прототипы, наделявшиеся сакральной силой и табу. Естественно, что брать в поход сооружение в виде шеста с частью жертвы на нем было невозможно, и его заменил символ – знамя, наделенное функциями своего прототипа. В качестве жертвенных животных на ритуальные шесты могли помещаться птицы – петух, ворон, сокол, священные для славянского и скандинавского мира. Именно птичье крыло напоминают скандинавские знамена эпохи викингов и древнерусские стяги, по форме, как правило, подтреугольные

³⁴⁷ Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах. – Л., 1991. – С.30.

³⁴⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1987. – Т.3. – С.790.

³⁴⁹ Там же. – Т.4. – С.269.

³⁵⁰ Там же. – Т.3. – С.790.

³⁵¹ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 – 922 гг. – Харьков, 1956. – С.111. См. также: Новожеев Р.В. К вопросу о древнерусских знаменах// Проблемы славяно-русской археологии Чернигово-Брянских земель. Материалы XVI конференции. Вып.4. Брянск, 1998. – С.21.

или полутрапеции, а пучки шерсти или конский волос крепившиеся к полотнищу воспроизводили маховые перья крыла. Датский конунг начала IX века Рагнар Лодброк имел знамя в виде ворона на шесте, указывавшего крылом направление похода³⁵². Изображения птиц украшали навершия скифских знамен-бунчуков³⁵³. Практически полной аналогией ритуальным шестам – стягам русов являются сванские ритуальные шесты, на которых надевалась волчья шкура, и которые стали прототипами сванских знамен – «лем»³⁵⁴. Все приведенные знаково-символические предметы можно отнести к протогексиллумах. Данная дефиниция четко характеризует их сущность.

По данным источников вид древнерусского стяга реконструируется следующим образом. К древку – «стружию», или часто копью, крепилось полотнище треугольной формы, либо с тремя хвостами – «хоботами». Над ним иногда располагалась «чолка стяговая», то есть бунчук из конского волоса. Основание древка заострялось, либо на него надевался железный наконечник – «вток». Конструкция завершалась навершием, или наконечником копья. Известно лишь одно сохранившееся навершие стяга, железное, в виде родового знака Рюриковичей, найденное около Нальчика. Б.А. Рыбаков считает его знаком Мстислава Владимировича³⁵⁵. Это навершие не было втульчатым, а вбивалось острым концом в древко.

Кроме знамен на Руси в рассматриваемый период существовали и бунчуки – окрашенные конские хвосты на древке – «чрьлена чолка, сребрено стружие»³⁵⁶, красный бунчук на белом древке.

Стяг, как правило, нес на себе такое символическое изображение и был такой цветовой гаммы, по которым можно было даже издали определить его принадлежность: «И узре Олег стяг Володимерь, и убояся, и ужас нападе на нь и на вое его»³⁵⁷, «и видящих стягы отца своего...»³⁵⁸.

Из всех знамен на миниатюрах Радзивилловской летописи – 87% красного цвета, остальные синие, зеленые, коричневые, белые. Вероятно, что после крещения Руси на стягах помещались священные христианские изображения, делавшие знамя иконой – лики святых, Богородицы, Спас Нерукотворный. Возможно также изображение на стягах

³⁵² Кулаков В.И. Знамена дружин Балтийского региона// СА.1989.№4.– С.67.

³⁵³ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988.– С.60.

³⁵⁴ Иванов В.В. Сходные черты в культе волка на Кавказе, в древней Малой Азии и на Балканах// Кавказ и Средиземноморье.– Тбилиси, 1980.- С.60.

³⁵⁵ Рабинович М.Г. Древнерусские знамена (X – XV вв.) по изображениям на миниатюрах// Новое в археологии.– М., 1972.– С.170 – 176.

³⁵⁶ Слово о полку Игореве.

³⁵⁷ ПСРЛ. Т.1. 1096 г.

³⁵⁸ ПСРЛ. Т.1. 1169 г.

различных символов, употребляемых в княжеской атрибутике: расцветшие кресты, грифоны, барсы, монограммы и др. На одной миниатюре Радзивилловской летописи изображено знамя, на котором четко видна крестообразная монограмма, читаемая как «ФЕОДОР»³⁵⁹. Это личный стяг князя Мстислава Ростиславича, которое было брошено его бегущей дружиной в битве 1175 года за Владимирский великокняжеский стол с князем Михаилом Юрьевичем. Монограммы такого типа появились в Византии и были распространены в аристократической среде разных стран – Армении, Священной Римской империи, Франции и др. в том числе и на Руси. Они помещались как маркирующий знак владельца на печатях, фасадах зданий, и на знаменах.

По принадлежности стяги могли быть:

- 1) личные княжеские знамена, находившиеся в дружине,
- 2) городские стяги, принадлежавшие городскому ополчению: «И остася Изяслав с малою дружиною на полчищи, и постави стягы Галичские, и поидоша галичане под свои стягы»³⁶⁰,
- 3) «владычные», то есть знамена отрядов снаряженных иерархами церкви.

Понятие «стяг» использовалось не только в значении «знамя», оно обозначало еще и отдельный воинский отряд. Разное значение термина создает определенные трудности в трактовке и понимании текста. Понять, в каком смысле употреблено слово можно лишь изучая контекст. В связи с этим мы выделили в летописи несколько традиционных употреблений термина в описании военных действий:

- 1) «поставить под стягом», т.е. расположить в боевом порядке: «Боняк исполчи вои свое, и раздели на 3 полка, и поиде к угром, и пусти...Алтунапу в 50 чади, а Давида постави под стягом»³⁶¹,
- 2) «под стягом», т.е. состоять в чьем-то отряде: «...а кто будеть твоих бояр и слуг, где кто ни живеть, тем быти под твоим стягом»³⁶²,
- 3) «поставить стяги» - сигнал для начала битвы или перегруппировки сил в ходе сражения: «Изяслав...постави стягы галичские и поидоша галичане под свои стягы»³⁶³,

³⁵⁹ Радзивилловская летопись. – СПб. – М., 1994. – Л.223 об.

³⁶⁰ ПСРЛ. Т.1. 1149 г.

³⁶¹ ПСРЛ. Т.1. 1096 г.

³⁶² Договорная грамота великого князя Дмитрия Ивановича, 1362г.// Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. – М., 1989. Т.3., Ч.1. – С.591.

³⁶³ ПСРЛ. Т.1. 1149 г.

- 4) «стяг», т.е. полк, войско, боевая единица: «И поставиша стяга два пред враты монастырскими...»³⁶⁴, и еще «...видев Олег, яко поиде стяг Володимерь и нача заходити в тыл его, и убояся и побеже Олег»³⁶⁵.

Количество воинов в одном стяге, как структурной боевой единице войска по источникам определяется приблизительно, но с большой долей достоверности. В 1169 году под стягом князя Михаила Юрьевича стояло 100 переяславцев 1500 «своих поганных» – берендеев, хотя и не исключено, что кочевники имели свои знамена – бунчуки. В Липецкой битве 1216 года у князей Георгия и Ярослава Всеволодичей было войско из 30 стягов – «Бяша у князя у Юрья стягов 13, а труб и бубнов 60, молвяху и бо про Ярослава стягов у него 17, а труб и бубнов 40...»³⁶⁶, в битве по летописным сведениям погибло с их стороны более 9 тысяч воинов. Скорее всего, что в одном стяге (и соответственно, под одним знаменем), стояло не более 100-300 воинов, а в некоторых случаях и менее того. Во Франции под рыцарским знаменем находилось 50 воинов, а под большим гербовым стягом не менее 200³⁶⁷.

В западной Европе знамена вручались сеньорами вассалам в церемонии инвеституры как символ зависимости с одной стороны и знак власти над феодалом с другой. Под этим стягом вассал приводил собранный в своем феоде отряд воинов. Например, Титмар Мерзебургский в своей «Хронике» пишет: «Там созвав государственные чины, он (император Генрих II – Р.Н.) вручил знамя...своему вассалу и шурина Генриху, и тем самым передал ему герцогство Баварию»³⁶⁸. На Руси знамя не было атрибутом церемонии инвеституры, здесь его заменяли меч и крест. Правда, известен один исторический факт, когда Всеволод, князь Герцике (Ерсике) в Латгалии³⁶⁹, признал себя в 1209 году вассалом рижского епископа Альберта и получил уже как лен свое княжество. При этом епископ торжественно вручил ему три знамени, как знак тройного по величине лена³⁷⁰. Такая церемония называлась в Европе инвеститурой знаменным леном – «fahnelehn».

Информации в источниках достаточно для того, чтобы реконструировать жизнь стяга, как в военное, так и в мирное время.

³⁶⁴ ПСРЛ. Т.1. 1096 г.

³⁶⁵ ПСРЛ. Т.2. 1096 г.

³⁶⁶ ПСРЛ. Т.2. 1216 г.

³⁶⁷ Новожеев Р.В. К вопросу...С.22.

³⁶⁸ История средних веков: от Карла Великого до крестовых походов. Сост. М.М.Стасюлевич. - М., 2001.

³⁶⁹ Латгальское княжество Герцике для легитимации власти пригласило представителей псковской ветви династии Рюриковичей.

³⁷⁰ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. – М.–Л., 1938. – С.115.

Стяг, один или несколько, нес впереди полка, либо около князя особый воин – стяговник, или стяжко. Это был дружинник особо приближенный к князю, подобно мечнику. Главной функцией княжеского стяговника было несение и хранение знамени в мирное время и в сражении.

На сборном пункте – стане, который обычно располагался на высокой местности, полотнище надевалось на древко – «наволачивалось»: «...князь же повеле своим вооружаться и стяги наволоčiti»³⁷¹. Затем стяг втыкался в землю: «...половцы же ужасошася от страха не взмогша ни стяга поставити...»³⁷².

Во время битвы каждая из сражающихся сторон пыталась добраться до стяга противника: «...и досекошася другого стяга Ярославля...»³⁷³. Захват знамени врагом означал фактическое поражение владельца стяга: «Иде Андрей (Боголюбский-Р.Н.) на болгары... с сыном своим...и братом...и поможе им Бог и Святая Богородица на болгары, самих иссекоша множество, а стяги их поимаша...Князь же Андрей воротися с победою, видев поганые болгары избиты, а свою дружину здраву стояху же пеши с Святою Богородицею на полчище под стягы»³⁷⁴.

Но стяг не только стоял и «ревел» в ставке: «...стязи ревуть»³⁷⁵, стяговник несущий стяг активно сражался, при этом его защищали особо. Убийство стяговника, захват его в плен вместе со стягом, серьезное повреждение знамени врагом крайне негативно сказывалось на боевом духе воинов, и часто было поводом и причиной поражения. Оставление стяга противнику было бесчестьем для дружины и князя. В Липицкой битве 1216 года «пешци» князя Всеволодича неожиданно напали на дружину князя Ярослава, отбросили их и срубили воткнутой в землю стяг³⁷⁶. В сражении русских с половцами, вначале половцы ранили русского стяговника и «чолку стяговую сторгоша со стяга», увидев это, княжеский воевода Володислав подхватил поврежденное знамя и исправил потерю «наткнув» на него вместо чолки-бунчука свою прилбицу (вид мехового головного убора)³⁷⁷. После этого русский воин ранил половецкого знаменосца и увидевшие это половцы «побегоша и наши по них погнаша»³⁷⁸.

³⁷¹ Никоновская летопись. 1219 г.

³⁷² ПСРЛ. Т.1. 1106 г.

³⁷³ ПСРЛ. Т.1. 1216 г.

³⁷⁴ ПСРЛ. Т.1. 1164 г.

³⁷⁵ Пространная редакция Задонщины по музейному I списку// Задонщина. – Тула.,1980.– С.51.

³⁷⁶ ПСРЛ. Т.1. 1216 г.

³⁷⁷ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. – М., 1989.,Т.2.,Ч.2.– С.1427.

³⁷⁸ ПСРЛ. Т.1. 1169 г.

В день посажения князя на стол его личный стяг водружался над городскими воротами: «И прия (Даниил Галицкий – Р.Н.) стол отца своего...и постави на Немечьских вратех хороуговь свою»³⁷⁹ таким образом, знамя выполняло оповестительную функцию, что восходит к архаическому славянскому ритуалу устанавливать на воротах украшенные деревца или ветки (например, во время свадьбы)³⁸⁰. При взятии города, победитель водружал свой стяг на крепостной стене: «Аще Русская хоругвь станет на заборолех...»³⁸¹.

Исходя из имеющейся информации в источниках, крайне трудно решить вопрос о соотношении терминов стяг и хоругвь, их типологическом и функциональном различии. В пределах гипотезы можно предположить, что хоругвь отличалась от стяга по двум параметрам: форме полотнища или изображению на нем.

«Знамя – показатель дружины, как вполне сложившегося социального института»³⁸², а поэтому трансформация ритуального шеста с частями жертвы богам в стяг-знамя (при этом не уменьшилась его сакральность) происходит в период складывания на Руси раннего, дружинного государства.

В феодальной Руси типы и функции знамени усложняются и расширяются, оно становится знаком власти, символом благородного достоинства, священной реликвией. Однако строгая геральдическая система знамен как в западной Европе, на Руси по данным источников не прослеживается.

Неотъемлемой частью формирования, фиксации и воспроизводства идентичности любой нации и государства как социокультурной и политической общности являются атрибуты верховной власти. Они выступают своеобразными связующими элементами политической культуры. Тем более, что в эпоху средневековья они наделялись особым священным качеством и благодатью. Таким образом, атрибуты власти средневековья существовали в качестве маркирующих признаков господствующих в обществе социальных, экономических и политических сил. Они отражали институты и социальные отношения общества. Символ был узнаваем, уважаем, к нему относились с благоговением, поскольку часто он был единственным связующим фактором социальной общности. Одежда и оружие носителя власти были признаком его политического и социального статуса. В значимых ситуациях к ним добавлялись драгоценные священные регалии. Титул был важным фактором внутренней и внешней политики. Однако к титулатуре необходимо особо критическое отношение, так как она часто фальсифицировала реальные

³⁷⁹ ПСРЛ. Т.2. 1236 г.

³⁸⁰ Славянские древности. Т.1 – С.439.

³⁸¹ ПСРЛ. Т.2. 1229 г.

³⁸² Кулаков В.Н. Знамена дружин балтийского региона// СА.–1989.– №4.– С.69.

возможности и полномочия своего владельца. Но в то же время исследование титула позволяет выявить тенденции развития государства, его цели и задачи. Знамя и в наше время является одним из главных и уважаемых символов государства, а в эпоху средневековья оно было еще и священной реликвией. Министр иностранных дел Франции Ламартин сказал в 1848 году: «Если вы отнимите у меня трехцветный флаг...то отнимите у меня половину мощи Франции...»³⁸³ Стяг же для средневекового русского человека значил еще больше. Он был главным идентификатором, после православия, общности русского народа. Именно такую роль он играет в источниках.

Таким образом, мы можем утверждать о сложившейся в исследуемый период системе атрибутов власти в Древней Руси. Именно они тогда исполняли роль национальных символов, были главными способами политической идентификации. Какие-то из них появились и исчезли уже в исследуемом периоде, другие прошли более длительный путь развития, послужив основой для великорусской символики XIV – XVII вв. Древнерусская княжеская титулатура, политический ритуал («посаждение на стол» и инвеститура), воинская символика, статусные элементы княжеского наряда, личные эмблемы, монограммы и регалии были определяющими факторами княжеской власти, как административной, так и военной и судебной. Эта система развивалась в русле европейской христианской политической культуры, конечно с определенными самобытными национальными чертами. Так роль одного из важнейших атрибутов власти на Руси выполняли антропонимы, употреблявшиеся в среде носителей власти еще с языческого времени. Особые имена для правящей верхушки известны лишь в славянских государствах. На Руси политическая антропонимика сохранится до XIV века, когда ее полностью вытеснит комплекс христианских имен. Общая христианская культура Европы окажет значительное влияние на политическую культуру Руси, в том числе на регалии княжеской власти, систему знамен, титулатуру, политический ритуал, личные эмблемы (наиболее известная – «знак Рюриковичей»). Атрибуты власти развивались параллельно с феодальными отношениями, процессами политической раздробленности или, наоборот, централизации. Система атрибутов власти была понятна обществу, служила определенным средством социализации и регулирования отношений внутри правящего слоя, а также между человеком и властью.

Атрибуты власти исследуемого периода стали той базой, на основе которой развивалась символика Московской Руси XIV-XVII вв. К таким символам относятся: полусферическая, опушенная мехом, княжеская шапка, превратившаяся позднее в царский венец; бармы; форма и типы знамен. Но значение целого ряда символов было утеряно. И

³⁸³ Гаджиев К.С. Политология: учебник для высших учебных заведений. – М., 2002. – С.328.

сейчас мы только пытаемся дать им объяснение, раскрыть их сущность, выяснить значение. Исчезли – ритуал «посаждения на стол», княжеская диадема, плащ-корзно и ряд других. Все эти процессы, конечно, не были случайностью, они обусловлены изменением политического строя, функций власти, отношений между человеком и властью, международной обстановкой. Требовались уже новые символы в соответствии с новой идеологией, новыми политическими целями.

Таким образом, изучая древнейшие символы нашего Отечества мы создаем непрерывную историю национальной символики, от начального периода отечественной истории до наших дней, преграждаем дорогу фальсификаторам и конъюнктурщикам от истории.

Заключение

Атрибуты власти есть самостоятельный предмет исторического исследования. Это обусловлено его значимостью в политической истории и культуре средневековья.

Вывод первый. Ритуал и символика сопровождают носителей власти с глубокой древности. Главная их задача заключается в двух положениях – быть маркирующим признаком статуса носителя власти и выполнять культовые функции, способные сохранять гармонию жизни социума.

Политический ритуал и символ несут, прежде всего, культовый характер, что объясняется, по теории Д.Фрэзера, сакральным происхождением власти. Светскую власть в древних обществах получали носители власти духовной (жрецы, колдуны и т.п.), так как они, в первую очередь, были гарантами сохранения благополучия и традиции» того или иного микросоциума.

Для элементов политической культуры домонгольской Руси характерен синтез различных этнокультурных традиций. У славян и скандинавов вождь, будучи верховным жрецом, воплощал в себе сверхъестественную силу, способную влиять на природную стихию. Сексуальная потенция вождя связывалась с производящими силами природы. Эти представления вылились во внешне воспринимаемую форму, славянская княжеская шапка есть ни что иное, как фаллический символ. В IX – X вв. вместе с процессом становления государства на Руси шел процесс складывания символики, ритуалов и регалий власти, пока еще на языческой основе. Именно тогда русскими княжескими регалиями становятся - шапка, корзно, меч. Шапка имеет славянские корни, она была символом князя как верховного жреца, корзно – восточного происхождения, а меч,

неизменный атрибут свободного воина становился регалией лишь в руках князя. Вероятно, еще до принятия христианства началось формирование ритуала восприятия власти – обряда «посаждения на отнем и деднем столе». С принятием христианства и складыванием на Руси раннего государства, появляется особый комплекс великокняжеских регалий, связанный, прежде всего с именем Владимира Святого. Из Византии Владимир получает полный императорский наряд и регалии власти, в этом отразился новый статус русского князя как главы могущественного христианского государства. Можно только догадываться, по каким причинам исчезает в дальнейшем этот набор инсигний. Скорее всего, он исчез во время междоусобной войны 1015 -1019 гг.

Вывод второй. В XI – первой половине XIII в. регалии и наряд русских князей, сохраняя традицию, оставались, за небольшим исключением, практически неизменными. Наряд русского князя делился на повседневный и церемониальный. Повседневный убор, точнее его определяющими деталями, являлись шапка с меховой опушкой, плащ-корзно и меч. В первой половине XI в. из Византии заимствуется тип парадного плаща «орлы». Непременной частью княжеского убора был пояс – символ чести и достоинства. Княжеская одежда была долгополой, это характерно для одежд древнерусской знати вообще. Княжеское оружие отличалось богатством отделки, а меч участвовал в церемонии инвеституры.

Особый, церемониальный комплекс княжеских инсигний складывается в начале XII в. Тогда же обряд «посаждения на стол» обретает церковный характер. На князя возлагаются венец, бармы и крест на цепи. Венец с перпендулиями-колтами заимствован в Византии через болгарское посредство, бармы (монисто, ожерелье) того же происхождения. Новые регалии носили сакральный характер, они символически делали князя обладателем божественной благодати.

Вывод третий. Относящаяся к «ритуалам перехода» («rites de passage») церемония восприятия власти появляется еще в языческую эпоху в праславянском континууме. Она носила название «посаждение на отнем и деднем столе». Христианский вариант «посаждения» появляется на Руси не ранее первой четверти XII в. Эта церемония состояла из ряда этапов светского и церковного характера, но главным было возведение князя на «стол» в церкви и возложение на него священных регалий. В ходе церемонии князь «совершал переход» к новому статусу, наделявшему его, божественной благодатью и верховной властью. Монгольское нашествие круто изменило смысл и значение этого обряда, по сути, он превратился в инвеституру князя ордынским ханом. Политический ритуал играл огромную роль в легитимации власти в эпоху средневековья.

Вывод четвертый. Титулатура как специальная терминология, обозначающая и отражающая функции и статус носителя власти, появляется у славян и скандинавов еще в догосударственный период. Титул князь у праславян носил верховный жрец племени. Первые Рюриковичи, заимствуя у славян титул «князь», добавляют к нему эпитет «русский», который в IX – X вв. нес в себе не этнический, а социально-политический смысл. Тогда под этим выражением понималось «вождь войска». А это являлось калькой с древнешведского титула «herkonungr» – «вождь войска». Со второй половины IX в., когда киевский князь становится преемником хазарского владычества над некоторыми славянскими племенами, он принимает титул «каган». Этот тюркский титул сохраняется за киевским князем до конца XI в. Титул «цесарь» некоторых русских князей не был официальным, он являлся скорее отражением симпатий летописцев и других лиц употреблявших его, к тому или иному князю. В период раздробленности в титулах появляется обозначение территории, на которую распространяется власть того или иного князя. Сеньориально-вассальные связи строились на патриархально-семейной основе по символической схеме «отец» – «сын». Такая же схема бытовала и в Армении того периода. В титулах русских князей отразились те же процессы, что и у ее соседей. Титул в средневековом обществе был неотъемлемым элементом политической культуры и важным фактором международных отношений.

Власть в Древней Руси имела свою уникальную символику, которая сложилась на основе различных этнокультурных традиций, влиявших на нее прямо или опосредованно.

Вывод пятый. Сопредельные страны оказали значительное влияние на древнерусские атрибуты власти, особенно это заметно на фоне христианизации государства, а также процесса политической раздробленности Русской земли. Византийская империя стала тем источником, из которого вышли все известные символы, регалии и ритуалы христианской политической культуры, в том числе и русской вплоть до 1917 г. Империя ромеев, переработав на христианской основе опыт древних цивилизаций, создала уникальную традицию величания власти, выраженную в этикете, многочисленных регалиях, одеяниях, ритуалах, заключавших в себе глубокий смысл и символику. Византийский опыт получил распространение во многих христианских государствах, но особенно полно в странах восточно-христианской ойкумены.

Северный сосед Руси – Скандинавия эпохи викингов – имела свои уникальные традиции в области внешних элементов политической культуры – регалий и ритуалов власти. Конунг совмещал жреческие и светские функции, при значительном

преобладании первых. На основе мифологии и языческого мировосприятия существовали политические ритуалы, и концепция власти. Наличие регалий власти у скандинавского конунга до сих пор остается под вопросом. Маркирующим конунга признаком были: особый обряд погребения, набор особых украшений и оружия. На раннем этапе существования в Древнерусском государстве существовали скандинавские атрибуты власти, такие как Кубок Браги, метание копья во врага князем и др.

Католическая Европа была лишена той пышности ритуалов и регалий, которая процветала в странах византийской ойкумены. Заимствованные в Византии инсигнии и обряды упрощались, т.к. их смысл и символика были непонятны, и дополнялись национальными особенностями. Внешние формы политической культуры, созданные в католических империях, распространились в западославянских государствах. Политическая атрибутика этого региона отразилась лишь на Западной Руси, да и то на очень короткий период с середины XIII по начало XIV в.

Политическая культура мира кочевников степей Евразии была полностью подчинена специфике кочевого образа жизни. Храбрость и мужество у кочевников определяют знатность и социальный статус, которые воплощаются во внешнем виде (некоторые виды оружия, прическа и др.). Лишь с разложением родового строя особая одежда и регалии становятся атрибутами носителей власти у кочевников, главными функциями которых были культовые функции. Кочевнические традиции власти перенимают русские князья на раннем этапе, так Святослав выглядит как настоящий кочевник. В это же время атрибутом власти становится наборный пояс – неотъемлемая часть костюма воина-кочевника, а также титул «каган», который существовал на Руси на протяжении 100 – 200 лет.

Вывод шестой. Атрибуты верховной власти Древней Руси формировались и развивались вместе с политическими отношениями и устройством государства. Древняя Русь шла тем же путем, которым шли другие страны Европы. На символику власти, в первую очередь, влияли традиции праславянской древности, именно туда своими корнями уходит ритуал восприятия власти – «посаждение на отнем и деднем столе». Любой атрибут власти сопровождал определенный политический ритуал. Менялся ритуал, менялись и символы власти.

Огромное влияние на древнерусскую государственность оказало христианство. И с конца X века Русь прочно входит в сообщество христианских народов. Христианская теология становится источником для новой государственной идеологии и соответственно

новых символов власти. Как неофиты христианства русские князья стремятся продемонстрировать свою принадлежность к новой вере. На монетах, печатях, а позже и на других предметах появляется отвлеченный символ Иисуса Христа – соединение альфы и омеги. В эпоху раздробленности лев (барс, «пардус», леопард) занимает важное место в символике Владимирской Руси (а также Галицко – Волынского княжества). Он также является продуктом христианского богословия. Лев сохранится и в московской символике XIV – XV вв.

Таким образом, политическая символика Древней Руси формировалась и развивалась под влиянием двух факторов – сохранение национальной традиции и вхождение в единую европейскую христианскую культуру. Одежды и атрибуты носителей власти – это не только предметы материальной культуры прошлого, не только часть политической культуры, но и явление, тесно связанное с духовной жизнью и идеологией. Регалии и ритуалы как элементы политической культуры, собственно и делали власть властью в глазах средневекового человека. Средневековая ментальность требовала сочетания внутреннего содержания власти с внешне воспринимаемой формой.

Результаты изучения древнерусских атрибутов власти в сравнительно-историческом плане в исследуемый период позволили извлечь определенные уроки, достаточно актуальные в условиях возрождения государственной символики России.

Во-первых. Проблема древнерусской атрибутики власти периода становления государственности в силу своей многогранности и слабой изученности требует комплексного подхода в изучении, учитывая, что возрождение государственных символов в современных условиях должно проходить на прочной научной и идеологической основе, соответствовать исторической истине и служить укреплению государственности.

Во-вторых. Символы власти прошлого, возрождаемые в наши дни должны способствовать консолидации общества, а не разделять его или давать поводы к конфронтации. Период перемен в политической жизни страны требует с определенной осторожностью относиться к отечественной истории, символам, сложившимся в советское время и уважаемым большей частью российского общества, особенно старшего поколения, так как непродуманное внедрение в жизнь новых «старых» символов способно оказать обратное воздействие.

В-третьих. Символы власти и государственности – мощное средство идеологического воздействия и патриотического воспитания – должно быть государственным и обуславливаться характером целей и задач деятельности государства, политическим устройством и особенностями национально-государственных традиций.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Видукинд Корвейский. Деяния саксов. – М., 1975.
2. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. – М. – Л., 1938.
3. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М. – Л., 1949.
4. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. – М., 1993.
5. Древнерусское государство и его международное значение. – М., 1965.
6. Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв. – М., 1976.
7. Жизнеописание Людовика Толстого// Социальная история средневековья. – М.–Л., 1927.
8. Жизнь царицы цариц Тамар. – Тбилиси, 1985.
9. Западноевропейский эпос. – Л., 1977.
10. Иаков Мних. Память и похвала Владимиру// Кузьмин А. Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. – Рязань, 1969.
11. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. – Баку, 1986.
12. Илларион. Слово о Законе и Благодати. //Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древнерусской литературе. – М., 1973.
13. Иоанн Экзарх. Шестоднев// Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX – XVIII вв. – М., 1990.
14. Исландские саги. – М., 1956.
15. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 – 922 гг. – Харьков, 1956.
16. Комнина Анна. Алексиада. – М., 1965.
17. Константин Багрянородный. Об управлении империей.– М., 1991
18. Константин Багрянородный. О церемониях (в отрывках).// Памятники византийской литературы IX – XIV вв. – М., 1983.
19. Лев Диакон. История. – М. , 1987.
20. Материалы по истории СССР. Вып. I. – М., 1985.
21. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.– Л., 1950.
22. Повесть временных лет. – М.– Л., 1950
23. Полное собрание русских летописей.- Тт. I – 40. Изд. 1-е, 2-е.
24. Светоний. Жизнь XII цезарей.
25. Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. – М.– Л., 1950.
26. Радзивилловская летопись. – СПб – М., 1994.
27. Слово Даниила Заточника // Памятники литературы Древней Руси: XII век. – М., 1980.

28. Сказание о князьях владимирских// Древняя русская литература. М.– 1980.
29. Слово о полку Игореве.
30. Снорри Стурлусон. Круг земной. – М., 1995.
31. Средневековье в его памятниках.– Под. ред. Д.Н.Егорова. М., 1913.
32. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной императорским Русским географическим обществом: Юго-Западный отдел. Материалы и исследования, собранные д.чл. П.П. Чубинским. – СПб., 1872 – 1878. – Т.1 – 7. Т.1, вып.1: верования и суеверия. 1872.
33. Эйнгард. Житие Карла// Средневековье в его памятниках // Под ред. Д. Н. Егорова. – М., 1913.

Монографии и статьи

1. Аверинцев С.С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры. //Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. – М., 1973.
2. Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии.– М.,1982.
3. Артамонов М. И. История хазар. – М., 1962.
4. Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. – М., 1944.
5. Бичурин Н.Я. Собрание сведений по исторической географии Срединной и Восточной Азии.– Чебоксары, 1960.
6. Бочаров Г.Н. Русские сюжетно-орнаментальные изделия с перегородчатой эмалью.// Средневековое искусство. Русь. Грузия.– М., 1978.
7. Бочаров Г. Н. Художественный металл Древней Руси. – М., 1984.
8. Брайчевська О. А. Вироби дрібної пластики, монети і актові печатки як джерело для вивчення чоловічих головних уборі в давноруського часу. //Старожитности Південної Русі. – Чернігів, 1993.
9. Вагнер Г.К. К вопросу о владими́ро-суздальской эмблематике.// Историко-архивный сборник. – М.,1962
10. Василевски Т. Христос Пантократор на печатях и монетах монархов Руси и его византийские и болгарские образцы.// Византийский временник. Т. 52. – М., 1991.
11. Волошинов В.И. (Бахтин М.М.). Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке.-Л.,1929.
12. Воронин Н.Н. Владимир, Боголюбovo, Суздаль, Юрьев-Польской.-М.,1958.
13. Высоцкий С. А. Ктиторская фреска Ярослава Мудрого в Киевской Софии// Древнерусское искусство. – М., 1988.

14. Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской. – Киев, 1976.
15. Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. – Харьков, 1916.
16. Герб и флаг России X-XX века.– М.,1997.
17. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. – М.,2004
18. Даркевич В. П. Раскопки на южном городище Старой Рязани. //Археология Рязанской земли. – М., 1974.
19. Дашков С. Б. Императоры Византии. – М., 1996.
20. Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах.– Л.,1991.
21. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики.– Л.,1973.
22. Дубровский А. М. И др. Российская средневековая цивилизация. – Брянск, 1994.
23. Дюби Ж. Европа в средние века. – М., 1994.
24. Ершевский Б.Д. Дрогичинские пломбы. Классификация, типология, хронология.// ВИД. Т.17.– Л.,1981.
25. Жемличка И., Марсина Р. Возникновение и развитие раннефеодальных централизованных монархий в Центральной Европе (Чехия, Польша, Венгрия). //Раннефеодальные государства и народности. – М., 1991.
26. Иванов В. В. Сходные черты в культе волка на Кавказе, в древней Малой Азии и на Балканах.// Кавказ и Средиземноморье. – Тбилиси, 1980.
27. Исаевич Я. Д. Из истории культурных связей Галицко – Волынской Руси с западными славянами в XII – XIV вв.// Польша и Русь. – М., 1974.
28. История ментальностей. Историческая антропология.- М.,1996.
29. Канторович Э. Два тела короля. Очерк политической теологии средневековья.// История ментальностей. Историческая антропология. – М., 1996.
30. Карамзин Н. М. История государства российского. – Калуга, 1993.
31. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства.– М., 1987.
32. Карраско Д. Религии Мезоамерики.// Религиозные традиции мира. – М., 1996.
33. Ковалевский С. Д. Образование классового общества и государства в Швеции. – М., 1977.
34. Корзухина Г. Ф. Русские клады IX – XIII вв. – М.- Л., 1954.
35. Коронационный сборник.- Т.1. СПб., 1899.
36. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М., 1997.
37. Лакиер А. Б. Русская геральдика. – М., 1990.

38. Лебедев Г. С. Конунги – викинги.// Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. – Л., 1983.
39. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. – Л., 1985.
40. Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. – М., 1956.
41. Лихачев Н.П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. - Вып. 2., Л., 1930.
42. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство.– М., 1976.
43. Луконин В. Г. Древний и раннесредневековый Иран. – М., 1987.
44. Луконин В. Г. Иран в III веке. – М., 1979.
45. Львов А.С. Лексика ПВЛ. – М., 1975.
46. Любимов Л. Д. Искусство Древней Руси.– М., 1974.
47. Макарова Т. И. Черное дело Древней Руси. – М., 1986.
48. Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. – М., 1976.
49. Маслова Г.С. Народная одежда в Восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – нач. XX в. – М., 1984.
50. Медведев И.П. Империя и суверенитет в средние века.// Проблемы истории международных отношений. – Л., 1972.
51. Медынцева А. А. Чара Владимира Давыдовича.// Тезисы докладов историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX – XIII вв.» - Чернигов, 1988.
52. Мельникова Е. А. «Знаки Рюриковичей» на восточных монетах. //Исторія Русі – України. – Київ, 1998.
53. Мельникова Е. А. «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого. //Древнейшие государства на территории СССР. 1985 г. – М., 1986.
54. Мерцалова М. Н. Костюм разных времен и народов. Т. 1. – М., 1993.
55. Молчанов А.А. Знаки княжеской собственности в политико-административной жизни Древней Руси. АКД. М., 1976.
56. Назаренко А. В. Русь и Германия в IX – X вв.// Древнейшие государства Восточной Европы. 1991 г. – М., 1994.
57. Некрасов А.И. Возникновение русского искусства.– М., 1929.
58. Нидерле Л. Славянские древности. – М., 1956.
59. Николаева Т. В. Предметы княжеского убора XIV в.// Памятники культуры 1976 г. – М., 1977.
60. Николаева Т.В. Рязанская икона с изображением Пантократора и Никиты с бесом// Древняя Русь и славяне.– М., 1978.

61. Новожеев Р.В. К вопросу о древнерусских знаменах.// Проблемы славяно-русской археологии Чернигово-Брянских земель. Материалы XVI конференции. Вып.4. Брянск, 1998.
62. Новожеев Р.В. Князь в Древней Руси: проблемы реконструкции убора и регалий.// Деснинские древности. Материалы научной конференции.–Брянск, 1999.
63. Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя.// Вопросы истории. – 1982. - №4.
64. Острогорский Г. А. Эволюция византийского обряда коронования. //Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Очерки по истории Византии.– СПб.,1912.
65. Орлов Р.С. Язычество в княжеской идеологии Руси.// Обряды и верования древнего населения Украины.– Киев,1990.
66. Очерки русской культуры XIII-XV вв. Материальная культура.– М.,1969.
67. Пекарчик С. Сакральный характер королевской власти в Скандинавии и историческая действительность.// Скандинавский сборник. Вып.Х.-Таллин,1965.
68. Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI вв.– Смоленск,1995.
69. Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России.– М.,1998.
70. Плетнева С.А. Половцы.– М.,1990.
71. Плетнева С.А. Хазары.– М.,1986.
72. Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства.– СПб.,1995.
73. Потин В.М. Древняя Русь и европейские государства в X – XIII вв. Историко-нумизматические очерки.– Л.,1968.- С.170.
74. Рабинович М.Г. Древнерусские знамена (X–XV вв.) по изображениям на миниатюрах.// Новое в археологии. – М., 1972.
75. Раннефеодальные государства на Балканах VI-XII вв.– М.1985.
76. Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв.: каталог памятников.– Л.,1982.
77. Раткош П. Великая Моравия – территория и общество.– М., 1985.
78. Риттэр Э.А. Чака Зулу.– М.,1977.
79. Ронин В.К. Самосознание карантанской и ободритской знати.// Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе.– М.,1988.
80. Рыбаков Б.А. Из истории культуры Древней Руси.– М.,1984.
81. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси.– М.,1988.
82. Рябцевич В.Н. О чем рассказывают монеты.– Минск,1977.
83. Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси.– М.,1980.
84. Свердлов М.Б. Изображение княжеских регалий на монетах Владимира Святославича.// Вспомогательные исторические дисциплины.– Л.,1972.

85. Сказание о венчании на царство русских царей и императоров. Под ред. П.П.Пятницкого.– М.,1896.
86. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под ред. Н.И. Толстого.– М.,1995.
87. Словарь русского языка XI-XVII вв.– М.,1979.
88. Советская историческая энциклопедия.– М.,1965.
89. Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. – Киев, 1959.
90. Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X-XI вв.– Л.,1983.
91. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. – М., 1989.
92. Стеблин-Каменский М.И. Комментарии к «Старшей Эдде»././ Западноевропейский эпос. – Спб.,2002.
93. Степи Евразии в эпоху средневековья.– М.,1981.
94. Татищев В.Н. История Российская. – Т. 1. – М., 1962.
95. Таубе М.А. Загадочный родовой знак семьи Владимира Святого././ Сб. статей, посвященных П.Н. Милюкову.– Прага, 1929.
96. Творогов О.В. Князья Рюриковичи: краткие биографии.– М.,1992.
97. Токарев С.А. Ранние формы религии.– М.,1990.
98. Толочко А.П. Царский титул Рюрика Ростиславича, соправителя Святослава Всеволодовича././ Тезисы докладов историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX-XIII вв» – Чернигов,1988.
99. Толочко П.П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII-XIII вв.– Киев,1980.
100. Тржештик Д. Возникновение славянских государств в Среднем Подунавьи././ Раннефеодальные государства и народности.– М.,1991.
101. Тыпкова-Займова В. Структура Болгарского государства и проблемы гегемонии на Балканах. // Раннефеодальные государства и народности.– М.,1991.
102. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.– М.,1986.
103. Федоров-Давыдов Г.А. Монеты Московской Руси.– М., 1981.
104. Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата.– М.,1993.
105. Фехнер М.В. Ткань с изображением львов и птиц из великокняжеской гробницы во Владимире././ Новое в археологии.– М.,1981.
106. Философский словарь. Под ред. М.М. Розенталя. – М.,1975.
107. Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI-X вв.).– Спб., 1996.
108. Фрэзер Д. Золотая ветвь.– М.,1983.

109. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора.– М.,1980.
110. Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья. Византия и Русь.– М.,1990.
111. Шаскольский И.П. Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства).// Древнейшие государства на территории СССР. М.,1986.
112. Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект.– Брянск,2002.
113. Шинаков Е.А. От пращи до скрамасакса.– Спб-Брянск,1995.
114. Шрейдер Ю.А. Логика знаковых систем (элементы семиотики). – М.,1974.
115. Щавелев А.С., Щавелев С.П. Антураж княжеских съездов на Руси: замечания по культурно-исторической семантике.//Любецькій з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі.– Чернігів,1997.
116. Юзбашян К.Н. Армянские государства Багратидов и Византия IX-XI вв.-М.,1988.
117. Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X-XV вв.– М.,1970.
118. Янін В.Л. Дві давньоруськи висячі печатки початку XI ст.// Історія Русі-України.- Київ,1998.
119. Constantini Porfirogeniti. De ceremoniis aulae byzantinae.- Bonnae, 1829.
120. Gennen A. van. Les rites de passage. Bruxelles.-1909.
121. Herrmann Y. Zwischen Hradschin und Vineta. – Leipzig, 1971.
122. Meunier Y.G. Du Symbole et d'ideologie// Problems d'analyse symbolique.-Quebec, 1976.
123. Olyanchin D. Die Symbolik des Zeichens auf den Münzen Vladimirs des Großen und seiner Nachkommen // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. –München, 1956.
124. Palme S.U. Stand och Klasser I forna dagars Sverige.- Stockholm,1947.
125. Schramm P.E.Herrschaftszeichen und Staatsymbolik.- Bd. I-IV.-Stuttgart, 1954-1956.
126. Zakynthinos. Byzance et les peuples de l'Europe du Sud-Est.-Sofia,1969.

Периодическая печать

1. Алексеев В.П. К вопросу о семантике сложных царских знаков Боспора.// Советская археология.1991.№2.
2. Завьялов В. И. Железные изделия из памятников Белозерья.// Российская археология. – 1996. - № 4.
3. Качуровська-Крючкова Л. Егбертів кодекс X – XI ст. та його українське оздоблення. //Пам'ятки України. – 1991. - № 4.

4. Крыласова Н.Б. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника.// РА.-1995.-№2.
5. Кулаков В.Н. Знамена дружин балтийского региона.// СА.-1989.- №4.
6. Толочко П.П. Про приналежність І функціональне призначення діадем І барм в древній Русі.// Археологія.-Т.XV.-Київ,1963.

Приложение 1

Словарь терминов

Автократор – один из титулов византийских императоров, его древнерусский аналог - титул «самодержец».

Архонт – греч. византийский титул, которым именовались константинопольской дипломатией ряд европейских монархов, в том числе и русские князья. Встречается на древнерусских печатях.

Атрибуты власти – предметно-действенное проявление сакральных, обыденных, идеологически закреплённых представлений о власти и ее носителях, выражающееся в комплексе регалий, символов, эмблем, политических ритуалов и титулатуры.

Бармы (ожерелье, монисто) – драгоценная регалия власти древнерусских князей с нач. XII в. в виде 3 - 6 медальонов на цепи, с изображением патрональных святых, креста, носившаяся на груди. В изменённом виде бармы просуществовали в качестве детали царского наряда вплоть до Петра I.

Василевс – титул византийских императоров.

Вейцла – круговой ритуальный объезд подвластной территории, совершаемый скандинавскими конунгами, сопровождался сбором дани и пирами.

Гривная утварь – комплекс драгоценных регалий древнерусского князя.

Держава – регалия власти европейских монархов со времен Древнего Рима, в виде глобуса на котором стояла богиня победы Виктория. С принятием христианства на шаре расположился крест.

Диадема (венец, диадима) – древнерусская княжеская корона, представлявшая собой несколько золотых киотцев, соединённых в драгоценную зубчатую ленту. Венец располагался в торжественных случаях над околышем шапки.

«Деисус» – от греч. «деисис» - моление, иконописная композиция, изображающая в центре Христа, к которому в молитве обращены по сторонам Богородица, Иоанн Креститель, апостолы и святые.

Златник – первая русская монета, чеканившаяся в конце X – начале XI в. Владимиром Святославичем, Святополком Окаянным, Ярославом Мудрым.

Инвеститура – церемония, сопровождающая юридический акт введения вассала во владение феодалом, уделом.

Инсигнии – (от лат. insignere – «выделять, украшать») регалии власти правителя.

Каган – традиционный тюркский титул верховного правителя. Со второй половины X в. и по конец XI в. применялся к великому князю киевскому.

Кесарь – один из высших византийских титулов, обычно дававшийся близкому родственнику императора.

Князь – древнейший славянский титул правителя. Единственный наследственный титул на Руси до эпохи Петра I.

Князь Русский – титул верховного правителя Руси вплоть до эпохи политической раздробленности. По аналогии с болгарским «хан юбиги» и скандинавским «герконунг» означал «вождь войска».

Колты – золотые или серебряные медальоны, использовавшиеся в качестве подвесок к княжескому венцу

Корзно – плащ-накидка, атрибут власти древнерусского князя до сер. XIII в.

Крест–мощевик – наперсный крест с частицами святых мощей, носимый князьями. Часто передавался по наследству.

Ктитор – меценат, выделявший средства на строительство церкви.

«Кубок Браги» – ритуальный турский рог, атрибут церемонии избрания конунга в древней Скандинавии.

Лабарум – древнеримский боевой штандарт, состоящий из древка с поперечной перекладиной и прикрепленного к ней квадратного куска ткани. С принятием христианства на нем стали помещать крест или христограмму.

Лор – деталь парадного облачения василевса в виде длинной широкой ленты украшенной золотом и камнями. Надевался спереди на правое плечо, обворачивался вокруг тела и перекидывался через левую руку.

Меч – вид тяжелого вооружения, атрибут княжеской власти в домонгольский период.

Мечник (меченоша) – старший дружинник, представитель княжеской администрации, знаковой функцией которого было хранение меча князя.

Ожерелье – древнерусское название барм.

Оплечье – шитый золотом ворот на хитоне древнерусских князей.

«Орлы» – парадный плащ византийских придворных с орнаментом в виде орлов, который императоры преподносили русским князьям.

Перпендулии – жемчужные подвески на короне византийского императора. На Руси их заменяли колты и рясны.

Полюдье – круговой ритуальный объезд подвластной территории киевскими князьями во вт. пол. IX – сер. X вв. с целью сбора дани.

«Посажение на стол» – ритуал коронации древнерусских князей, уходящий корнями в праславянскую древность. Существовал на Руси до середины XIII в., после монгольского нашествия был сильно упрощен и сведен к церемонии инвеституры, которую совершал ханский посол. Заменен церемонией венчания на царство в конце XV – сер. XVI века.

Потестарные отношения – отношения властвования, складывающиеся в догосударственный период.

Пояс – в эпоху средневековья символ воинской чести и благородного происхождения, как в Европе, на Руси, так и на Востоке. Часто передавался по наследству.

Ритуал перехода – ритуал, которым сопровождался переход человека в новый социальный или политический статус (например, коронация, посвящение в рыцари, инициация и т.д.)

Ритуализированный конфликт – сознательное ритуальное нарушение общепринятых норм и табу правителем с целью показательного отрыва от народа.

Рясны – серебряные или золотые цепи, на которые крепились колты.

Скипетр – регалия власти с глубокой древности, в виде длинного жезла – посоха. В христианскую эпоху скипетр принял вид креста.

Сребреник – первая русская монета, чеканившаяся в конце X – начале XI в. Владимиром Святославичем, Святополком Окаянным, Ярославом Мудрым.

Стемма – корона византийских императоров.

Стол – древнерусское название княжеского трона, сиденье без спинки с овальной подушкой и подножием.

Стяг – древнерусское название (до конца XV в.) воинского знамени.

Стяговник (стяжко) – княжеский дружинник, ответственный за знамя (стяг).

Табу – система запретов на совершение определенных действий (употребление каких-либо предметов, произнесение слов и т.п.) нарушение которых влечет неотвратимое наказание.

Титул – почетное владетельное, родовое или пожалованное звание. Неотъемлемый элемент средневековой политической культуры.

Тотемизм – вид первобытных верований и обрядов, связанных с представлением о родстве между группой людей (родом, племенем) и тотемами, животными или растениями.

Фибула – застежка плаща.

Хламида – парадный пурпурный плащ, надеваемый василевсом в апофеозе коронации.

Черная Могила – монументальный княжеский курган X в. в Чернигове. Исследован Д.Я. Самоквасовым.

Шапка (клобук – ?) – головной убор древнерусских князей, полусферической формы с меховой опушкой. Один из главных атрибутов власти князя.

«Шапка Мономаха» – золотой, филигранный головной убор с собольей опушкой, якобы полученный Владимиром Мономахом от византийского императора Константина IX Мономаха. С конца XV века главная регалия московских великих князей.

Эпоха викингов – период социально-политической и военной активности (пассионарности) жителей Скандинавии (конец VIII – 1066 г.). Характеризуется далекими походами и обширными этнокультурными контактами.

Приложение 2

Великие князья Киевские, Галицкие (короли Руси) и Владимирские

1. Игорь Рюрикович – 912 – ноябрь 944/945
2. Ольга (Елена) – 945–11.07.969
3. Святослав Игоревич – 945 – весна 972
4. Ярополк Святославич – Весна 972-980
5. Владимир (Василий) Святославич – 980 – 15.07.1015
6. Святополк (Петр) Владимирович (Окаянный) – июль 1015 – конец 1015
7. Ярослав (Георгий) Владимирович (Мудрый) – конец 1015 – после 22.07.1018
8. Святополк Окаянный (второй раз)– 14.08.1018–конец 1018
9. Ярослав Мудрый (второй раз) – 1019–20.02.1054
10. Изяслав (Дмитрий) Ярославич – февраль1054 – 15.09.1068
11. Всеслав Брючиславич – 15.09.1068 – апрель 1069
12. Изяслав Ярославич (второй раз) – 2.05.1069 – март 1073
13. Святослав (Николай) Ярославич – 22.03.1073 – 27.12.1076
14. Всеволод (Андрей) Ярославич – 1.01.1077 – июль 1077

15. Изяслав Ярославич (третий раз) 15.07.1077 – 3.10.1078
16. Всеволод Ярославич (второй раз) октябрь – 1078 – 13.04.1093
17. Святополк (Михаил) Изяславич – 24.04.1093 – 16.04.1113
18. Владимир (Василий) Всеволодович (Мономах) – 20.04.1113 – 19.05.1125
19. Мстислав (Федор) Владимирович (Великий) – 20.05.1125 – 15.04.1132
20. Ярополк Владимирович – 17.04.1132 – 18.02.1139
21. Вячеслав Владимирович – 22.02.1139 – 4.03.1139
22. Всеволод (Кирилл) Ольгович (Всеволод II) – 5.03.1139 – 1.08.1146
23. Игорь (Георгий?) Ольгович – 1 – 13.08.1146
24. Изяслав (Пантелеймон) Мстиславич – 13.08.1146 – 27.08.1149
25. Юрий Владимирович (Долгорукий) – конец августа 1149 – лето 1150
26. Изяслав Мстиславич с Вячеславом Владимировичем (оба вторично) – лето 1150
27. Юрий Владимирович (второй раз) – до осени 1150 – весна 1151
28. Изяслав Мстиславич с Вячеславом Владимировичем (оба в третий раз) – весна 1151 – 13.11.1154
29. Вячеслав Владимирович с Ростиславом (Михаилом) Мстиславичем – ноябрь – декабрь 1154
30. Изяслав Давыдович – начало – март 1155
31. Юрий Долгорукий (третий раз) – 20.03.1155 – 15.05.1157
32. Изяслав Давыдович (второй раз) – 19.05.1157 – декабрь 1158
33. Мстислав (Фёдор) Изяславич – 22.12.1158 – 11.04.1159
34. Ростислав Мстиславич (второй раз) – 12.04.1159 – между 8 и 12.02.1161
35. Изяслав Давыдович (третий раз) – 12.02. – 6.03.1161
36. Ростислав Мстиславич (третий раз) – март 1161 – 14.03.1167
37. Владимир Мстиславич – март – май 1167

38. Мстислав Изяславич (второй раз) – 19.05.1167 – 12.03.1169
39. Глеб Юрьевич – март 1169 – конец февраля 1170
40. Мстислав Изяславич (третий раз) – начало марта – 13.04.1170
41. Глеб Юрьевич (второй раз) – апрель 1170 – 20.01.1171
42. Владимир Мстиславич (второй раз) – 15.02. – 10.05.1171 ,
43. Роман (Борис) Ростиславич – июль 1171 – февраль 1173
44. Михаил и Всеволод (Дмитрий) Юрьевичи – 18.02. – 24.03.1173
45. Рюрик (Василий) Ростиславич – 24.03.– осень 1173
46. Ярослав (Иоанн) Изяславич - ноябрь – декабрь 1173
47. Святослав (Михаил) Всеволодович – 12 дней в декабре 1173 или в январе 1174
48. Ярослав Изяславич (второй раз) – начало – лето 1174
49. Роман Ростиславич (второй раз) – лето 1174 – июль 1176
50. Святослав Всеволодович (второй раз) – 20.07.1176 – август/сентябрь 1180
51. Рюрик Ростиславич (второй раз)– август/сентябрь 1180 – лето 1181
52. Святослав Всеволодович (третий раз) – лето 1181 – 25.07.1194
53. Рюрик Ростиславич (третий раз)– июль 1194 – осень 1201
54. Ингварь Ярославич - осень 1201 – конец 1202
55. Рюрик Ростиславич (четвёртый раз) – 1/2.01.1203 – зима 1204
56. Роман Мстиславич – 1204 – лето 1205
57. Рюрик Ростиславич (пятый раз) – июль 1205 – 1206
58. Всеволод (Даниил) Святославич (Чермный) – лето – осень 1206

59. Рюрик Ростиславич (шестой раз) – осень 1206 – весна 1207
60. Всеволод Святославич (второй раз) – весна – ноябрь 1207
61. Рюрик Ростиславич (седьмой раз) – ноябрь 1207 – осень 1210
62. Всеволод Святославич (третий раз) – осень 1210–1212
63. Ингварь Ярославич (второй раз) – 1212
64. Мстислав (Борис) Романович – 1212 – 1218
65. Владимир (Дмитрий) Рюрикович – 1219
66. Мстислав Романович (второй раз) – 1219 – 31.05.1223
67. Владимир Рюрикович (второй раз) – 16.06.1223 – июнь 1235
68. Изяслав Мстиславич – июнь – конец 1235
69. Владимир Рюрикович (третий раз) – конец 1235 – 1236
70. Ярослав (Фёдор) Всеволодович (Ярослав II) – 1236 – весна 1238
71. Михаил Всеволодович – лето 1238 – весна 1240
72. Ростислав Мстиславич – весна – лето 1240
73. Даниил (Иоанн) Романович – с лета 1240

6 декабря 1240 года Киев был взят войсками Батыя.

Рюриковичи – короли Руси (Галицкие князья)

1. Король Даниил Романович – 1253 – 1264
2. Лев Данилович – 1264 – 1301?
3. Король Юрий Львович – 1301? – 1308
4. Андрей и Лев Юрьевичи – 1308 – 1323

Великие князья Владимирские (до 1263 г.)

1. Андрей Юрьевич (Боголюбский) – 4.06.1157 – 29.06. 1174
2. Ярополк Ростиславич – осень 1174 – 15.06.1175
3. Михаил Юрьевич – июнь 1175 – 19.06.1176
4. Всеволод (Дмитрий) Юрьевич (Большое Гнездо, Всеволод III) – июнь 1176 – 15.04.1212

5. Юрий Всеволодович – апрель 1212 – 21.04.1216
6. Константин Всеволодович – апрель 1216 – 2.02.1218
7. Юрий Всеволодович (второй раз) – февраль 1218 – 4.03.1238
8. Ярослав (Фёдор) Всеволодович (Ярослав II) – 1238 – 30.09.1246
9. Святослав (Гавриил) Всеволодович – 1246 – 1248
10. Михаил Ярославич (Хоробрит) – 1248 – 1249
11. Андрей Ярославич – 1249 – июль 1252
12. Александр Ярославич (Невский) – 1252 – 14.11.1263

Приложение 3

Псевдо-Каллисфен «Александрия»

«...Я (Александр Македонский – Р.Н.) подумал еще и спросил себя – действительно ли здесь конец земли, здесь ли опирается на нее небо. И я решил искать истину. Я приказал взять из числа птиц в этом месте двух. Это были огромные белые птицы, ручные, ибо, увидев нас, они не убежали. Некоторые из воинов поднялись к ним на плечи, и они подняли их и взлетели. Они питались дикими зверями, а многие из птиц приходили к нам ради павших лошадей. Выбрав двух из этих птиц, я приказал не кормить их три дня. А на третий день я приказал изготовить из дерева род ярма и привязать его к их шеям. Затем я поручил принести бычью кожу и положить ее посреди ярма. Так соорудив нечто вроде корзины, я вошел в ее середину, крепко держа копье в 7 локтей длины, на конце которого была лошадиная печень. Тотчас же птицы взлетели, чтобы съесть печень. И я поднялся вместе с ними в воздух так, что казалось я был близко от неба. Я сильно дрожал, ощущая холод воздуха и ветер, производимый крыльями птиц. Потом внезапно я увидел перед собой человекообразную птицу, которая сказала мне: «О, Александр! Зачем, не познав земного, ты стремишься познать небесное? Возвращайся скорее на землю, пока ты не стал пищей птиц». Она мне сказала еще: «Посмотри на землю!» Охваченный ужасом, я посмотрел и увидел большого змея, свернувшегося в круг и внутри него – совсем маленький круг. И сказала та, которую я встретил: «Знаешь ли что это? Кружок – это земля, а змей – море, окружающее землю, то есть весь мир». И я повернул по высшей воле и спустился на землю далеко от стана, в семи днях пути...»